

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Носов Е. Н.</i> От редакции	7
--------------------------------------	---

СТАТЬИ

<i>В. П. Любин, Е. В. Беляева, Б. Ж. Мальсагов.</i> Палеолит Ингушетии и проблема заселения палеолитическими людьми предгорных равнин Северного Кавказа	10
<i>П. Е. Нехорошев.</i> Новые верхнепалеолитические стоянки на Юге Западной Сибири	23
<i>Вл. А. Семенов, С. А. Васильева, М. Е. Кизуновская.</i> Куйлуг-Хемский I грот – новый многослойный памятник каменного века в Туве	31
<i>В. Я. Шумкин, Е. М. Колмаков, А. И. Мурашкин.</i> Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря	42
<i>С. В. Красняенко.</i> Керамика поселения Шарыпово VI (к вопросу о культурных взаимодействиях в раннем бронзовом веке на юге Сибири)	53
<i>В. М. Массон.</i> Взаимоотношения степных обществ и древнегородских цивилизаций Бактрии и Маргианы во II тыс. до н. э.	62
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове	69
<i>С. С. Миньев, Л. М. Сахаровская.</i> Ханьское зеркало из могильника Царам	77
<i>В. А. Затыков.</i> Лунный заяц	83
<i>П. Е. Сорокин.</i> Раскопки ижорских могильников в бассейне реки Невы	94
<i>Г. В. Дажужневская.</i> Императорская Археологическая комиссия – главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917 гг.)	112

ХРОНИКА

РАБОТА СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НИМК РАН В 2001–2005 гг.

<i>Е. В. Беляева.</i> Отдел палеолита	119
<i>Г. Ф. Коробкова, Т. А. Шаровская.</i> Экспериментально-трассологическая лаборатория	126
<i>В. А. Алёкиш, Ю. Г. Кутимов.</i> Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа	133
<i>Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев.</i> Отдел истории античной культуры	140
<i>А. Н. Киртичников, А. А. Пескова.</i> Отдел славяно-финской археологии	147
<i>А. Н. Егорьев.</i> Лаборатория археологической технологии	157
<i>А. В. Субботин, Ст. А. Васильев.</i> Группа археологического мониторинга	161
<i>Г. В. Дажужневская.</i> Научный архив	166
Список сокращений	170
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках НИМК РАН»	172

CONTENS

<i>E. N. Nosov</i> . Editorial	7
--------------------------------------	---

ARTICLES

<i>V. P. Lyubin, E. V. Belyaeva, B. Zh. Malsagov</i> . Paleolithic of Ingushetia and the problem of the initial settlement of the North Caucasian piedmont plains	10
<i>P. E. Nehoroshev</i> . New Late Paleolithic sites in the south of West Siberia	23
<i>V. A. Semenov, S. A. Vasiliev, M. E. Kilunovskaya</i> . Kailug-Khem I shelter – a new multilayer Stone Age site in Tuva	31
<i>V. Ya. Shunkin, E. M. Kolpakov, A. I. Murashkin</i> . Some results of new excavations of the cemetery on Bolshoi Oleny island in the Barents Sea	42
<i>S. V. Krasnienko</i> . Ceramics from the settlement of Sharypovo VI (on the question of cultural contacts in the Early Bronze Age of Southern Siberia)	53
<i>V. M. Masson</i> . Relations between steppe societies and ancient urban civilizations of Bactria and Margiana in the 2 nd millennium BC	62
<i>Yu. A. Vinogradov</i> . Hand-modeled pottery of the Archaic Period from the settlement of Artyushchenko I on the Taman peninsula	69
<i>S. S. Minyaev, L. M. Saharovskaya</i> . Han mirror from the Tzaram cemetery	77
<i>V. A. Zaviatov</i> . Lunar hare	83
<i>P. E. Sorokin</i> . Excavations of the Izhora cemeteries in the Neva river basin	94
<i>G. V. Dluzhnevskaya</i> . Imperial Archaeological Committee – the main archaeological institution of Russian Empire (1859–1917)	112

CHRONICLE

Work of the IIMC subdivisions in 2001–2005

<i>E. V. Belyaeva</i> . Paleolithic department	119
<i>G. F. Korobkova, T. A. Sharovskaya</i> . Experimental-Tracological laboratory	126
<i>V. A. Alekshin, Yu. G. Kuttinov</i> . Department of archaeology of Central Asia and Caucasus	133
<i>Yu. A. Vinogradov, S. V. Kashaev</i> . Department of the history of classical culture	140
<i>A. N. Kirpichnikov, A. A. Peskova</i> . Department of Slavonic and Finnish archaeology	147
<i>A. N. Egorkov</i> . Laboratory of archaeological technology	157
<i>A. V. Subbotin, S. A. Vasiliev</i> . Group of archaeological monitoring	161
<i>G. V. Dluzhnevskaya</i> . Scientific archive	166
List of abbreviations	170
Instructions to contributors	172

ОТ РЕДАКЦИИ

Этим выпуском Институт истории материальной культуры РАН начинаст новую археологическую серию – «Записки ИИМК РАН». В последние годы наш коллектив ощущал постоянную необходимость в подобном издании. Дело в том, что за все время своего существования начиная с 1919 г., как бы ни имело место центральное государственное учреждение страны, сменявшее Императорскую Археологическую комиссию, – РАИМК, ГАИМК, ИИМК АН СССР, ИА АН СССР с их двумя отделениями в Москве и Ленинграде, всегда существовали издания разного плана, включавшие крупные статьи, иногда даже монографии, более мелкие работы, заметки и сообщения, рецензии, хронику. Достаточно вспомнить знакомые всем археологам со студенческой скамьи «Известия РАИМК», «Известия ГАИМК», «Сообщения ГАИМК», «Проблемы истории материальной культуры» (ПИМК), «Проблемы истории докапиталистических обществ» (ПИДО), наконец, «Краткие сообщения ИИМК», затем «Краткие сообщения ИА», первые сборники «Советская археология» и созданный на их основе кварталный журнал, а также целый ряд других изданий. Все это отражало многоплановую жизнь и проблемы археологического сообщества страны. В дореволюционный период палитра периодических публикаций была так же многопланова. Только в Санкт-Петербурге–Петрограде издавались «Известия Археологической комиссии» (ИАК) и «Отчеты Археологической комиссии» (ОАК), «Записки Русского археологического общества» (ЗРАО) и «Материалы по археологии России» (МАР), не говоря уж о различных периодических изданиях в Москве и многих городах Российской империи.

С 1992 г. ИИМК РАН стал издавать ежегодник «Археологические вести». Его главная задача изначально состояла в оперативном введении в научный оборот новой археологической информации, причем предполагалось публиковать сведения о последних раскопках и исследованиях не только сотрудников ИИМК, но и ученых других стран СНГ и дальнего зарубежья. Но многом это было обусловлено сокращением информационных потоков как между странами бывшего СССР, так и странами дальнего зарубежья, вызванным серьезными политическими изменениями и новыми экономическими реалиями.

К настоящему времени увидели свет 12 таких ежегодников, а еще два находятся в печати. Их авторами стали исследователи не только различных научных, образовательных и музейных учреждений Санкт-Петербурга, но и многих научных центров России от Владивостока, от Петрозаводска до Краснодара, ученые многих стран СНГ, а также Великобритании, Германии, Дании, Италии, Норвегии, США и других стран. На страницах ежегодника мы смогли поместить работы крупнейших ученых Т. Нунана (США), Ж. Клотта (Франция), Б. Амброзиани и И. Янсона (Швеция), А. Гвиди (Италия), А. Стальсберг (Норвегия), С. Д. Крыжицкого и П. П. Толочко (Украина), К. М. Байпакова (Казахстан), а имена наших российских коллег просто невозможно перечислить в кратком предисловии (среди них Э. А. Абрамова и В. М. Массон, В. Л. Янин и А. Н. Кирпичников, Г. Ф. Коробкова и Н. В. Полосьмак, И. С. Ка-

менецкий и Д. А. Крайнов, Б. Я. Ставиский и Б. И. Маршак и многие, многие другие) (Носов 2003: 9–10; Головачева 2004: 432–443).

Вместе с тем в ИИМК и в ИА АН СССР всегда существовала традиция публикации краткой научной информации о работе Отделов и Лабораторий Института, оперативных отчетов об уникальных полевых исследованиях, проведенных конференциях и вообще информации о текущей жизни отдельных подразделений. Эту роль выполняли «Краткие сообщения ИА АН СССР» (наследники «КСИИМК»), одним из заместителей главного редактора которых в последние годы был кто-то из сотрудников ЛОИА АН СССР – П. А. Раппопорт, а после него – А. Н. Кирпичников. В начале 1990-х гг. «КСИА» прекратили свое существование (увидели свет 210 выпусков). Только в 2001 г. ситуация изменилась. Благодаря, в первую очередь, инициативе академика В. В. Седова это одно из старейших периодических изданий страны по археологии возобновилось и вышел его 211-й выпуск. В 2005 г. появился 219-й номер под редакцией члена-корреспондента РАН Н. А. Макарова. Все это можно только приветствовать, имея в виду сохранение традиций отечественной археологической науки и сложившееся восприятие российских (советских) периодических изданий за рубежом («КСИИМК – КСИА» основан в 1939 г. и представлен практически во всех специализированных библиотеках мира).

Однако изменилась и структура археологических академических учреждений в России. С распадом СССР, на очередном витке реформ в 1991 г. и при расширении административной самостоятельности целого ряда институтов Санкт-Петербургского научного центра РАН, решением Президиума РАН Ленинградское отделение Института археологии было преобразовано в самостоятельный Институт с возвращением ему прежнего названия – Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН). При этом для сотрудников Института исчезло и такое («свое») периодическое издание, как «КСИА», сбор статей в которое начинался в ЛОИА весной, при объявлении той или иной тематики очередного выпуска. В моем личном восприятии, тогда молодого сотрудника Института, было так почетно и ответственно представить небольшую статью П. А. Раппопорту, который после просмотра согласовывал все с самим В. В. Седовым, курировавшим славянскую и средневековую тематику. Я не могу не подчеркнуть совершенно искренне, что именно благодаря Валентину Васильевичу Седову всякое деление при подборе статей в «КСИА» на москвичей и ленинградцев полностью отсутствовало. У В. В. Седова господствовал один принцип – принимаем хорошие статьи.

«КСИА РАН» возродились в Москве как печатный орган ИА РАН. «Археологические вести» регулярно публикуют информацию о научной деятельности ИИМК за год, сообщения о заседаниях ученых советов и т. д., но, естественно, не включают ту «местную» информацию о работе Отделов и Лабораторий, которая была традиционной для «Кратких сообщений». Именно поэтому мы решили начать издание «Записок ИИМК РАН» в Санкт-Петербурге. Главная цель издания – освещать работу нашего, становящегося все более малочисленным, но все еще достаточно сильного коллектива, его повседневную и текущую научную жизнь. Заседания и собрания. Конференции и семинары. Проблемы подразделений. Вот что должно попадать на страницы нашего издания. Многого уже не будет актуально через 20–30 лет, но реальная жизнь человека науки останется, как сохранилась для нас вся атмосфера 1930-х гг. в публикациях ГАИМК и ИИМК с их дискуссиями вокруг археологии, хотя в их изложении,

как мы все понимаем, существовал «допуск на совместимость» с возможностью сказать то, что думаешь.

Одним словом, «Записки ИИМК» я понимаю как сугубо институтский печатный орган. Именно поэтому в первом выпуске мы даем слово руководителям наших подразделений и их ученым секретарям, которые могут высказать свои мысли и подвести определенные итоги за последние пять лет работы. Конечно, мы планируем издание оперативной информации о новых открытиях и исследованиях в Отделах и Лабораториях. Редакция считает одной из важнейших своих задач введение в оборот материалов организуемых Институтом научных конференций и симпозиумов.

Почему мы остановились на наименовании «Записки»? Во-первых, исходя из того, что в сложившейся ситуации мы никого не дублируем, а во-вторых, именно «Записками» именовались некоторые еще дорволюционные археологические серии, издававшиеся в Санкт-Петербурге (ЗРАО, ЗОРСА). Будем надеяться, что изданию уготована достаточно продолжительная жизнь, как и всему коллективу ИИМК РАН.

Директор ИИМК РАН, член-корреспондент РАН
Е. Н. Носов

Носов 2003 – Носов Е. Н. От редакции // АВ. 2003. № 10. С. 9–10.

Головачева 2004 – Головачева Н. В. Содержание сборников «Археологические вести» № 1–10 // АВ. 2004. № 11. С. 432–443.

ПАЛЕОЛИТ ИНГУШЕТИИ И ПРОБЛЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМИ ЛЮДЬМИ
ПРЕДГОРНЫХ РАВНИН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

В. П. ЛЮБИН, Е. В. БЕЛЯЕВА, Б. Ж. МАЛЬСАГОВ

Первые следы пребывания палеолитических людей на территории Ингушетии были выявлены в 1961 г. во время кратковременных разведок, проведенных отрядом Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР. Небольшая серия обнаруженных тогда мустьерских изделий была собрана в дорожных кюветах и промоинах, вскрывших кровлю плейстоценовых суглинков на поверхности 50–60-метрового водораздельного мыса близ слияния р. Сунжи и ее левого притока р. Назранки. Место находок располагалось на 77-м км шоссе Владикавказ–Грозный, на восточной окраине селения Гамурзиево (Любин 1963: 153–158). В 1963–1964, 1975 и 1980 гг. этот же отряд произвел повторные сборы в Гамурзиево и, расширив район поисков, обнаружил подобные находки в долинах тех же рек близ соседствующих населенных пунктов – Насыр-корт, Экажево и Барсуки (Любин, Беляева 2001–2002: 322–327) (рис. 1).

В 2003 г. после длительного перерыва в палеолитических исследованиях на территории Республики совместная экспедиция Института истории материальной культуры РАН (ранее ЛОИА) и Археологического центра Республики Ингушетия (РИ)² провела более обширные рекогносцировочные работы во всех орографически выраженных зонах Ингушетии. На севере разведки велись в районе низкогорных Терского и Кабардинско-Сунженского хребтов, в центральной части – в пределах Ингушской (Сунженской) предгорной наклонной равнины, на юге – в горах вдоль ущелья р. Ассы и в расположенном на границе с Грузией Джейрахском ущелье (Любин, Беляева, Мальсагов 2004: 113–114) (рис. 1). Поездка на север удостоверила лишь наличие в этом районе галек вулканических пород, пригодных для изготовления каменных орудий. Южный маршрут позволил ознакомиться с горной местностью и собрать информацию о сырье и пещерных убежищах. Была обследована одна из пещер Джейрахского ущелья, расположенная на высоте 1700 м над уровнем моря к востоку от селения Бейни. Шурф выявил, однако, лишь голоценовые отложения с очажными прослойками. Дальнейший осмотр пещер был приостановлен ввиду военных действий в этом приграничном районе.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 04-06-8270а.

² В работах принимали участие Б. Ж. Мальсагов, И. Б. Печоха, М. Мальситов (Археологический центр РИ) и В. П. Любин, Е. В. Беляева (ИИМК РАН).

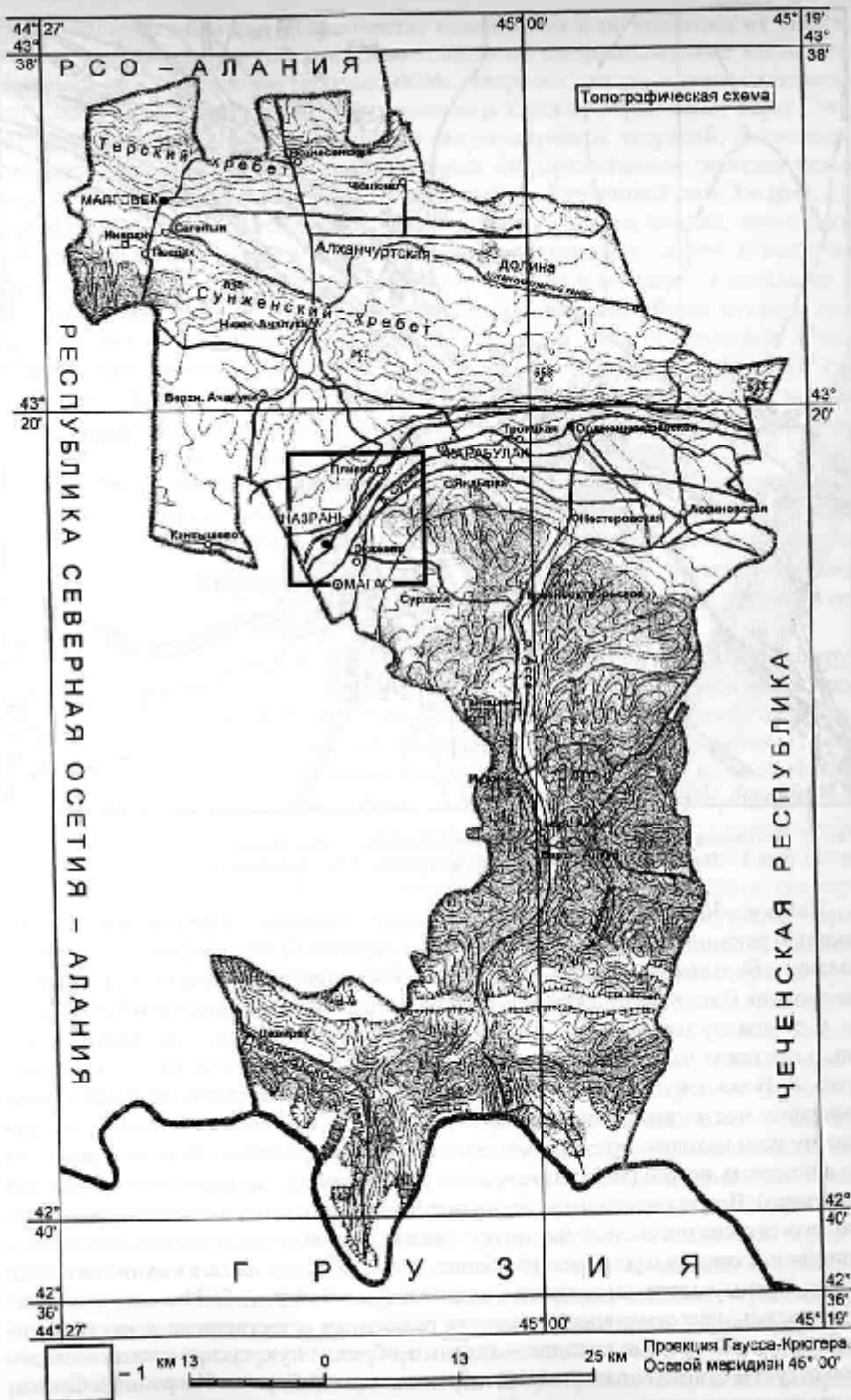

Рис. 1. Карта Ингушетии: 1 – район «Большой Назрани» с мустьерскими местонахождениями, отмеченными на рис. 2

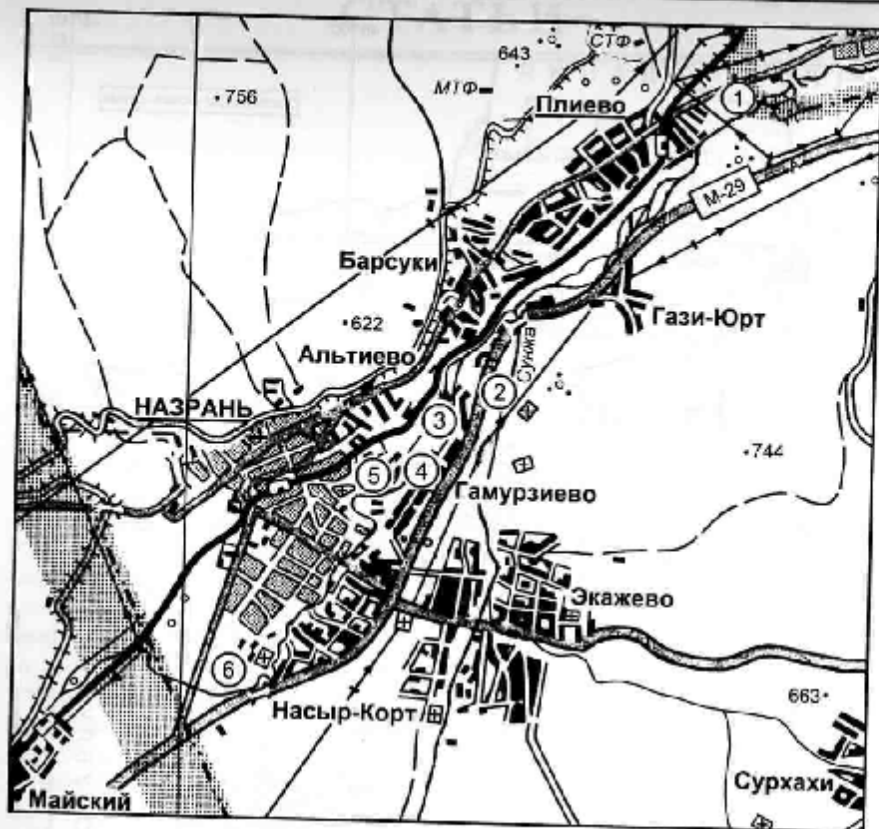

Рис. 2. Агломерация «Большая Назрань». Мустьеvские местонахождения: 1 – Плиево; 2 – Гамурзиево; 3 – Назрановская крепость; 4 – Гамурзиево 2; 5 – Альтиево; 6 – Насыр-корт

Намного более результативными оказались разведки, продолженные в центральной равнине Ингушетии, в бассейне верхней Сунжи, на участке так называемой «Большой Назрани», образованной слившимися с городом Назранью поселками Насыр-корт, Экажево, Гамурзиево, Альтиево, Барсуки и Плиево.

С запада эту агломерацию окаймляет Алханчуртский канал, с востока – р. Сунжа, а среднюю часть прорезает небольшой левый приток Сунжи – р. Назранка (рис. 2). В южной части агломерации в 2003 г. были повторно осмотрены открытые ранее местонахождения Насыр-корт и Гамурзиево, а также установлены новые пункты находок, приуроченные к долине р. Назранки – к бортам и обрывам ее невысоких террас (местонахождения Гамурзиево 2, Назрановская крепость и Альтиево). Все эти местонахождения доставили небольшой и однозначный с морфолого-типологической точки зрения материал: нуклеусы, отщепы, пластины и единичные орудия мустьеvского облика, изготовленные из галек вулканических пород, преимущественно дацита и андезита (рис. 6: 2; 7: 1, 5). Находки эти обнаруживались, как отмечалось, в местах различных естественных и искусственных вскрытий. Состав находок – главным образом нуклеусы и сколы – свидетельствует о существовании здесь, и прежде всего на берегах Назранки и Сунжи, мустьеvских памятников типа небольших мастерских, связанных с наличием подолжащего галечного сырья.

Наиболее важным как по количеству находок, так и по условиям их залегания представляется местонахождение Плиево на северной окраине «Большой Назрани». Местонахождение расположено на северо-восточной окраине одноименного селения, на крутом левом борту долины р. Сунжи. Обрывистый берег Сунжи представлен здесь 20–25-метровыми аккумулятивной террасой, сложенной лессовидными суглинками, в толще которых субгоризонтально залегает резко выделяющийся мощный галечниково-валунный слой толщиной до 4–5 м (рис. 3). Среди галек и валунов встречались как осадочные породы (сланец, алевролит, кремнистый известняк, лидит), так и изверженные (андезит, дацит). В высыпке галек непосредственно под этим компактным слоем и в галечных россыпях в подножии обрыва были обнаружены три десятка выразительных мустьеvских изделий. Все они, исключая один предмет, сделаны из дацита и андезита. Одно изделие было извлечено непосредственно из галечниковой толщи (рис. 4). Это огромный (18 × 22 × 11 см) поддисковидный нуклеус, изготовленный из валуна кремнистого известняка (рис. 5). В коллекции Плиево имеется еще 8 ядрищ, среди которых 5 дисковидных, включая мелкие срабатанные (рис. 7: 3), а также столь же истощенный двуплощадочный (рис. 7: 7) и многоплощадочный (рис. 6: 1). Среди сколов обращает на себя внимание необычно крупное и массивное леваляузское острие (рис. 7: 6), вместе с которым встречены и другие образцы сколов правильных очертаний, включая пластины с фасетированными ударными площадками (рис. 7: 2, 4). Орудия представлены единственным экземпляром – угловым скреблом на краевом отщепе.

На местонахождении Назрановская крепость, приуроченном к такому же крутому, но менее высокому обрыву правого берега р. Назранки, изделия также происходят из галечниково-валунной толщи сходного состава. Но находки здесь единичны (рис. 7: 1), а мощность и стратиграфическая позиция данной толщи не очень ясны: кровля ее прикрыта оползшим дерном, а подошва – осыпью (рис. 8). Находки из местонахождения Альтиево происходят из сходной гравийной толщи, вскрытой карьером на левом берегу р. Назранки, у восточной окраины одноименного селения. Во всех случаях изделия были окатаны слабо. Бечевник, который посещали мустьеvские люди для сбора пригодного сырья и где происходило его первичное расщепление, не испытал, по-видимому, сильного последующего перемыва и был относительно быстро захоронен под толщей лессовидных суглинков.

Бросается в глаза, что основным сырьем для изготовления мустьеvских орудий, собранных на местонахождениях Ингушетии в 2003 г. и в предшествующие годы (Любин, Белова 2001–2002: 325), а также на местонахождениях соседней Северной Осетии (Любин 1969), является галечный материал, в составе которого преобладают вулканические породы (андезит, дацит). По своему происхождению породы эти явно неместные, поскольку никаких следов вулканических извержений в данном регионе не отмечено. В то же время, судя по литературным данным, подобное вулканическое сырье широко распространено в рассматриваемой области и разнообразится по составу, возрасту и условиям залегания. Грубообломочные отложения, состоящие из галек и валунов изверженных и осадочных пород и имеющие мощность 80–100 м, были, в частности, вскрыты скважиной в районе Назрани. Эти отложения начали накапливаться в среднем плиоцене и рассматриваются как отложения рек и временных потоков, стекавших с Кавказских гор и образовавших в предгорной зоне Терско-Сунженской области почти непрерывный шлейф конусов выноса. Со временем они сформировали широкий пояс предгорных аккумулятивных аллювиальных наклонных равнин – Кабардинской, Осетинской, Ингушской, Чеченской (Сафронов 1972: 76–78).

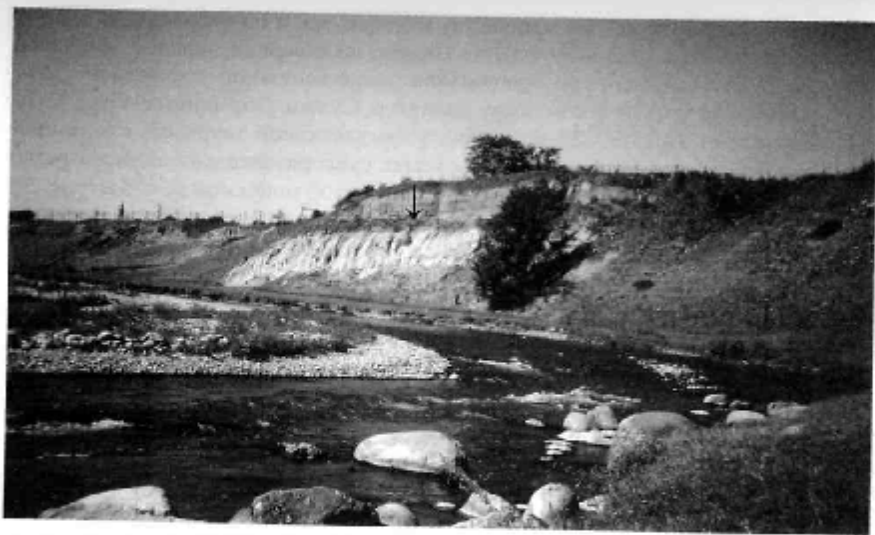

Рис. 3. Мустьерское местонахождение Плиево на р. Сунже, вид с ЮВ. Стрелкой указана галечниково-валунная толща в обрыве 20–25-метровой террасы

Рис. 4. Мустьерское местонахождение Плиево, толща галечника вблизи. Стрелка указывает место находки нуклеуса, изображенного на рис. 5

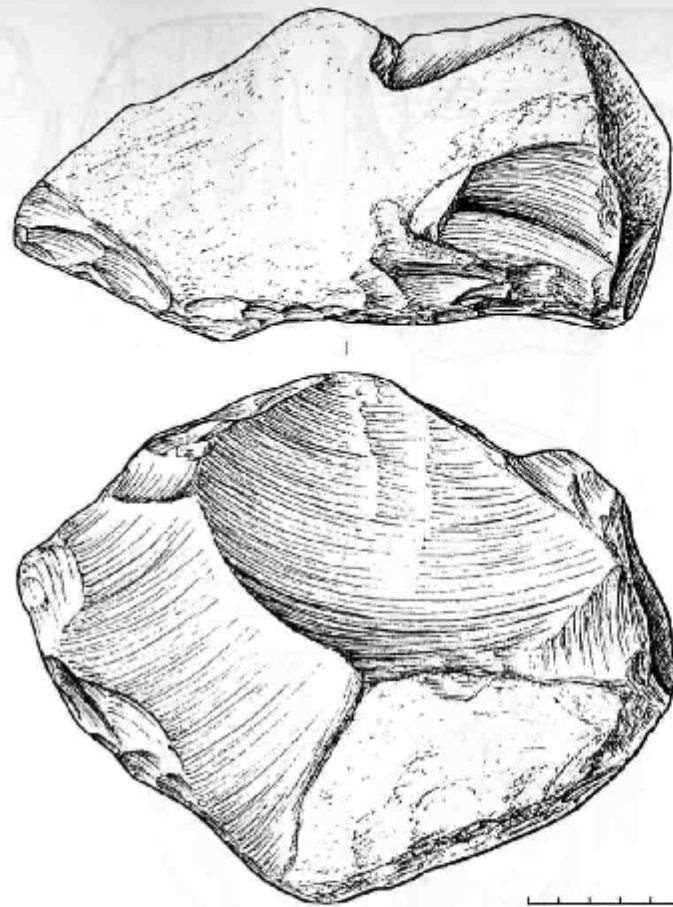

Рис. 5. Мустьерское местонахождение Плиево. Крупный поддисковидный нуклеус, окремненный известняк

В апшеронское время (ранний плейстоцен) в условиях более интенсивных тектонических движений и возросшей вулканической активности в горах Центрального Кавказа происходит новый мощный вынос в предгорья обломочного материала осадочного и вулканического происхождения. В апшеронской континентальной толще предгорных равнин выделяют «мореноподобные» грубообломочные накопления, вынесенные сюда, как полагают некоторые исследователи, ледниками (Пламеневский 1929; Ковалев 1966). Ныне большинство специалистов рассматривает указанные грубообломочные материалы не как морены древних оледенений Кавказа, а как следствие катастрофических селевых грязе-каменных потоков, возникавших во времена таяния горных ледников, в особенности в периоды извержений вулканов, а также при прорыве приледниковых озер (Милановский 1966; Сафронов 1972: 98; Думитрашко 1977).

Подобные материалы отмечены во многих местах названных наклонных равнин, а также на Терском и Сунженском хребтах и разделяющей их Алханчуртской долине (Прокопов 1931: 49–50) (рис. 1). Скопления крупных валунов и

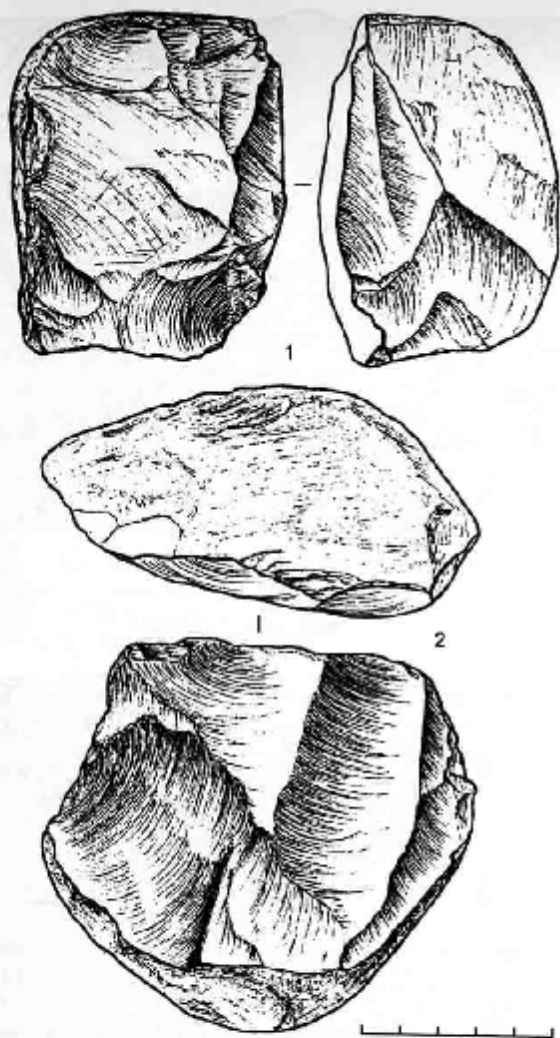

Рис. 6. Нуклеусы (дацит): 1 – Плиево; 2 – Альтиево

хорошо окаймленных галек вулканических пород наблюдал, в частности, А. Л. Рейнгард на горе Каменной на Терском хребте, в окрестностях селения Средние Ачалуки и близ станции Назрань. «Большинство валунов на вершине горы Каменная, – пишет он, – красные и зелено-серые андезиты казбекского типа... Обилие андезитов в конгломератах и подстилающих их галечниках заставляет искать место их происхождения в бассейне Терека, где широко распространены андезиты... Эти галечники, до того как они были вовлечены в тектонические процессы, формировавшие кабардинские цепи, представляли широкую слабо наклоненную к северу мантию, простиравшуюся около 130 км в направлении с запада на восток и до 80 км с юга на север от края Кавказских гор до широты Моздока... Затем они приняли участие в образовании Суиженской и Терской цепей» (Рейнгард 1928: 166, 170).

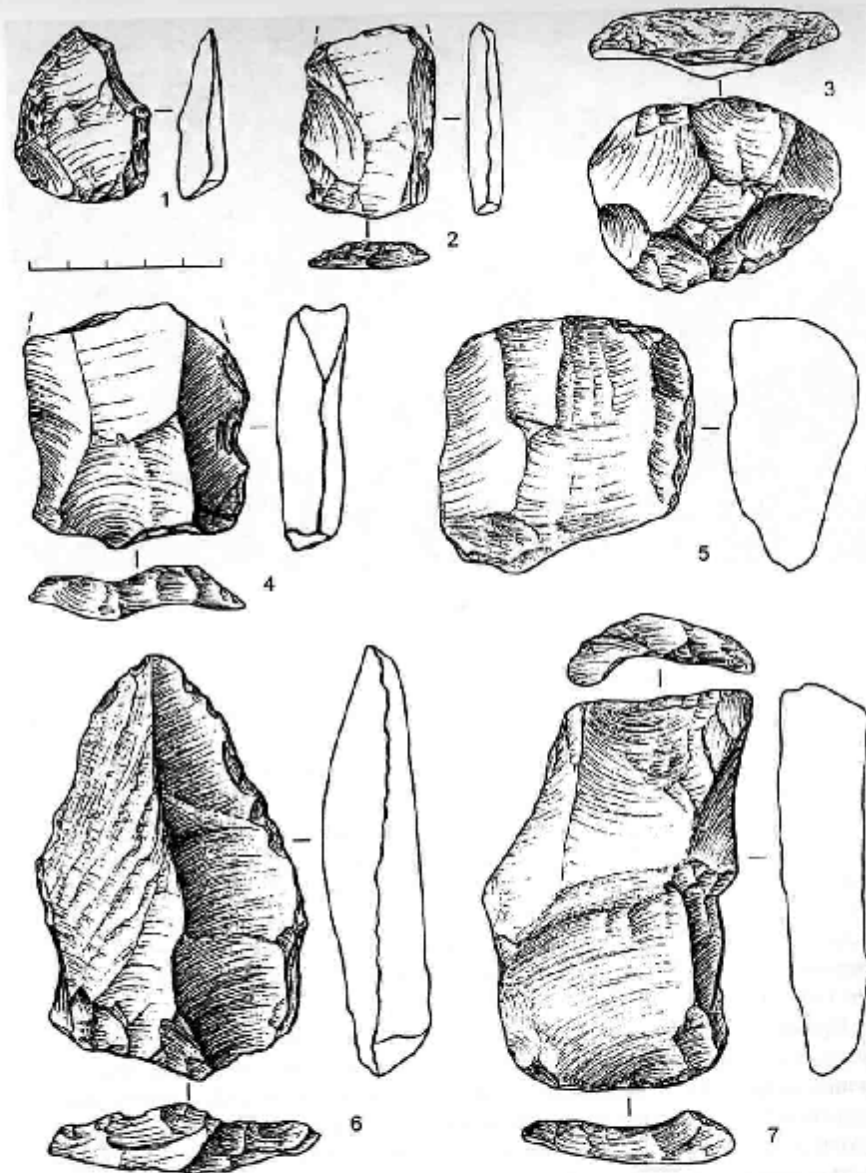

Рис. 7. Каменные изделия: 1 – скребло; 2, 4 – пластины; 3, 5, 7 – нуклеусы; 6 – леваллуазский остроконечник (1 – Назрановская крепость; 2-4, 6, 7 – Плиево; 5 – Гагурисво 2)

Рис. 8. Местонахождение Назрановская крепость. Сборы изделий, выпадающих из галечниковой толщи в обрыве высокой террасы р. Назранки

В апшеронское время реки Северной Осетии и Ингушетии текли в северном направлении и имели свои устья в районе Терского хребта. Терек, однако, направлял свои воды в сторону Сунжи. В составе аллювия ее долины содержатся вулканогенные породы, которые могли попасть сюда из вулканических центров, расположенных в верховьях Терека. Последующий этап плейстоцена ознаменовался поднятием Терско-Сунженского водораздела (Назрановская возвышенность) и ростом складок Терского и Сунженского хребтов, в результате чего здесь произошла сложная перестройка речной сети: Терек отклонился к северо-западу и перехватил реки Гизельдон, Фиагдон и Ардон, превратив их в свои левые притоки. Так в полосе предгорий произошла локализация стока рек в современных долинах, завершившаяся в начале позднего плейстоцена (Сафронов 1972: 114–116).

Приведенные сведения по истории рельефа и речной сети Терско-Сунженского района проливают свет на образование здесь, на предгорных наклонных равнинах (рис. 9) – Кабардинской, Осетинской и Ингушской – вулканогенной сырьевой базы. При отсутствии выходов кремня и недостаточном присутствии других подходящих пород (сланцы, песчаники и пр.) она, по всей видимости, была основной, по крайней мере в мустьерское время. Это удостоверяют результаты описанных выше поисковых работ. Наибольший интерес представляет местонахождение Плиево в долине р. Сунжи, где мустьерские изделия явно происходили из определенного стратиграфического уровня – компактной галечниково-валунной толщи, перекрытой и подстилаемой не менее мощными слоями суглинков (рис. 3, 4). Этот пункт, установленный в ходе кратких рекогносцировок, заслуживает несомненно дальнейшего исследования. Однако, как отмечалось, уже сейчас можно с уверенностью говорить о неместном происхождении вулканических пород, изобилующих в составе галечниково-валунного материала. Эти породы совершенно отсутствуют в русловых галечниках современной Сунжи.

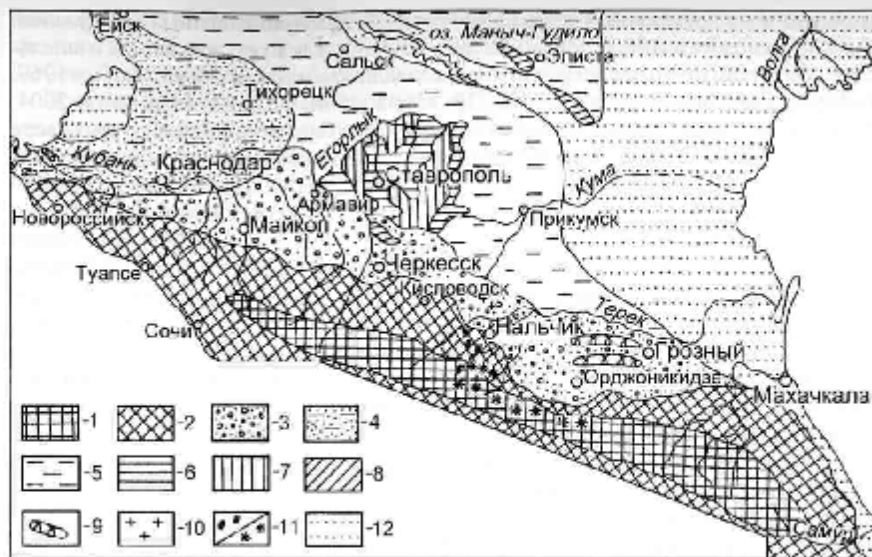

Рис. 9. Палеогеографическая схема Северного Кавказа в хазарское время (рис. – рисс-ворм; по И. П. Сафронову 1972: рис. 36). Условные обозначения: 1 – высокогорный рельеф с долиным оледенением; 2 – средне- и высокогорный рельеф; 3 – предгорные аллювиальные равнины; 4 – аллювиальные и аллювиально-дельтовые равнины; 5 – лессовые равнины; 6 – останцовые возвышенности; 7 – структурно-эрозионные высокие равнины; 8 – эрозионно-денудационные равнины; 9 – растущие антиклинальные гряды (Терский и Сунженский хребты); 10 – островные горы-лакколы; 11 – вулканические покровы и стратовулканы; 12 – нижнехазарский бассейн (подчеркнута типичный рельефа, рассматриваемые в данной статье)

Эта река в ее нынешнем состоянии берет начало в невысоких Черных горах, где нет ни малейших признаков вулканических извержений (Гатуев 1929: 166). Толща с вулканитами могла быть создана только плейстоценовым Терекком до перестройки речной сети и является свидетельством его давних блужданий. Не вполне ясно, однако, когда произошло формирование этого галечника – в начале плейстоцена, как полагает И. Н. Сафронов, или позже, незадолго до прихода сюда мустьерских людей.

Наше повышенное внимание к бассейну палео-Терека объясняется тем обстоятельством, что в плейстоцене реки этого бассейна являлись главным поставщиком кондиционного вулканического сырья из высокогорной Казбекской области на предгорные равнины. Остальные мелкие реки, начинавшиеся, как и современная Сунжа, в области низких гор Центрального Предкавказья, такое сырье поставлять не могли. В этом нас убедил опыт обследования русел и берегов 15 мелких рек на юге Ставропольского края в полосе между реками Золка и Зеленчук, которое было произведено летом 2001 г. Эта полоса оказалась бедна также и пригодными для изготовления каменных орудий осадочными породами. Кремневое сырье, в частности, насколько это известно на сегодняшний день, почти не доставлялось на равнины горными реками. В известняках Пастбищного и Скалистого хребтов, окаймляющих эти предгорья с юга, кремний представлен очень скудно (Любин, Беляева 2002: 79–81).

Итак, в Терском секторе предгорных равнин Предкавказья исходное сырье для палеолитических изделий добывалось, в основном, не из местных коренных

выходов, а из приносимых реками чужеродных валунно-галечных материалов. Судя по находкам в Ингушетии и Северной Осетии, как мустьерские, так и ашельские обитатели преимущественно использовали именно это сырье (Любин 1969: 6–46; Любин, Беляева 2001–2002: 335–336; Любин, Беляева, Мальсагов 2004: 113–114). Правда, совсем недавно к западу от Терского бассейна, на севере Минераловодской наклонной равнины, в подножии одной из вулканических островных гор Пятигорья (гора Кинжал) была открыта ашельская стоянка, базировавшаяся все же на местном сырье – метаморфизованном известняке. Изметем также найденные неподалеку от этой стоянки единичные изделия из местного вулканического сырья – белгтаунита (Любин, Беляева 2004: 104–111). Небольшие выходы коренного лавового сырья, которое, возможно, могло быть пригодным для обработки, известны близ г. Грозного – в восточной, или Чеченской, части наклонных равнин Терского бассейна (Милановский 1977: 224). Это единственные выходы андезитов во всей полосе предгорных равнин Северного Кавказа. Но они, как и вся Чеченская равнина, еще не исследованы с точки зрения наличия здесь палеолита.

Что касается равнинной зоны Западного Предкавказья (бассейн р. Кубань), то развитие рельефа в этом районе происходило примерно по такому же сценарию, что и на восточных равнинах. В нижнем плейстоцене здесь также произошла существенная перестройка речной сети. В начале плейстоцена нижний субириотный отрезок Кубани ниже современного г. Кропоткин еще не существовал: палео-Кубань и ее будущие левобережные притоки (=блуждающие водные потоки) самостоятельно впадали в расположенный здесь озерный бассейн. В конце нижнего плейстоцена Кубань в результате поднятия гор Большого Кавказа и, в особенности, его центральной части резко отклонилась к западу, а затем к юго-западу, перехватив на этом пути систему рек, ставших ее современными левыми притоками. В полосе предгорий и предгорных равнин (рис. 9) произошло формирование современных направлений рек, и состав галечников в каждой отдельно взятой долине, как и в бассейне Терека, отражал индивидуальные черты состава пород, развитых в истоках той или иной реки (Сафронов 1972: 114–115).

Вулканические породы в этой части Кавказских гор отсутствовали. Однако в составе пород, сносимых в виде гальки на равнины с передовых известняковых хребтов, местами были обильно представлены кремни с хорошими подолочными качествами. Наиболее «кремненосным» участком была территория средней части бассейна р. Кубани, расположенная в междуречье Белой и Лабы. Этот участок являлся главной сырьевой базой палеолитических индустрий Западного Предкавказья: в его пределах располагаются наиболее богатые материалом палеолитические местонахождения региона. Эти памятники зафиксированы здесь в пределах всей полосы Кубанской аллювиальной наклонной равнины от границы с ее низкорьями (Абадзехская, Курджипис и др.) и до северной окраины этой равнины близ городов Кропоткин и Армавир (карьер Гирей, русло р. Уруп) (Аутлев 1963; Формозов 1965; Голованова 1994). На восточной границе этого богатого кремнем Белореченско-Лабинского района находятся местонахождения на реках Ходзь и Губе (Формозов 1965; Аутлев, Любин 1994: 12–21; Беляева 1999: 164–172). К западу и востоку от Белореченско-Лабинского района количество палеолитических находок резко сокращается ввиду скудости выносимого с гор кремневого материала. В долинах таких притоков Кубани, как Афили, Пескупс, Апчас, Марта, Пшиш, Пшеха и ряда других, обнаружены многие десятки пунктов находок, но лишь два-три из них доставили коллекции, содержащие более полусотни изделий (Формозов 1952; 1965; Паничкина 1961: 20–38). Единственными богатыми находками памятниками Закубанья, расположенными вне данной кремневой зоны, являются стоянки

Ильская I и II, индустрии которых опирались на полисырьевую базу (доломит, кремезь, лидит и сланец) (Замятин 1934: 207–218; Bosinski, Seelinskij 2001; Любин, Беляева 2005: 107–109).

Подытоживая изложенные по данной проблеме материалы, можно заключить, что расселение ранних людей вне горных районов Северного Кавказа довольно жестко регламентировалось наличием сырья, пригодного для изготовления каменных орудий. Такое сырье встречалось только в некоторых зонах предгорных равнин, куда оно сносилось водами горных рек. Вулканическое сырье аккумуляровалось в бассейне Терека, кремневое – в определенном секторе бассейна Кубани. В районы, расположенные к северу от предгорных равнин, то есть в расположенные севернее Терека и Кубани степные лессовые равнины, подобное галечниковое сырье не поступало. Первоначальное заселение предгорных равнин, судя по сегодняшним данным, происходило в ашельское время (местонахождения Игнатенков куток, Абадзехская и многие другие в Закубанье, Кинжал в Пятигорье, Лысая гора в Северной Осетии, близ Владикавказа), а затем эту сырьевую базу освоили носители мустьерских индустрий. Возможно, что предгорные равнины, обладавшие отмеченными сырьевыми ресурсами, являлись северным пределом ойкумены ашельских и мустьерских людей на Кавказском перешейке.

Разумеется, ставить все точки над «i» пока рано, поскольку степное Предкавказье исследовано значительно хуже предгорного. В центре его находится Ставропольская возвышенность, на которой со времен плиоцена существовала самостоятельная речная сеть с радиальным разносом обломочного материала, то есть свои области сноса и аккумуляции местных аллювиальных отложений. В составе последних, в отличие от предгорных равнин, отсутствуют вулканические породы, а пригодные для обработки осадочные – кремневые в первую очередь – встречаются локально и в небольших объемах. Они отмечены, например, в верховьях таких рек, как Мокрый Карамык, Саблинка и Томузловка, на восточной периферии Ставрополя, в составе доакчагыльских аллювиальных галечников (Сафронов 1972: 71–75, 79–80, 96–97).

Разведками последних лет именно в этих местах были обнаружены небольшие выходы кремневого сырья и ряд мустьерских и ашельских (?) изделий. В долине р. Томузловки, близ пос. Жуковский, Х. А. Амирханов обнаружил кремневые гальки, несколько архаичных кремневых отщепов и обломки сильно фоссилизированных костей крупных животных (Амирханов, личное сообщение). Южнее, в бассейне р. Саблинка, в одном из песчаных карьеров был поднят фрагмент мустьерского скребла из кремнистого сланца, а в другом обнаружено кремневое сырье. Кроме того, к северу от станции Александровской, на Прикалаусских высотах (гора Голубиная), были найдены около десятка мелких сильно патинизированных изделий из кремневых галечек, напоминающих микрочоперы (Любин, Беляева 2006). При всей осторожности эти редкие находки допустимо рассматривать как первые свидетельства периодического проникновения мустьерских и ашельских (?) людей в степное Предкавказье. Известный интерес в этой связи представляет также давнее сообщение о находке в южном Ставрополье, в верховьях р. Калаус (Удельная степь), кремневых орудий и костей четвертичных животных (Рябинин 1918).

Аутлев 1963 – Аутлев П. У. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп, 1963.
Аутлев 1988 – Аутлев П. У. Исследование каменного века Закубанья за годы Советской власти // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 3–22.

- Аутлев, Любин 1994 – *Аутлев П. У., Любин В. П.* История исследования палеолита Губского бассейна // Исследования Губского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994. С. 12–21.
- Беляева 1999 – *Беляева Е. В.* Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб., 1999.
- Гатуев 1929 – *Гатуев С. А.* Явление захвата реки и бассейне Терека (Предкавказье) // Труды Геологического Музея АН СССР. Л., 1929. Т. 5.
- Голованова 1994 – *Голованова Л. В.* Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. СПб., 1994.
- Думитрашко 1977 – *Думитрашко Н. В.* Древнее оледенение // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М., 1977. С. 90–111.
- Замятин 1934 – *Замятин С. Н.* Итоги последних исследований Ильевского палеолитического местонахождения // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода. М.; Л.; Новосибирск, 1934. Т. 5. С. 207–235.
- Ковалев 1966 – *Ковалев П. В.* Закономерности развития оледенения на территории Большого Кавказа: Автореф. дис. ... д-ра геол.-мин. наук. М., 1966.
- Любин 1963 – *Любин В. П.* Первые исследования памятников каменного века в Чечено-Ингушской АССР // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1963. № 28. С. 153–158.
- Любин 1969 – *Любин В. П.* Палеолит Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 6–46.
- Любин, Беляева 2001–2002 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграций палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // *Stratum plus*. 2001–2002. № 1. С. 322–337.
- Любин, Беляева 2002 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Первые находки среднего и нижнего палеолита на Ставрополье // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Ессентуки; Кисловодск, 2002. С. 79–81.
- Любин, Беляева 2004 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Открытие следов нижнего палеолита на островных горах Питигория (Ставропольский край) // Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А. А. Формозова. М., 2004. С. 104–111.
- Любин, Беляева 2005 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Человек и каменное сырье в палеолите Кавказа // Археоминералогия и ранняя история минералогии: Материалы международного семинара. Сыктывкар, 2005. С. 107–109.
- Любин, Беляева 2006 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Исследования палеолита на Ставрополье в 2001–2002 гг. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Краснодар, 2006. Вып. 6 (в печати).
- Любин, Беляева, Мальсагов 2004 – *Любин В. П., Беляева Е. В., Мальсагов Б. Ж.* Разведки палеолита на Сунженской равнине в Ингушетии // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 2004. С. 113–114.
- Милановский 1966 – *Милановский Е. Е.* Основные вопросы истории древнего оледенения Центрального Кавказа // Проблемы геологии и палеогеографии антропогена. М., 1966.
- Милановский 1977 – *Милановский Е. Е.* Позднеорогенный вулканизм // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М., 1977. С. 221–224.
- Паничкина 1961 – *Паничкина М. З.* Новые нижнепалеолитические местонахождения левобережных притоков р. Кубани // Труды Алмагейского Института языка, литературы, истории и этнографии. Майкоп, 1961. Т. 2. С. 20–38.
- Пламеневский 1929 – *Пламеневский Л. Н.* Следы древнего оледенения в районе Владикавказской котловины. Владикавказ, 1929.
- Прокопов 1931 – *Прокопов К. А.* Заключение о водоносности долин Алхангурт // Труды Главного Геологического управления ВСНХ СССР. М.; Л., 1931. Вып. 67. С. 49–51.
- Рейнгард 1928 – *Рейнгард А. Л.* Из наблюдений летом 1927 года в районе Кабардинских гор и Владикавказской равнины // Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. М.; Л., 1928. Т. 58, вып. 1. С. 165–176.
- Рябинин 1918 – *Рябинин А. И.* Последетичные млекопитающие и кремневые орудия из Удельной степи, Ставропольской губернии // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. 2.
- Сафронов 1972 – *Сафронов И. Н.* Палеогеография Северного Кавказа. М., 1972.
- Формозов 1952 – *Формозов А. А.* Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья // КСИ-ИМК. 1952. Вып. 46. С. 31–41.
- Формозов 1965 – *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Bosinski, Seelinskij 2001 – *Bosinski G., Seelinskij V.* Die Ausgrabungen in Il'skaja (Kuban, Russland) 2000 // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Mainz, 2001. Jg. 31. Hf. 4. S. 495–509.

НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

П. Е. НЕХОРОШЕВ

В июле–сентябре 2005 г. Сибирская археологическая экспедиция ИИМК РАН провела археологические работы на стоянках эпохи верхнего палеолита Берёзовский разрез 1 и Берёзовский разрез 2, расположенных на территории угольного разреза «Берёзовский 1» (Шарыповский район Красноярского края).

Палеолитические стоянки были обнаружены осенью 2002 г. сотрудником Шарыповского городского музея С. А. Краснолуцким. В ходе визуального обследования северного борта угольного разреза им были найдены фрагменты костей животных и единичные каменные изделия. Находки локализовались в двух местах, удаленных друг от друга на 400 м.

В июне 2003 г. Комитет по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Красноярского края провел обследование объектов. На стоянке Берёзовский разрез 1 было заложено шесть шурфов, благодаря которым удалось установить, что культурные остатки залегают в погребенной почве сарганского времени на глубине порядка 2 м, а на стоянке Берёзовский разрез 2 был заложён шурф, зафиксировавший на глубине 0,8–1,1 м залегание мелких фрагментов костей и каменных артефактов (Тарасов А-2003).

Памятники находятся в Шарыповском районе Красноярского края в 300 км к западу от Красноярска и в 16 км к северу от г. Шарыпово. Территория Шарыповского района относится к бассейну р. Чулым (которая является левым притоком Оби), а с точки зрения принадлежности к известным горным массивам – к восточному склону Кузнецкого Алатау. Непосредственно в районе стоянок местность представляет собой увалистую лесостепь.

Стоянки расположены на водоразделе (рис. 1), ограниченном с юга ручьем Берёзовым, с запада – р. Берещ, с северо-запада – р. Урюп, находясь в 2,5 км к северу от русла ручья Берёзового, в 3,5 км к юго-востоку от русла р. Урюп, в 4,5 км к востоку от русла р. Берещ. В 2,5 км к северо-западу от стоянки Берёзовский разрез 1 находится дер. Никольское. Геоморфологическая ситуация расположения памятников совершенно нестандартная: обычной приуроченности к мысу, логу или крутому склону не наблюдается; также в настоящее время невозможно установить, к бассейну какого водотока они относятся. Современная поверхность, на которой расположены стоянки, почти горизонтальная со слабым понижением к западу. Абсолютная высота памятника Берёзовский разрез 1 составляет 317 м, Берёзовский разрез 2 – 323 м, то есть перепад высот на протяжении 400 м составляет 6 м, а наклон поверхности 0,9°. Стоянка Берёзовский разрез 1 (55°40' 74,8" с. ш., 89°11' 74,9" в. д.) локализуется на верхнем вскрышном уступе северного борта угольного разреза «Берёзовский 1»; Берёзовский разрез 2 (55°40' 76,6" с. ш., 89°12' 12,2" в. д.) – также на верхнем вскрышном уступе северного борта угольного разреза, в 400 м к востоку.

Для обнаружения наиболее перспективных для раскопок участков на памятнике Берёзовский разрез 1 было выполнено четыре зачистки борта угольного разреза и заложено три шурфа общей площадью 10 м². По результатам зачисток и шурфов была установлена глубина залегания культурных остатков и определено место раскопа (9 × 15 м), а также составлен сводный разрез отложений памятника (рис. 2, л):

- Аутлев, Любин 1994 – *Аутлев П. У., Любин В. П.* История исследования палеолита Губского бассейна // Исследования Губского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994. С. 12–21.
- Беляева 1999 – *Беляева Е. В.* Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб., 1999.
- Гатуев 1929 – *Гатуев С. А.* Явление захвата реки и бассейне Терека (Предкавказье) // Труды Геологического Музея АН СССР. Л., 1929. Т. 5.
- Голованова 1994 – *Голованова Л. В.* Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-Западном Кавказе. СПб., 1994.
- Думитрашко 1977 – *Думитрашко Н. В.* Древнее оледенение // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М., 1977. С. 90–111.
- Замятин 1934 – *Замятин С. Н.* Итоги последних исследований Ильевского палеолитического местонахождения // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода. М.; Л.; Новосибирск, 1934. Т. 5. С. 207–235.
- Ковалев 1966 – *Ковалев П. В.* Закономерности развития оледенения на территории Большого Кавказа: Автореф. дис. ... д-ра геол.-мин. наук. М., 1966.
- Любин 1963 – *Любин В. П.* Первые исследования памятников каменного века в Чечено-Ингушской АССР // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1963. № 28. С. 153–158.
- Любин 1969 – *Любин В. П.* Палеолит Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 6–46.
- Любин, Беляева 2001–2002 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграций палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // *Stratum plus*. 2001–2002. № 1. С. 322–337.
- Любин, Беляева 2002 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Первые находки среднего и нижнего палеолита на Ставрополье // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Ессентуки; Кисловодск, 2002. С. 79–81.
- Любин, Беляева 2004 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Открытие следов нижнего палеолита на островных горах Питигория (Ставропольский край) // Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А. А. Формозова. М., 2004. С. 104–111.
- Любин, Беляева 2005 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Человек и каменное сырье в палеолите Кавказа // Археоминералогия и ранняя история минералогии: Материалы международного семинара. Сыктывкар, 2005. С. 107–109.
- Любин, Беляева 2006 – *Любин В. П., Беляева Е. В.* Исследования палеолита на Ставрополье в 2001–2002 гг. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Краснодар, 2006. Вып. 6 (в печати).
- Любин, Беляева, Мальсагов 2004 – *Любин В. П., Беляева Е. В., Мальсагов Б. Ж.* Разведки палеолита на Сунженской равнине в Ингушетии // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 2004. С. 113–114.
- Милановский 1966 – *Милановский Е. Е.* Основные вопросы истории древнего оледенения Центрального Кавказа // Проблемы геологии и палеогеографии антропогена. М., 1966.
- Милановский 1977 – *Милановский Е. Е.* Позднеорогенный вулканизм // Общая характеристика и история развития рельефа Кавказа. М., 1977. С. 221–224.
- Паничкина 1961 – *Паничкина М. З.* Новые нижнепалеолитические местонахождения левобережных притоков р. Кубани // Труды Алмагейского Института языка, литературы, истории и этнографии. Майкоп, 1961. Т. 2. С. 20–38.
- Пламеневский 1929 – *Пламеневский Л. Н.* Следы древнего оледенения в районе Владикавказской котловины. Владикавказ, 1929.
- Прокопов 1931 – *Прокопов К. А.* Заключение о водоносности долин Алхангурт // Труды Главного Геологического управления ВСНХ СССР. М.; Л., 1931. Вып. 67. С. 49–51.
- Рейнгард 1928 – *Рейнгард А. Л.* Из наблюдений летом 1927 года в районе Кабардинских гор и Владикавказской равнины // Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. М.; Л., 1928. Т. 58, вып. 1. С. 165–176.
- Рябинин 1918 – *Рябинин А. И.* Последетричные млекопитающие и кремневые орудия из Удельной степи, Ставропольской губернии // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. 2.
- Сафронов 1972 – *Сафронов И. Н.* Палеогеография Северного Кавказа. М., 1972.
- Формозов 1952 – *Формозов А. А.* Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья // КСИ-ИМК. 1952. Вып. 46. С. 31–41.
- Формозов 1965 – *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Bosinski, Seelinskij 2001 – *Bosinski G., Seelinskij V.* Die Ausgrabungen in Il'skaja (Kuban, Russland) 2000 // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Mainz, 2001. Jg. 31. Hf. 4. S. 495–509.

НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

П. Е. НЕХОРОШЕВ

В июле–сентябре 2005 г. Сибирская археологическая экспедиция ИИМК РАН провела археологические работы на стоянках эпохи верхнего палеолита Берёзовский разрез 1 и Берёзовский разрез 2, расположенных на территории угольного разреза «Берёзовский 1» (Шарыповский район Красноярского края).

Палеолитические стоянки были обнаружены осенью 2002 г. сотрудником Шарыповского городского музея С. А. Краснолуцким. В ходе визуального обследования северного борта угольного разреза им были найдены фрагменты костей животных и единичные каменные изделия. Находки локализовались в двух местах, удаленных друг от друга на 400 м.

В июне 2003 г. Комитет по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Красноярского края провел обследование объектов. На стоянке Берёзовский разрез 1 было заложено шесть шурфов, благодаря которым удалось установить, что культурные остатки залегают в погребенной почве сарганского времени на глубине порядка 2 м, а на стоянке Берёзовский разрез 2 был заложён шурф, зафиксировавший на глубине 0,8–1,1 м залегание мелких фрагментов костей и каменных артефактов (Тарасов А-2003).

Памятники находятся в Шарыповском районе Красноярского края в 300 км к западу от Красноярска и в 16 км к северу от г. Шарыпово. Территория Шарыповского района относится к бассейну р. Чулым (которая является левым притоком Оби), а с точки зрения принадлежности к известным горным массивам – к восточному склону Кузнецкого Алатау. Непосредственно в районе стоянок местность представляет собой увалистую лесостепь.

Стоянки расположены на водоразделе (рис. 1), ограниченном с юга ручьем Берёзовым, с запада – р. Берещ, с северо-запада – р. Урюп, находясь в 2,5 км к северу от русла ручья Берёзового, в 3,5 км к юго-востоку от русла р. Урюп, в 4,5 км к востоку от русла р. Берещ. В 2,5 км к северо-западу от стоянки Берёзовский разрез 1 находится дер. Никольское. Геоморфологическая ситуация расположения памятников совершенно нестандартная: обычной приуроченности к мысу, логу или крутому склону не наблюдается; также в настоящее время невозможно установить, к бассейну какого водотока они относятся. Современная поверхность, на которой расположены стоянки, почти горизонтальная со слабым понижением к западу. Абсолютная высота памятника Берёзовский разрез 1 составляет 317 м, Берёзовский разрез 2 – 323 м, то есть перепад высот на протяжении 400 м составляет 6 м, а наклон поверхности 0,9°. Стоянка Берёзовский разрез 1 (55°40' 74,8" с. ш., 89°11' 74,9" в. д.) локализуется на верхнем вскрышном уступе северного борта угольного разреза «Берёзовский 1»; Берёзовский разрез 2 (55°40' 76,6" с. ш., 89°12' 12,2" в. д.) – также на верхнем вскрышном уступе северного борта угольного разреза, в 400 м к востоку.

Для обнаружения наиболее перспективных для раскопок участков на памятнике Берёзовский разрез 1 было выполнено четыре зачистки борта угольного разреза и заложено три шурфа общей площадью 10 м². По результатам зачисток и шурфов была установлена глубина залегания культурных остатков и определено место раскопа (9 × 15 м), а также составлен сводный разрез отложений памятника (рис. 2, л):

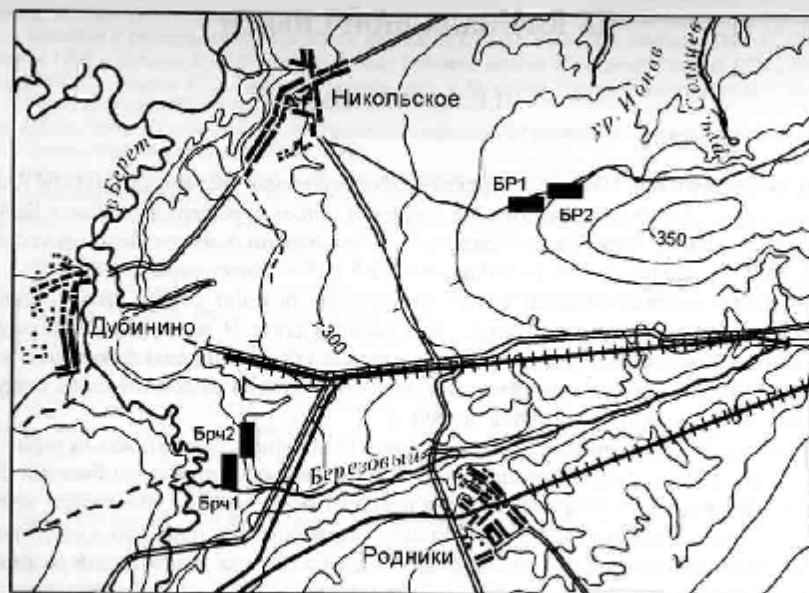

Рис. 1. Местоположение памятников Берёзовский разрез 1 и 2 (БР1 и БР2) и стоянок Берёзовый ручей 1 и 2 (БРч1 и БРч2). Условные обозначения: 1 – дороги; 2 – железная дорога; 3 – верхнепалеолитические памятники

1. Современная почва – 0,7–0,8 м. Снята бульдозером при подготовке вскрышных работ; сохранилась на восточной оконечности мысовидного выступа, образованного пологим съездом на нижний вскрышной уступ.

2. Суглинок светло-коричневый с едва уловимым желтоватым оттенком, в сухом состоянии коричневый, в верхней части белесый, мелкооскольчатой структуры. Из этого слоя нередко идут «клинья», проникающие в два нижележащих слоя – 0,2–0,3 м. Практически полностью снят бульдозером при подготовке вскрышных работ.

3. Суглинок светло-коричневый, сероватый, тяжелый, пористый, крупнооскольчатой структуры, в сухом состоянии столбчатый. Отмечаются слабые пятна лжемицелия в виде белых крапинок и точек – 0,3–0,8 м.

4. Суглинок светло-коричневый тяжелый с неясными коричневыми и светлыми прослойками и прослоями, залегающими горизонтально. Встречаются карбонатные стяжения, редкие черные точки гидроокислов марганца, изредка точки лжемицелия; крайне редко наблюдаются зерна гравия и отдельные галечки – 0,4–1,5 м.

5. Темно-серый с коричневатым оттенком тяжелый суглинок. Встречаются зерна гидроокислов марганца, отдельные зерна гравия и мелкие галечки. В нижней части встречаются карбонатные стяжения, появляются пятнышки ожелезнения ржавого цвета. От нижележащего слоя нередко отделяется тонкой (до 1 см) прослойкой ожелезнения ржавого цвета – 0,3–0,4 м.

6. Суглинок темно-серый тяжелый, почти глина, крупнооскольчатой, в нижней части глыбистой структуры с многочисленными пятнами ожелезнения ржавого цвета, которые в нижней части превращаются в горизонтальные и вертикальные прослойки, идущие по граням отдельностей глыб. Содержит также

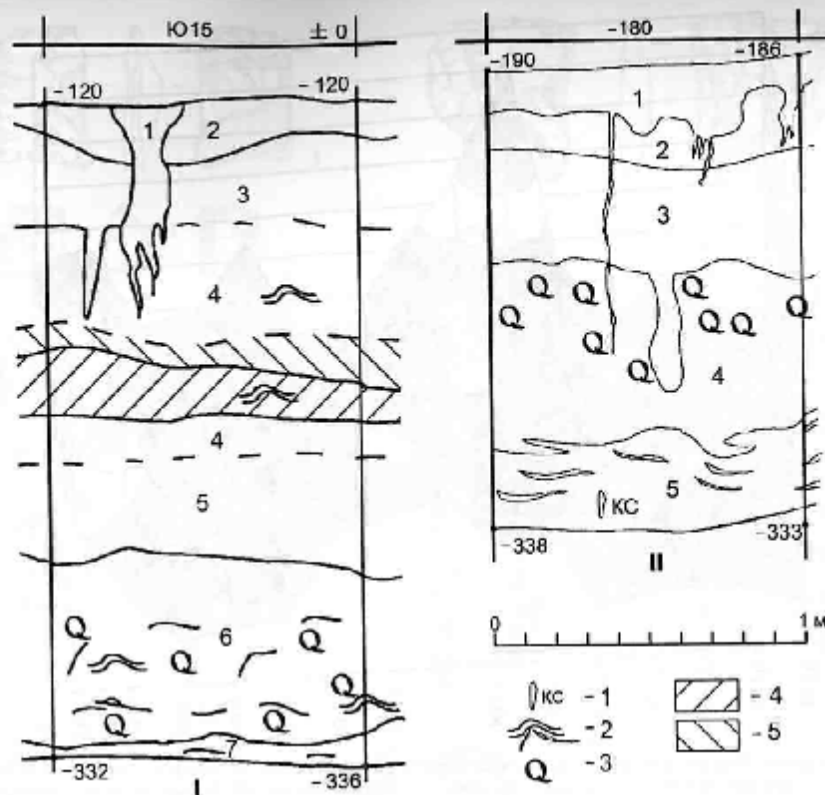

Рис. 2. Памятники Берёзовский разрез 1 и 2, стратиграфия: I – участок восточной стенки раскопа по линии Ю15 (Берёзовский разрез 1); II – записка № 2 (Берёзовский разрез 2). Условные обозначения: 1 – фрагмент кости; 2 – слоистость; 3 – карбонатные стяжения; 4 – тонкий прослой; 5 – светлый прослой

черные прослойки и зерна гидроокислов марганца особенно многочисленные в нижней части. Часто встречаются карбонатные стяжения вытянутой формы (до 15 см), отдельные зерна гравия и мелкие галечки. Контакт с нижележащим слоем отчетливый, крайне неровный, с переслаиванием, «затсками» и «карманами» – 0,3–0,8 м. Предположительно это погребенная почва сартанского времени. Содержит культурные остатки эпохи верхнего палеолита, залегание которых нарушено солифлюкционными процессами.

7. Суглинок светло-серый часто с коричневато-красноватым оттенком в верхней части, как правило, белесый, тяжелый, оскольчатой структуры с многочисленными размытыми пятнами и прослойками коричневого цвета, нередко залегающими с падением на восток. Видимая мощность – до 0,6 м.

Культурные остатки эпохи верхнего палеолита в раскопе залегают на глубине 1,3–2,1 м от современной поверхности, а с учетом снятой современной почвы и подстилающего ее слоя – примерно на глубине 2,2–3 м, по всей толще слоя 6 (погребенная почва) мощностью 0,6–0,8 м с максимальной концентрацией в нижней части. По площади раскопа находки распределяются пятнами различной мощности, концентрации и протяженности (см. диаграмму).

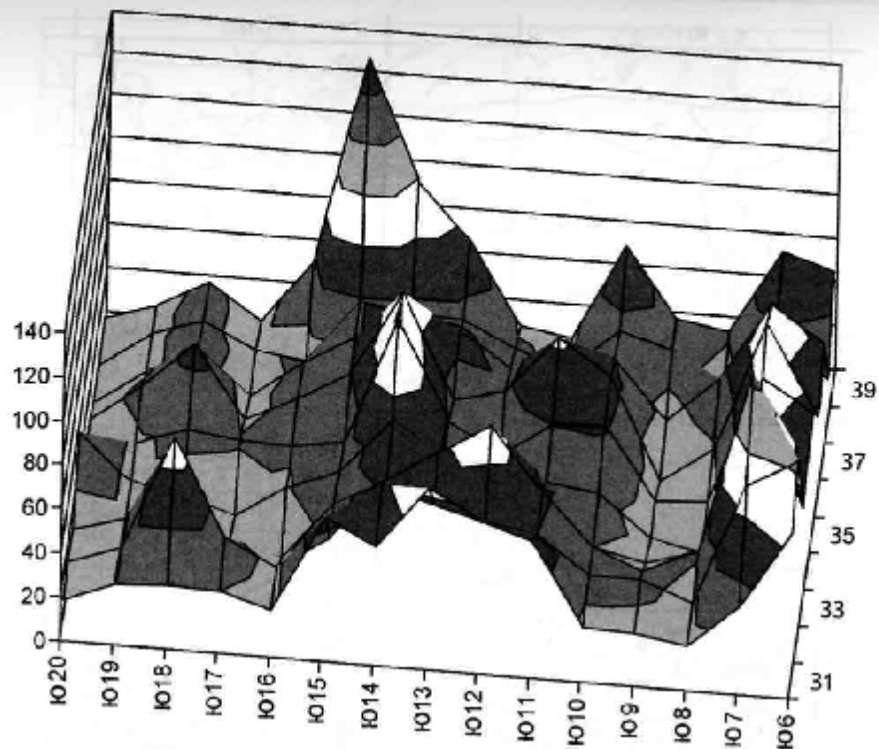

Диаграмма. Берёзовский разрез I. Количественное распределение фаунистических остатков по квадратам Ю6–20 раскопа (по вертикали – количество костей, по горизонтали – номера квадратов)

Всего в слое найдено около 4500 фрагментов и целых костей, принадлежащих в подавляющем большинстве северному оленю, причем преобладают кости нижних отделов передних и задних конечностей. Достаточно часто встречаются фрагменты черепов, зубов и, реже, рогов. В небольшом количестве найдены фрагменты костей лошади и единичные – бизона. Обнаружено несколько орудий, изготовленных из рога северного оленя, представляющих собой расколотые вдоль куски рога с шпильным закруглением одного конца.

Все фаунистические остатки залегают в слое с разными углами наклона, часто вертикально, как правило, не составляя четко выраженных скоплений. Вместе с тем анализ планиграфии фаунистических фрагментов показывает, что их распространение в слое нередко выглядит в виде полос, ориентированных с востока на запад, между которыми наблюдается уменьшение концентрации находок: полосы выделяются по линиям квадратов Ю6–7, Ю10–11, Ю13–16 и Ю18–19. В одном случае зафиксирована четкая ориентация костей в направлении восток–запад с резким наклоном на восток. Такие условия залегания свидетельствуют о нарушении слоя мерзлотными процессами, показывают «стекание» материала по склону, обусловленное солифлюкцией и согласующееся с наклоном современной дневной поверхности, то есть общим понижением рельефа по направлению восток–запад, к современным долинам рек Береш и Урюп.

В слое также встречаются редкие древесные угольки, осколки обожженных костей, крупинки охры бордового цвета, железистые конкреции, конкреция «болотного» железа в одном случае, а на кв. Ю7 – 37–8 пятно древесного тлена.

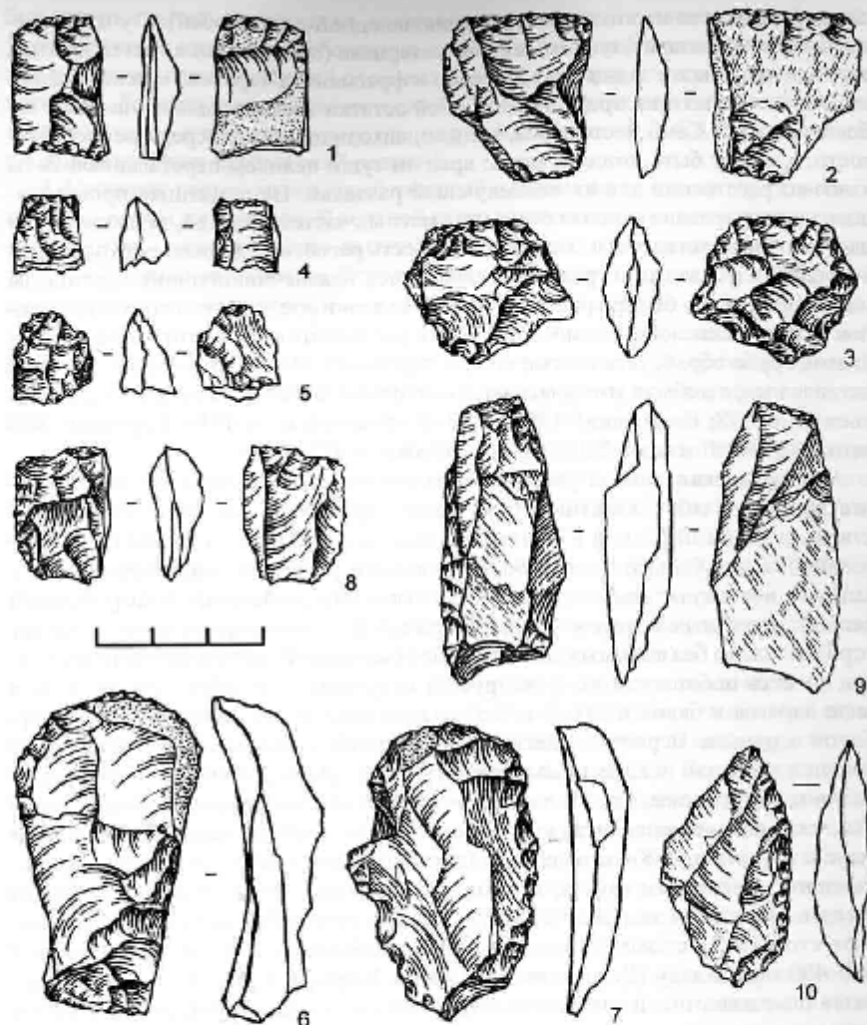

Рис. 3. Памятник Берёзовский разрез I. Каменный инвентарь: 1–5, 8–9 – долотовидные орудия; 6–7 – скребки; 10 – нож

Каменный инвентарь немногочислен (510 экз.) и представлен отходами производства – отщепами и нуклеусами, а также орудиями труда (81 экз.), представляющими достаточно специфический набор. Орудия изготовлены часто из слабоизотропных камней низкого качества крупнокристаллической структуры. Подавляющее большинство орудийного набора составляют долотовидные орудия; достаточно выразительными формами представлены ножи, имеется несколько скребков (рис. 3). Остальные орудия типологически невыразительны.

Специфический орудийный состав и низкие требования к качеству сырья подтверждают, как представляется, кратковременность пребывания палеолитических охотников на данном месте, хотя посещения были неоднократными и повторялись на протяжении длительного времени, о чем свидетельствует мощность

слоя и количество костных остатков (явно не одной-двух особей). С учетом специфического состава фаунистического материала (преобладание костей нижних отделов передних и задних конечностей и фрагментов черепов) можно предположить, что памятник представляет собой остатки зоны разделки туш после забоя животных. Само место забоя, видимо, находилось в непосредственной близости, а может быть, именно здесь: вряд ли туши целиком перетаскивались на какое-то расстояние для их последующей разделки. На памятнике производилось их расчленение с целью отделения мясных частей и частей, пригодных для изготовления охотничьего вооружения, то есть рогов, из которых, судя по находке в 2003 г. рогового острья, изготавливались накопечники копий. Охотникам необходимо было быстро расчленить убитое животное, для чего подходил осколок практически любого камня, отделить и расчленить рога долотовидными орудиями, грубо обработать снятые шкуры скребками. После этого место разделки оставлялось, а добыча уносилась на стоянки типа Берёзового ручья 1 и 2 (Васильев 1996: 178; Вишняцкий 1984; 1987; Вишняцкий и др. 1986; Курочкин, Мелештьев 1982; Лисицын 2000: 81–84; Поляков 1991).

Чем привлекал данный участок местности палеолитических охотников в качестве пункта забоя животных, пока сказать трудно. Может быть, здесь существовали удобный рельеф и специфическая растительность, способствовавшие удачной охоте. Однако осмотр борта угольного разреза на протяжении 1 км к западу и востоку от памятника не выявил каких-то особенностей погребенного рельефа и водных потоков: слой, содержащий культурные остатки, залегает горизонтально без видимых значительных нарушений эрозийными процессами, то есть поблизости не фиксируется нарушений рельефа того времени в виде оврагов и балок и каких-то небольших водоемов и водотоков типа озер, болот и ручьев. Вероятно, здесь мог существовать так называемый зверовой солонец – место с повышенным содержанием в грунте различных солей, минералов и микроэлементов. На такое предположение наталкивает сильная насыщенность слоя, вмещающего культурные остатки, карбонатами, гидроокислами железа и марганца. Животные, приходя на подобное место для поедания насыщенного минералами грунта, являлись достаточно легким объектом охоты из засады. Подобный зверовой солонец представляет собой верхнепалеолитическая стоянка Шестаково, расположенная в Кемеровской области примерно в 300–400 км к западу (Дервянко и др. 2003). Зверовые солонцы, куда приходят различные животные и поедают насыщенный минералами грунт, существуют и в настоящее время.

На памятнике Берёзовский разрез 2 было выполнено три зачистки борта угольного разреза и заложено три шурфа; по результатам составлен сводный разрез отложений памятника (рис. 2, II):

1. Современная почва. Контакт с нижележащим слоем неровный; иногда проникает по трещинам через два нижележащих слоя – видимая остаточная мощность до 0,3 м. В шурфах отсутствует – полностью удалена бульдозером при подготовке вскрышных работ.

2. Суглинок светло-коричневый с едва уловимым желтоватым оттенком, в сухом состоянии коричневый, мелкооскольчатой структуры, содержит зерна гравия. Из этого слоя нередко идут «клинья», проникающие в два нижележащих слоя – 0,2–0,3 м. Аналогичен слою 2 памятника Берёзовский разрез 1. В шурфах отсутствует – полностью удален бульдозером при подготовке вскрышных работ.

3. Суглинок светло-коричневый с более светлыми желтоватыми крапинками, оскольчатой структуры. В верхней части отмечается обызвестление в виде сла-

рых пятен и точек лжемицелия, иногда проникающего в нижележащий слой. В нижней части содержит карбонатные стяжения, часто вытянутые вертикально и проникающие в нижележащий слой, а также редкие черные точки гидроокислов марганца. Контакт с нижележащим слоем часто постепенный, определяется появлением пятен и прослоек ожелезнения ржавого цвета – 0,3–0,6 м. Аналогичен слою 3 памятника Берёзовский разрез 1.

4. Суглинок светло-коричневый тяжелый с серым оттенком, книзу становится темно-серым, глинистым. В верхней части отмечаются обызвестление в виде карбонатных стяжений, часто вытянутых вертикально, а также редкие черные точки гидроокислов марганца. Верхняя граница нередко определяется появлением тонкой прослойки ожелезнения. Контакт с нижележащим слоем перовный, часто с переслаиванием – 0,3–0,6 м. Аналогичен слою 6 памятника Берёзовский разрез 1. Предположительно это погребенная почва сартанского времени. По всей толще содержит равномерно распределенные культурные остатки эпохи верхнего палеолита, залегание которых нарушено солифлюкционными процессами.

5. Суглинок серый, светло-серый, желтовато-белесоватый, белесый, тяжелый с неясными прослоями красновато-коричневого и белесого, бежеватого суглинка. Видимая мощность – до 0,4 м. Аналогичен слою 7 памятника Берёзовский разрез 1.

Культурные остатки эпохи верхнего палеолита залегают с глубины 0,4–0,7 м от современной поверхности, а с учетом снятой современной почвы и подстилающего ее слоя – примерно с глубины 0,9–1,2 м, равномерно распределены по всей толще слоя 4 (погребенная почва) мощностью 0,3–0,6 м.

Всего в слое найдено 198 фрагментов и целых костей, принадлежащих в подавляющем большинстве северному оленю. В небольшом количестве найдены фрагменты костей лошади и бизона. Примечательно, что кости бизона встречаются несколько чаще, чем на стоянке Берёзовский разрез 1. Все фаунистические остатки залегают в слое с разными углами наклона, часто вертикально, не составляя скопления. В слое также встречаются редкие древесные угольки.

Каменный инвентарь немногочислен (21 экз.) и представлен отходами производства – отщепами и нуклеусами, а также орудиями (4 экз.). Каменные изделия изготовлены, как правило, из слабоизотропных камней низкого качества крупнокристаллической структуры. Орудий из кости не найдено.

Памятник Берёзовский разрез 2 показал значительно меньшее содержание находок, чем Берёзовский разрез 1: в шурфах и зачистках общей площадью 18 м² насыщенность фрагментами костей и каменными изделиями составляет 11 и 1,2 единицы находок на один квадратный метр соответственно. Для сравнения: на стоянке Берёзовский разрез 1 эти показатели составляют 29 и 3,3 соответственно.

Возможно, стоянка практически полностью уничтожена угольным разрезом. Но также возможно, что характер распространения археологического материала аналогичен таковому памятника Берёзовский разрез 1, то есть культурные остатки залегают неравномерно и шурфовка не отражает реальной сохранности объекта. Последнее представляется более вероятным, учитывая аналогичные условия местоположения стоянки, такие же условия залегания (в том же слое) и характер культурных остатков.

Таким образом, памятник Берёзовский разрез 1 представляет собой нарушенное природными процессами место разделки туш северного оленя (и в незначительной степени дикой лошади и бизона) после забоя животных палеолитическими охотниками, вероятно, в зоне зверового солонца. Предполагаемый возраст определяется периодом захоронения культурных остатков, который отно-

сится к сартапскому оледенению. Памятник Берёзовский разрез 2 имеет аналогичный характер, но, возможно, с несколько иной хозяйственной направленностью промыслового характера – более значительна доля фаунистических остатков бизона в общем объеме археологических материалов. Такой тип памятников слабо представлен в Сибири, а на всей территории Западной Сибири известно только порядка 20 верхнепалеолитических памятников (Деревянко и др. 2003: 7, рис. 1), причем, как правило, крайне бедных в археологическом отношении, что делает исследованные объекты, также небогатые культурными остатками, достаточно интересными в научном плане.

- Васильев 1996 – *Васильев С. А.* Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996.
- Вишняцкий 1984 – *Вишняцкий Л. Б.* Позднепалеолитическая стоянка Берёзовый ручей 1 // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984. С. 99–102.
- Вишняцкий 1987 – *Вишняцкий Л. Б.* Костяные изделия с пазами из позднепалеолитической стоянки Берёзовый ручей 1 // СА. 1987. № 3. С. 202–203.
- Вишняцкий и др. 1986 – *Вишняцкий Л. Б., Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н., Лисицын Н. Ф.* Палеолитическая стоянка в Красноярском крае // КСИА. М., 1986. Вып. 188. С. 100–105.
- Деревянко и др. 2003 – *Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лецицкий С. В., Мащенко Е. Н.* Палеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003.
- Курочкин, Мелентьев 1982 – *Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н.* Открытие верхнего палеолита на территории КАТЭКа // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 21–23.
- Лисицын 2000 – *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымско-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- Поляков 1991 – *Поляков А. С.* Стоянка Берёзовый ручей II в зоне строительства КАТЭКа // Палеонтологические исследования на Юге Средней Сибири. Иркутск, 1991. С. 47–51.
- Тарасов А-2003 – *Тарасов А. Ю.* Отчет о проведении детального археологического обследования объектов культурного наследия (стоянок Берёзовский разрез 1, 2), находящихся на территории верхнего вскрышного уступа Берёзовского разреза 1 (блок № 2, профильная линия 32–34) в Шарыповском районе Красноярского края. Красноярск, 2003 // Архив Института археологии РАН.

КУЙЛУГ-ХЕМСКИЙ I ГРОТ – НОВЫЙ МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА В ТУВЕ¹

ВЛ. А. СЕМЕНОВ, С. А. ВАСИЛЬЕВ, М. Е. КИЛУНОВСКАЯ

Куйлуг-Хемский I грот расположен на правом берегу р. Куйлуг-Хем (правобережного притока Улуг-Хема) приблизительно в 12 км от устья (рис. 1). Грот был обнаружен в 2001 г. при обследовании долины Куйлуг-Хема (Семенов 2004), а раскопки памятника производились в 2003–2005 гг.

Памятник располагается в обширном карстовом районе, приуроченном к известнякам, протянувшимся на 60 км полосой шириной около 1 км, в среднем течении правых притоков р. Улуг-Хем от р. Демир-Суг на востоке до р. Шугур на западе. Различными исследователями и местными жителями здесь неоднократно отмечалось наличие пещер, однако точные сведения об их местоположении отсутствуют.

Р. Куйлуг-Хем (в переводе с тувинского «Пещерная река») берет начало на южном склоне горы Беделиг (абсолютная высота 2491 м) и впадает в Улуг-Хем (Верхний Енисей) в месте, ныне занятом водохранилищем Саяно-Шушенской ГЭС. Долина входит в область низкогорного хорошо расчлененного рельефа северного края Улуг-Хемской впадины в отрогах Куртушибинского хребта, относящегося к южному поясу гор Западного Саяна. Горы прорезаны многочисленными водотоками. В настоящее время это зона редкостойных лиственных лесов паркового типа, доминирующих по днищам долин и на вершинной части склонов северной экспозиции. Облесенные участки перемежаются с остепненными на нижних частях склонов и днище долины.

Долина Куйлуг-Хема в месте расположения памятника U-образная в сечении, шириной до 500 м. Долина асимметрична в сечении. Ее западный борт скалистый, обрывается скальными стенками и многочисленными узкими расщелинами. Восточный склон более пологий, с развитыми эрозионными уровнями и конусами выноса, приуроченными к устьям сухих логов.

Карстовые явления прослеживаются на западном борту долины Куйлуг-Хема на двух высотных уровнях (рис. 2). Нижний, с которым связан I грот, расположен на высоте примерно 50 м над уровнем реки. Гипсометрически он соответствует эрозионному уступу, видимому на восточном склоне долины. Верхний, к которому приурочен II грот, расположен на высоте около 100 м. В настоящее время вблизи грота отсутствуют источники воды. Подход к памятнику возможен только по тропинке, поднимающейся по склону с южной стороны.

Ориентированный строго на восток, грот выработан в известняковом массиве по правому берегу р. Куйлуг-Хем. Грот расположен близ основания известняковой стены с обилием карстовых ниш, переходящей книзу в крутой коллювиальный склон. Склон тянется до петляющей по дну долины речки шириной 3–5 м. К речке примыкают участки галечниковой поймы.

Сам грот асимметричный, неправильно-овальный в поперечном сечении. Наибольшая глубина рыхлых отложений вероятна в южной части полости. Грот выработан по трещине в известняке. Глубина карстовой полости примерно 5–6 м, высота в средней части – 2,3 м. Субгоризонтальная привходовая площадка грота

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 05-01-01375а).

сится к сартапскому оледенению. Памятник Берёзовский разрез 2 имеет аналогичный характер, но, возможно, с несколько иной хозяйственной направленностью промыслового характера – более значительна доля фаунистических остатков бизона в общем объеме археологических материалов. Такой тип памятников слабо представлен в Сибири, а на всей территории Западной Сибири известно только порядка 20 верхнепалеолитических памятников (Деревянко и др. 2003: 7, рис. 1), причем, как правило, крайне бедных в археологическом отношении, что делает исследованные объекты, также небогатые культурными остатками, достаточно интересными в научном плане.

- Васильев 1996 – *Васильев С. А.* Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996.
- Вишняцкий 1984 – *Вишняцкий Л. Б.* Позднепалеолитическая стоянка Берёзовый ручей 1 // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984, С. 99–102.
- Вишняцкий 1987 – *Вишняцкий Л. Б.* Костяные изделия с пазами из позднепалеолитической стоянки Берёзовый ручей 1 // СА. 1987, № 3, С. 202–203.
- Вишняцкий и др. 1986 – *Вишняцкий Л. Б., Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н., Лисицын Н. Ф.* Палеолитическая стоянка в Красноярском крае // КСИА. М., 1986. Вып. 188. С. 100–105.
- Деревянко и др. 2003 – *Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Левицкий С. В., Мащенко Е. Н.* Палеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003.
- Курочкин, Мелентьев 1982 – *Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н.* Открытие верхнего палеолита на территории КАТЭКа // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 21–23.
- Лисицын 2000 – *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымско-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- Поляков 1991 – *Поляков А. С.* Стоянка Берёзовый ручей II в зоне строительства КАТЭКа // Палеонтологические исследования на Юге Средней Сибири. Иркутск, 1991. С. 47–51.
- Тарасов А-2003 – *Тарасов А. Ю.* Отчет о проведении детального археологического обследования объектов культурного наследия (стоянок Берёзовский разрез 1, 2), находящихся на территории верхнего вскрышного уступа Берёзовского разреза 1 (блок № 2, профильная линия 32–34) в Шарыповском районе Красноярского края. Красноярск, 2003 // Архив Института археологии РАН.

КУЙЛУГ-ХЕМСКИЙ I ГРОТ – НОВЫЙ МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА В ТУВЕ¹

ВЛ. А. СЕМЕНОВ, С. А. ВАСИЛЬЕВ, М. Г. КИЛУНОВСКАЯ

Куйлуг-Хемский I грот расположен на правом берегу р. Куйлуг-Хем (правобережного притока Улуг-Хема) приблизительно в 12 км от устья (рис. 1). Грот был обнаружен в 2001 г. при обследовании долины Куйлуг-Хема (Семенов 2004), а раскопки памятника производились в 2003–2005 гг.

Памятник располагается в обширном карстовом районе, приуроченном к известнякам, протянувшимся на 60 км полосой шириной около 1 км, в среднем течении правых притоков р. Улуг-Хем от р. Демир-Суг на востоке до р. Шугур на западе. Различными исследователями и местными жителями здесь неоднократно отмечалось наличие пещер, однако точные сведения об их местоположении отсутствуют.

Р. Куйлуг-Хем (в переводе с тувинского «Пещерная река») берет начало на южном склоне горы Беделиг (абсолютная высота 2491 м) и впадает в Улуг-Хем (Верхний Енисей) в месте, ныне занятом водохранилищем Саяно-Шушенской ГЭС. Долина входит в область низкогорного хорошо расчлененного рельефа северного края Улуг-Хемской впадины в отрогах Куртушибинского хребта, относящегося к южному поясу гор Западного Саяна. Горы прорезаны многочисленными водотоками. В настоящее время это зона редкостойных лиственных лесов паркового типа, доминирующих по днищам долин и на вершинной части склонов северной экспозиции. Облесенные участки перемежаются с остепненными на нижних частях склонов и днище долины.

Долина Куйлуг-Хема в месте расположения памятника U-образная в сечении, шириной до 500 м. Долина асимметрична в сечении. Ее западный борт скалистый, обрывается скальными стенками и многочисленными узкими расщелинами. Восточный склон более пологий, с развитыми эрозионными уровнями и конусами выноса, приуроченными к устьям сухих логов.

Карстовые явления прослеживаются на западном борту долины Куйлуг-Хема на двух высотных уровнях (рис. 2). Нижний, с которым связан I грот, расположен на высоте примерно 50 м над уровнем реки. Гипсометрически он соответствует эрозионному уступу, видимому на восточном склоне долины. Верхний, к которому приурочен II грот, расположен на высоте около 100 м. В настоящее время вблизи грота отсутствуют источники воды. Подход к памятнику возможен только по тропинке, поднимающейся по склону с южной стороны.

Ориентированный строго на восток, грот выработан в известняковом массиве по правому берегу р. Куйлуг-Хем. Грот расположен близ основания известняковой стены с обилием карстовых ниш, переходящей книзу в крутой коллювиальный склон. Склон тянется до петляющей по дну долины речки шириной 3–5 м. К речке примыкают участки галечниковой поймы.

Сам грот асимметричный, неправильно-овальный в поперечном сечении. Наибольшая глубина рыхлых отложений вероятна в южной части полости. Грот выработан по трещине в известняке. Глубина карстовой полости примерно 5–6 м, высота в средней части – 2,3 м. Субгоризонтальная привходовая площадка грота

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 05-01-01375а).

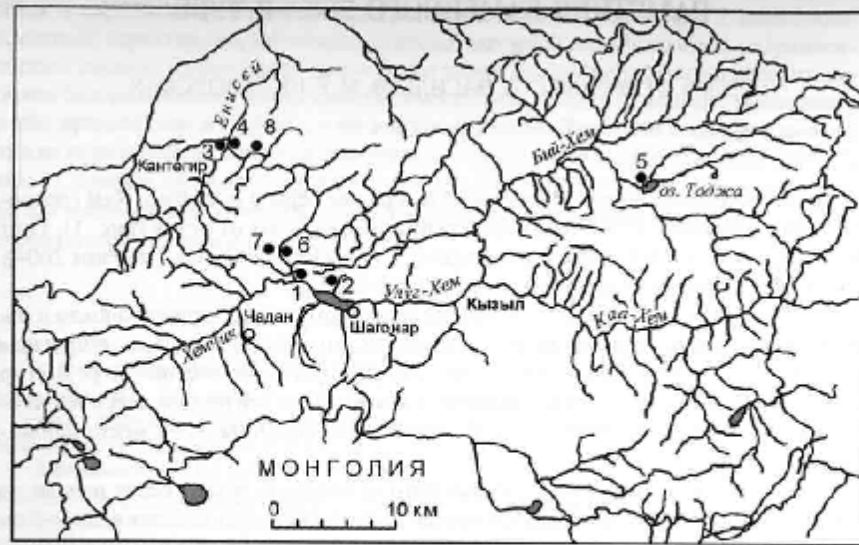

Рис. 1. Памятники эпохи неолита в бассейне Верхнего Енисея: 1 – Тоора-Даш; 2 – Куйлуг-Хемский I грот; 3 – Усть-Кантегир; 4 – Сосновка Джойская; 5 – Азас I и II; 6 – Хадыных I; 7 – Малые Уры I; 8 – Сосновка Голованская

Рис. 2. Гроты на р. Куйлуг-Хем (вид с востока)

имеет размеры 26 м по направлению север–юг и ширину до 8 м. Площадка продолжается у подножия скалы в южном направлении от выхода из грота примерно на 20 м. В северном направлении она ограничена изгибом скальной стенки (рис. 3).

Собственно грот в пределах капельной линии представляет собой овальную в плане сухую полость размерами 5 × 3,8 м. С севера к нему прилежит узкая скальная ниша с круто поднимающимся дном глубиной 3,5–4 м, заложная по тектонической трещине. Пол грота горизонтальный (искусственно выровнен) и покрыт слоем кизяка. Овальный в сечении вертикальный понор высотой 5–6 м примыкает к полости грота с юга. Основной ход грота ориентирован по трещине в известняке в западном направлении. Этот узкий ход со скальным дном завален пылами примерно в 2 м от края полости.

Общая площадь памятника – 180 м². Максимальная глубина наслоений, вскрытых до скального дна, около 2 м. Культурные остатки залегают в рыхлых песчаных отложениях с одинаковым количеством фракций крупного и среднего песка, мелкого песка и крупной пыли. Два верхних культурных слоя содержат материал неолитического времени. Они вскрыты на площади 14,5 м². От нижележащих плейстоценовых слоев они отделены мощным стерильным горизонтом. Три плейстоценовых слоя исследованы на площади 10 м².

В раскопах вскрыта следующая стратиграфия (рис. 4):

1. Пылеватый гумусовый слой светло-серого цвета. Содержит органические включения и обломочный материал в виде отдельных плиток и щебня. Иногда в толще слоя наблюдаются две тонкие локальные прослойки белесого мучнистого песка мощностью 1–2 (до 5) см. В подошве – верхний горизонт 1-го культурного слоя (неолит). Контакт ясный, четкий. Местами слой спущен в подстилающие отложения в виде карманов. Мощность – до 0,10 м.

2. Супесь темно-коричневая, сильно гумусированная. Включает очажные прослойки, маркирующие уровень нижнего горизонта 1-го культурного слоя. Мощность – 0,05–0,25 м.

3. Серый пылеватый гумусовый слой более темного оттенка по сравнению с вышележащим слоем. Местами замещается желтоватой супесью. Слой нарушен кротовинами, спущенными из перекрывающих отложений. Содержит известняковые плитки и щебенку. 2-й культурный слой (неолит). Мощность – 0,20–0,40 м. Контакт с нижележащим слоем четкий.

4. Обвальная горизонт белесо-серого цвета, состоящий преимущественно из угловатых обломков известняка, уложенных рядами. Местами обломки залегают диагонально. Длина обломков 15–35 см. В ряде случаев промежутки между обломками заполнены мучнисто-белым песком. Слой нарушен кротовинами, заполненными гумусом. Мощность – до 0,20–0,30 м. Контакт с нижележащим слоем четкий.

5. Супесь светло-коричневая, местами замещенная мелким щебнем. Мощность – 0,10–0,20 м.

6. Мучнисто-белый меловой слой. Мощность – 0,05–0,10 м.

7. Песок тонкозернистый, коричневатого-серый, пылеватый. Содержит включения плиток и щебня. 3-й культурный слой (палеолит). Контакт с нижележащим слоем неясный, местами слой спущен в нижележащие отложения в виде карманов. Мощность – до 0,20 м.

8. Супесь серая, нарушенная ходами грызунов. Мощность – до 0,25 м.

9. Супесь серая с обилием обломочного материала. 4-й культурный слой (палеолит). Контакт с нижележащим слоем неясный. Мощность – 0,30–0,40 м.

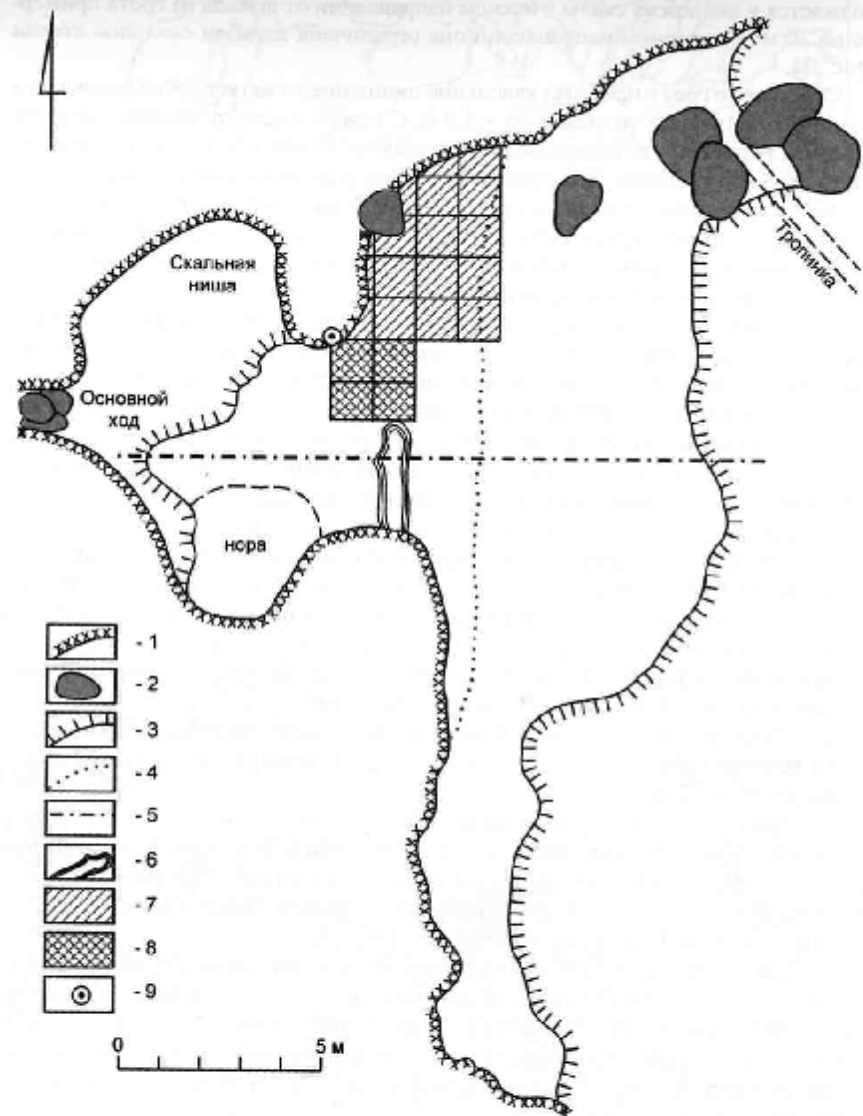

Рис. 3. План Куйлуг-Хемского I грота. Условные обозначения: 1 – стена грота; 2 – известняковые глыбы; 3 – край площадки; 4 – капсульная линия; 5 – центральная линия; 6 – кирпичная стена; 7 – раскоп 2003 г.; 8 – раскоп 2004 г.; 9 – репер; 10 – номера квадратов

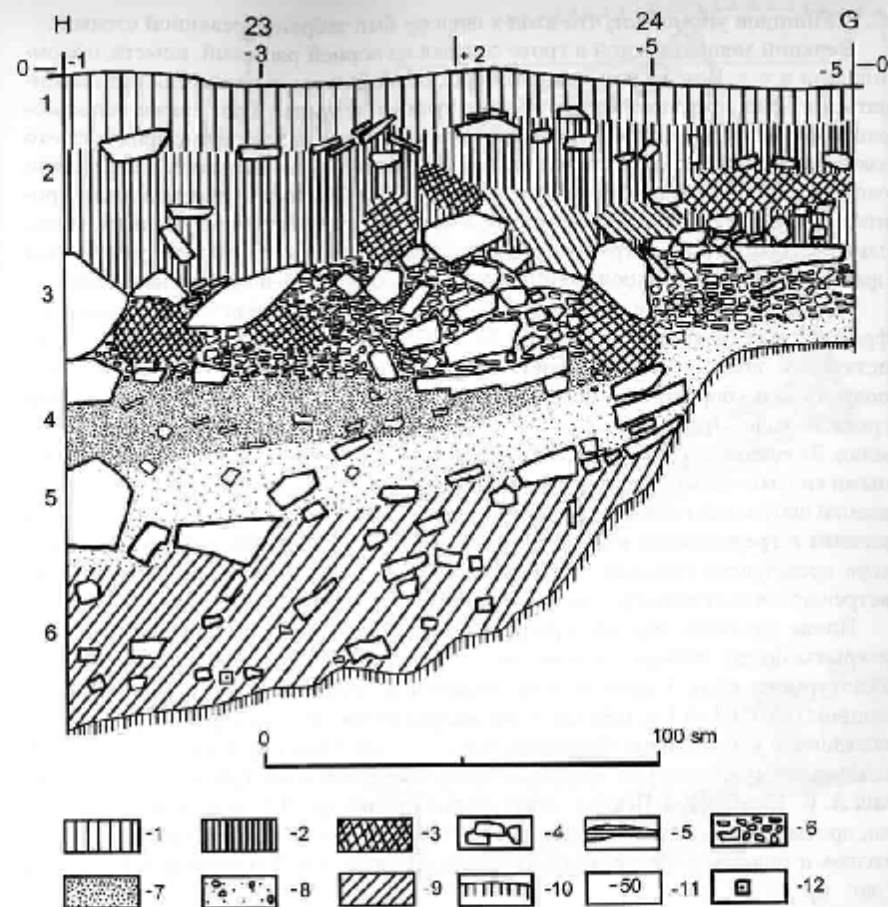

Рис. 4. Куйлуг-Хемский I грот. Стратиграфия по южной стенке раскопа 2004 г. (разрез по линии Н-G в квадратах 23, 24; по вертикали: 1-6 – литологические слои). Условные обозначения: 1 – светло-серый пылеватый гумус; 2 – темно-коричневый гумус; 3 – крстовина; 4 – обломки скал, камни; 5 – прослойки белого мела; 6 – крупный упловатый щебень; 7 – коричневый тонкозернистый песок; 8 – песок серого оттенка; 9 – коричнево-серая супесь; 10 – скви; 11 – высотные отметки; 12 – место взятия проб

10. Супесь коричневатая-серая, местами желтая, обильно насыщенная обломочным материалом (особенно в верхней части) в виде плиток и щебня. Длина плиток до 25 см. Содержит рассеянные по вертикали находки 5-го культурного слоя (палеолит). Мощность – 0,25–0,50 м.

11. Скальное дно.

Неглубокий и хорошо видный грот всегда привлекал внимание людей и служил убежищем от непогоды, а иногда использовался для временного проживания. Своды, особенно в открытой части, под навесом, покрыты колючей и на них посетителями оставлено несколько автографов, самый ранний из которых относится к 1916 г. Вероятно, именно этот грот описал в своем очерке С. Р. Минцлов, посетивший Урянхайский край в 1914 г. (Минцлов 1916: 309). Здесь в то время находились «мощи» шамана или ламы, почитаемые местным населением.

С. Р. Минцлов упоминает, что вход в пещеру был забран деревянной стенкой.

Верхний мешанный слой в гроте состоял из корней растений, помета, обломков скал и т. д. В недавнем прошлом грот был обитаем, в нем могли останавливаться и даже проживать долгое время тувинские арагы. Грот также использовался как загон для скота. Деревянная стенка и стена из кирпича-сырца когда-то закрывали вход в грот. Остатки этих сооружений были выявлены на площади раскопов 2003–2004 гг. в основном на кв. 24/37 и 48. После удаления этих строительных остатков слой был зачищен, и практически на глубине уже нескольких сантиметров начали встречаться фрагментированная керамика с гребенчатым орнаментом и отходы производства каменных орудий (1-й культурный слой).

Основное скопление керамики было выявлено на площади кв. 37, единичные фрагменты встречались на кв. 36 и 24. Столь близкое залегание неолитических остатков к дневной поверхности объясняется тем, что бывшие обитатели грота подметали и убирали скапливающийся помет. Верхнего наносного слоя внутри грота не было. Практически с поверхности кв. 37 происходят 44 фрагмента керамики. За исключением 2 фрагментов, все остальные были декорированы различными видами гребенчатого штампа. Встречается способ орнаментации так называемой шагающей гребенкой, а также простые горизонтально нанесенные оттиски штампа с треугольным и прямоугольным абрисом зубчиков. Каменный инвентарь представлен главным образом отщепами и осколками камня. Здесь также встречаются окатанные речные гальки и плитки, принесенные с реки.

После удаления верхнего рыхлого горизонта 1-го культурного слоя были вскрыты более плотные отложения, обозначенные как нижний горизонт 1-го культурного слоя. Среди очагов выделялся сильный проквал белого цвета мощностью 0,08–0,1 м, насыщенный жжеными костями, которые, вероятно, использовали как топливо. Определенные кости животных принадлежали дикому козлу или барану, косуле, маралу, птицам и мышевидным грызунам (определения А. К. Каспарова). Всего с этого уровня происходят 107 фрагментов керамики, орнаментированных гребенчатым штампом, а также около 45 различных осколков и обломков камня, нуклеус, более 70 отщепов, 1 пластина и 3 скребка (рис. 6).

2-й культурный слой залегал в желтых супесях. Здесь сохранились следы очажных пятен, кальцинированные кости животных, отходы от обработки камня. На кв. 83 были расчищены остатки прямоугольного очага размерами 85 × 90 см, сложенного из бревен небольшого диаметра. Очаг был ориентирован углами по странам света (рис. 5). Заполнение очага состояло из плотного слоя золы и угля, поверх которых находились обломки скалы и мелкие плитки. Вероятно, очаг имел культовое значение, и огонь в нем разводился эпизодически. Деревянное ограждение очага обуглилось сравнительно слабо. Подобные деревянные ограждения очагов отмечены в недавнем прошлом в чумах тофаларов Восточного Саяна.

Кости животных, происходящие из этого горизонта, принадлежали козлу или барану и крупному быку. Многие фрагменты костей имеют следы погрызов, что может косвенно свидетельствовать о наличии в гроте домашней собаки.

Среди орудий встречены скребки на отщепах, небольшие скребла, две микропластинки. Найдены также многочисленные отщепы, осколки камня, пять пластин и фрагмент нуклеуса. Наиболее важными находками можно считать наконечник стрелы с вогнутым основанием и двусторонне ретушированный вкладыш. В слое обнаружен 61 фрагмент керамики, орнаментированный гребенчатым и наколычатым штампами; в том числе фрагмент венчика сосуда с гребенчатым

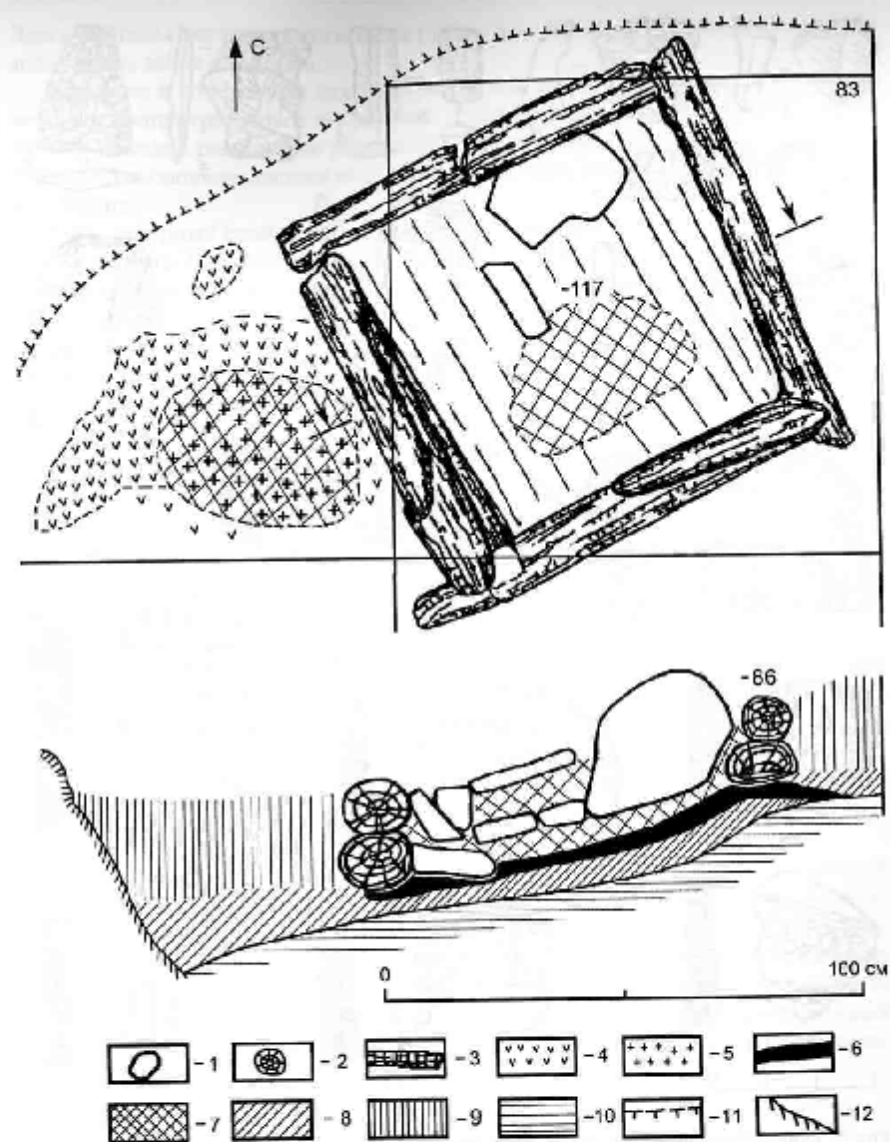

Рис. 5. Очаг с деревянным ограждением из 2-го культурного слоя Куйлуг-Хемского 1 грота. Условные обозначения: 1 – камень; 2 – дерево в разрезе; 3 – дерево в плане; 4 – уголь; 5 – кальцинированные кости; 6 – плотный слой угля; 7 – плотный слой золы с углем; 8 – жаропрочная супесь (проквал); 9 – гумус темно-серого цвета; 10 – белый меловой слой; 11 – скала в плане; 12 – скала в разрезе

декором (рис. 6). Основной примесью к глиняному тесту был песок. Плохая сохранность керамики свидетельствует о сравнительно плохом качестве обжига.

Ниже стерильного прослоя встречены остатки 3-го культурного слоя. Слой был насыщен обломками трубчатых костей и костяной трухой. Происхождение такого обилия раздробленных костей, иногда со следами погрызов, пока что не вполне ясно. Возможно, в периоды отсутствия человека в пещере селились хищники.

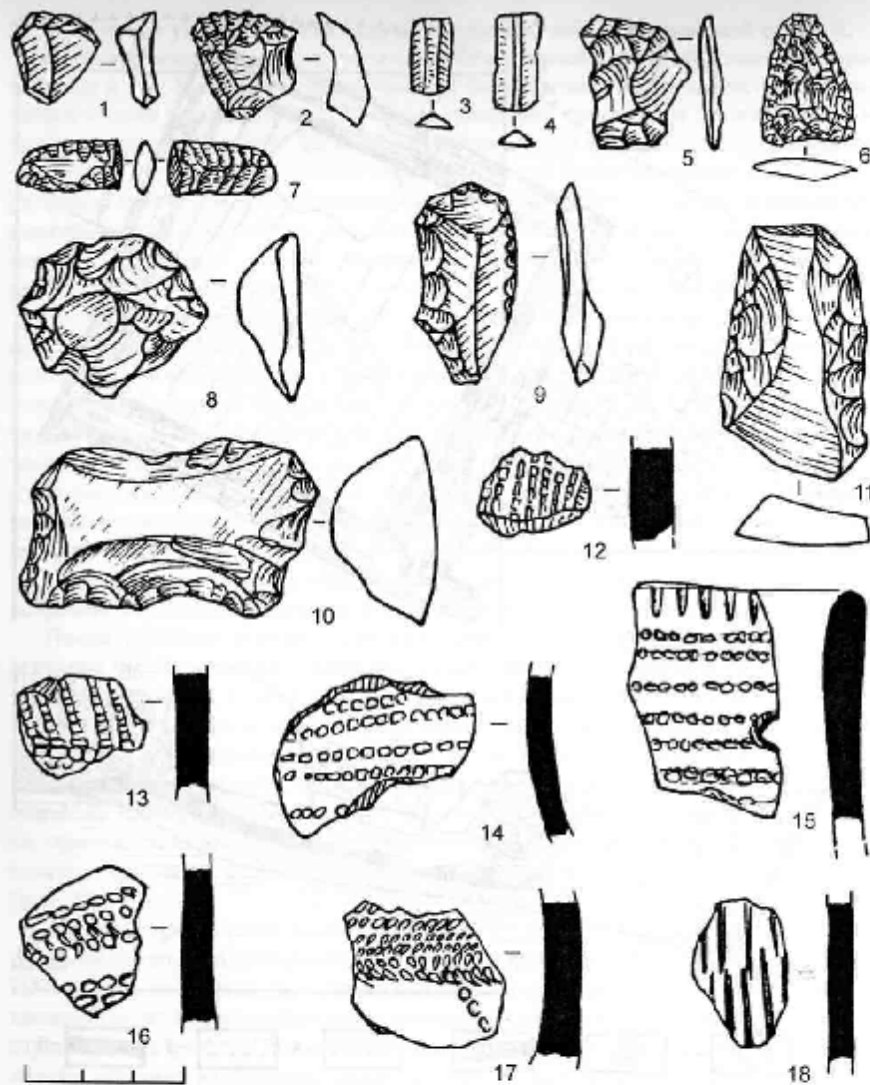

Рис. 6. Куйлуг-Хемский I грот. Каменный инвентарь (1-11) и керамика (12-18) из 1-го и 2-го культурных слоев

Среди костей животных определены остатки дикого козла или барана, медведя (?), лисы (?), собаки, зайца, пищухи, мышевидных грызунов и птицы размером с крупную ворону.

Немногочисленные находки из камня включают принесенные людьми в грот речные гальки и окатанные фрагменты сланцевых плиток, нуклеус, скребло, зубчатое орудие, отщеп с ретушью. В нижней части толщи найдены две микропластинки.

4-й культурный слой, насыщенный обломками скалы и щебнем и нарушенный кротовинами, в основном приурочен к нижней части пылеватых отложений.

Здесь найдены остатки дикого быка (зубра или бизона?), кулана, дикого козла или барана, зайца и пищухи.

Лежащие в слое плиты могли служить для раскалывания костей, обломки которых концентрируются вокруг них. Рядом с одной из плит лежала речная галька. Находки равномерно распространялись по слою, не образуя скоплений. Обнаружены мелкие осколки расщепленного камня, отщепы, пластина, выемчатое орудие.

5-й культурный слой распространялся на меньшую площадь и выклинивался у стенок грота. Мощность слоя варьировала от 0,1 до 0,3 м. Здесь было расчищено небольшое очажное пятно. Находки были в основном приурочены к нижней части отложений в 5-10 см выше скального дна. По всей толще слоя попадались расколотые кости животных, из числа которых определены остатки козла или барана, кулана, хищника типа медведя, крупной птицы (размером с утку), пищухи и грызунов. Отметим находку фрагмента дентинного покрытия зуба крупного травоядного (мамонта или носорога). Часть костей носит следы погрызов хищников.

Из числа найденных орудий отметим одинарные и двойное скребла, комбинированное орудие, пластину и отщепы с ретушью. В слое была сделана уникальная находка — подвеска из кости, украшенная точечным орнаментом, — первое произведение палеолитического искусства в Туве (рис. 7). Подвеска залегала на кв. 37 вблизи скального дна грота.

К сожалению, небольшая площадь, на которой можно было вскрыть слой, не позволяет составить представление о характере комплекса. Скорее всего, грот эпизодически посещала одна или несколько групп палеолитических охотников, которые приносили сюда готовые орудия, но не занимались здесь их производством, о чем говорит отсутствие отходов каменной индустрии.

Любопытен факт обнаружения крупного отщепя непосредственно на уступе скалы. Вероятно, он был оставлен древнейшими обитателями грота до начала формирования толщи рыхлых отложений.

Первые результаты раскопок грота на р. Куйлуг-Хем чрезвычайно важны для построения периодизации древних культур Тувы и бассейна Верхнего Енисея. Материалы, выявленные в пяти культурных слоях, относятся к каменному веку. На поверхности площадки перед пещерой и в рыхлом мешаном слое встречаются фрагменты скифской или средневековой керамики. В результате деятельности грызунов эта керамика попадает иногда на большую глубину. Помимо поздней керамики в 3-м культурном слое в норе грызуна были найдены голубые пастовые бусы тюркского времени.

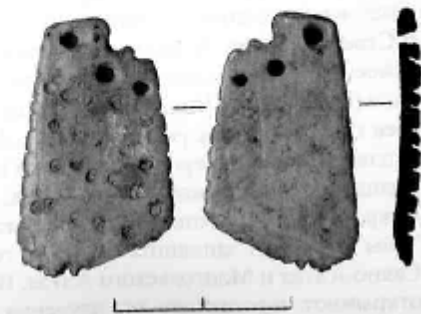

Рис. 7. Костяная подвеска с орнаментом из 5-го культурного слоя Куйлуг-Хемского I грота

Каменный инвентарь и керамика с гребенчатой орнаментацией из 1-го и 2-го культурных слоев памятника находят аналогии в комплексах нижних слоев стоянки Тоора-Даш, на основании которых была выделена верхнеенисейская неолитическая культура, ориентировочно отнесенная к III тыс. до н. э. (Семенов 2004). Недавно опубликованы первые радиоуглеродные даты по образцам кости из неолитических слоев Куйлуг-Хемского I грота: 6710 ± 90 (Лс-6902) и 3540 ± 75 (Лс-6900), которые в целом подтверждают концепцию о раннем возрасте верхнеенисейской неолитической культуры (Тимофеев и др. 2004: 49).

Верхнеенисейская неолитическая культура занимала, очевидно, Саянский каньон Енисея и прилегающие горные районы к северу от Центрально-Тувинской котловины (Семенов 1992). Надо отметить, что расстояние между гротом на Куйлуг-Хеме и стоянкой Тоора-Даш едва ли превышает 30 км. Оба памятника расположены в долинах отрогов Куртушибинского хребта. Третьим однокультурным памятником является стоянка Усть-Кантегир, лежащая приблизительно в 200 км ниже по течению Енисея. Некоторые сходные формы каменных изделий встречены на стоянке Малые Уры I, как и фрагменты гребенчатой керамики (Васильев 1986), но в целом последний памятник относится к более раннему периоду.

В ходе многолетних исследований, проведенных Саяно-Тувинской-Тувинской экспедицией ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН на территории Тувы, было обнаружено значительное число памятников каменного века, большинство которых представляет собой местонахождения с поверхностным залеганием материала (Астахов 1986). Естественно, что при подобном состоянии источников все суждения относительно культурно-хронологической позиции, путей расселения и хозяйственной деятельности древнего человека в Туве были основаны на весьма отдаленных аналогиях. Что касается верхнего палеолита, то до сих пор мы располагаем немногочисленным материалом с пунктов, открытых в долинах Хемчика, Улуг-Хема, и на юге республики, в районе Саглы. Прослеживаемые по материалам этих местонахождений различия не дают основания для однозначной интерпретации в плане культурной принадлежности, временной последовательности, функциональных особенностей и др.

Не лучшим образом обстоит дело с исследованием памятников мезолита и неолита. До сих пор мы располагаем всего одной стратифицированной стоянкой с микролитическим инвентарем (Усть-Хемчик 3; Беляева 1972), которая доставила единственную радиоуглеродную датировку. Для эпохи неолита мы имеем лишь серию нижних культурных слоев стоянки Тоора-Даш, датировка которых основана на косвенных археологических предположениях, абсолютные датировки отсутствуют.

В целом территория Тувы продолжает оставаться наименее изученной в плане археологии каменного века по сравнению со смежными регионами Центральной и Северной Азии. В Монголии, непосредственно примыкающей к Туве с юга, новосибирскими исследователями открыты и исследованы стоянки пещерного типа (Цаган-Агуй, Чихэн). К северу от Тувы, в отрогах Кузнецкого Алатау, известен грот Двуглазка, раскопанный З. А. Абрамовой (1985). Многочисленные палеолитические пещерные памятники на расположенном к северо-западу Алтае (пещеры Усть-Канская, Окладникова, Денисова, Страшная, Каминная, Бийка, Искра и др.; Деревянко 2001). Открытие пещерного памятника на территории Тувы позволяет заполнить большой географический пробел между пещерами Саяно-Алтая и Монгольского Алтая. Ведущиеся на Куйлуг-Хеме исследования открывают перспективу для изучения культуры верхнего палеолита. С другой

стороны, раскопки верхних слоев пещеры впервые дают возможность установить хронологическую привязку памятников неолита с гребенчатой керамикой, хорошо представленного в Туве, но лишенного абсолютных датировок.

- Абрамова 1985 – Абрамова З. А. Мустьерский грот в Хакасии // КСИА. 1985. Вып. 181. С. 92–98.
 Астахов 1986 – Астахов С. Н. Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986.
 Беляева 1972 – Беляева В. И. Неолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 в Западной Туве // КСИА. 1972. Вып. 131. С. 110–114.
 Васильев 1986 – Васильев С. А. Неолитическая стоянка Малые Уры // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 113–117.
 Деревянко 2001 – Деревянко А. П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 70–103.
 Минцлов 1916 – Минцлов С. Р. Памятники древности в Урянхайском крае // ЗВРАО. Пг., 1916. Т. 23, вып. 3–4.
 Тимофеев и др. 2004 – Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М. и др. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
 Семенов 1992 – Семенов В. А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.
 Семенов 2004 – Семенов В. А. К проблеме неолитизации Минусинской котловины и Тувы (верхнеенисейская неолитическая культура) // Проблемы хронологии и культурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 70–87.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И НОВЫХ РАСКОПОК
МОГИЛЬНИКА НА БОЛЬШОМ ОЛЕНЬЕМ ОСТРОВЕ
БАРЕНЦЕВА МОРЯ¹

В. Я. ШУМКИН, Е. М. КОЛПАКОВ, А. И. МУРАШКИН

С 1999 г. Кольская археологическая экспедиция (КАЭ) ИИМК РАН возобновила исследования могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (Мурманская область РФ).

Скалистый остров площадью примерно 72 га находится в северной части Кольского залива в 12 км от выхода в Баренцево море и примерно в 2 км от г. Полярный. Могильник находится в южной части острова на останце морской террасы, сложенной ракушечным песком, расположенном между двумя скальными возвышениями. Высота седловины составляет 14 м над уровнем моря.

История изучения памятника началась в 1925 г., когда сотрудниками Имандровской экспедиции Мурманской биологической станции С. Ф. Егоровым и Г. Д. Рихтером были обнаружены два разрушенных погребения. Они провели раскопки этих погребений и передали сведения о памятнике и находки в Этнографический отдел Русского музея.

Раскопки на месте обнаружения разрушенных погребений были проведены палеоэтнологической партией Антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции АН СССР под руководством А. В. Шмидта в 1928 г. Общая площадь раскопок и шурфов, заложенных в восточной части могильника, составила 94 м². Было обнаружено 11 погребений, сопровождавшихся разнообразным каменным и костяным инвентарем. Итогом работ экспедиции стала серия статей А. В. Шмидта и других специалистов – антропологов, палеозоологов и палеоботаников (Шмидт 1930; Гаммерман 1930; Громова 1930; Синицын 1930). Материалы были переданы в Этнографический отдел Русского музея.

В 1934 г. г. Полярный стал главной базой Северного флота, и в ходе строительства комплекса береговых укреплений на Большом Оленьем острове на месте могильника был устроен карьер по добыче песка. Во время работ военным инженером А. В. Ципленковым был собран археологический и антропологический материал из примерно 25 погребений. 4 предмета были им переданы в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР. Судьба остальной коллекции неизвестна. Из документов, относящихся к этим событиям, в нашем распоряжении осталось только письмо А. В. Ципленкова с предложением передать черепа и находки, отправленное в МАЭ АН СССР (Архив Московского антропологического музея).

В 1947–1948 гг. Кольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной провела раскопки могильника на Б. Оленьем острове. Площадь раскопа составила около 56 м², было вскрыто 10 погребений. Также экспедиция Н. Н. Гуриной обследовала соседний Екатерининский остров, открыла на нем две стоянки эпохи раннего металла и провела их раскопки (Гурина 1953). Материалы из этих раскопок были переданы в МАЭ АН СССР и частично в Мурманский историко-краеведческий музей.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ «Антропология, материальная культура и погребальная обрядность древних лапландцев: могильник II тыс. до н. э. на Большом Оленьем острове Баренцева моря» (№ 05-01-01022а).

Спустя полвека, в 1999 г., исследования могильника были возобновлены КАЭ ИИМК РАН под руководством В. Я. Шумкина. В 1999 и 2001 гг. был снят подробный план могильника с привязкой раскопа 1947–1948 гг. и карьеров, проведены сборы подъемного материала на разрушенных участках, открыты новые стоянки и местонахождения на Б. Оленьем и Екатерининском островах (Шумкин, Мурашкин 2003).

В 2002–2004 гг. на могильнике были заложены три раскопа. Они располагались вдоль южного края песчаного карьера и привязаны к восточной и западной стенкам раскопа Н. Н. Гуриной. Площадь раскопов 2002–2004 гг. составила около 120 м². Помимо этого была вскрыта южная часть раскопа 1947–1948 гг. и южная часть карьера с осыпавшимися и разрушенными стенками – около 100 м² (рис. 1). Было обнаружено девять погребений (11–19, продолжая нумерацию Н. Н. Гуриной). Из них пять погребений одиночных (11, 12, 14, 15, 18) и четыре – коллективных: 13, 16, 17 и 19, содержащих 2, 4, 5 и 6 костяков соответственно (рис. 2, 3). Необходимо отметить, что погребения 11 и 12 были разрушены. Погребение 11 располагалось в юго-западном углу раскопа 1947–1948 гг. Кости находились не в анатомическом порядке, отсутствовали длинные кости конечностей, тазовые кости, череп. Сопроводительного инвентаря не было. Погребение 12 было обнаружено при вскрытии могилы конца XIX в., которая была выявлена в ходе зачистки дна раскопа 1947–1948 гг. В заполнении могильной ямы и около деревянного гроба были обнаружены кости еще одного индивида и костяные орудия, относящиеся к эпохе раннего металла. По всей видимости, при совершении захоронения в XIX в. люди наткнулись на древнее погребение и бережно перезахоронили эти остатки.

В разрезах, заложенных в пределах террасы, зафиксирована следующая стратиграфия:

Литологическое описание	Мощность, м (средн./макс.)
дёрн	(0,06/0,1)
оторфованный ракушечный песок	(0,14/-)
торф хорошо-среднеразложившийся	(0,29/0,41)
кварцево-полевошпатовый песок	(0,03/0,11)
темно-коричневый органо-минеральный слой	(0,03/0,06)
ракушечный песок	более 1,5

На некоторых участках, в верхней части светло-серого песка с раковинной обнаружены тонкие органо-минеральные прослойки коричневого цвета – предположительно горизонты почвообразования.

Ракушечный песок с характерным комплексом фауны морских моллюсков, слагающий террасу, отлагался во время трансгрессии тривия, максимум которой датируется возрастом 4000–3500 лет назад. Современное высотное положение террасы позволяет связать ее образование с регрессией моря тривия, в ходе которой верхние горизонты отложений были размывы и несогласно перекрыты валунно-галечным материалом, не образующим сплошного слоя. Верхняя часть толщи ракушечного песка содержит небольшое количество пылицы плохой сохранности, что не позволяет охарактеризовать природную обстановку периода ее формирования.

Темно-коричневый органо-минеральный слой, залегающий над толщиной ракушечного песка, сформировался уже после того, как захоронения прекратились. В пользу такого предположения свидетельствует ненарушенный характер залегающего слоя. Тот факт, что в районе памятника слой проникает под гальку и валуны,

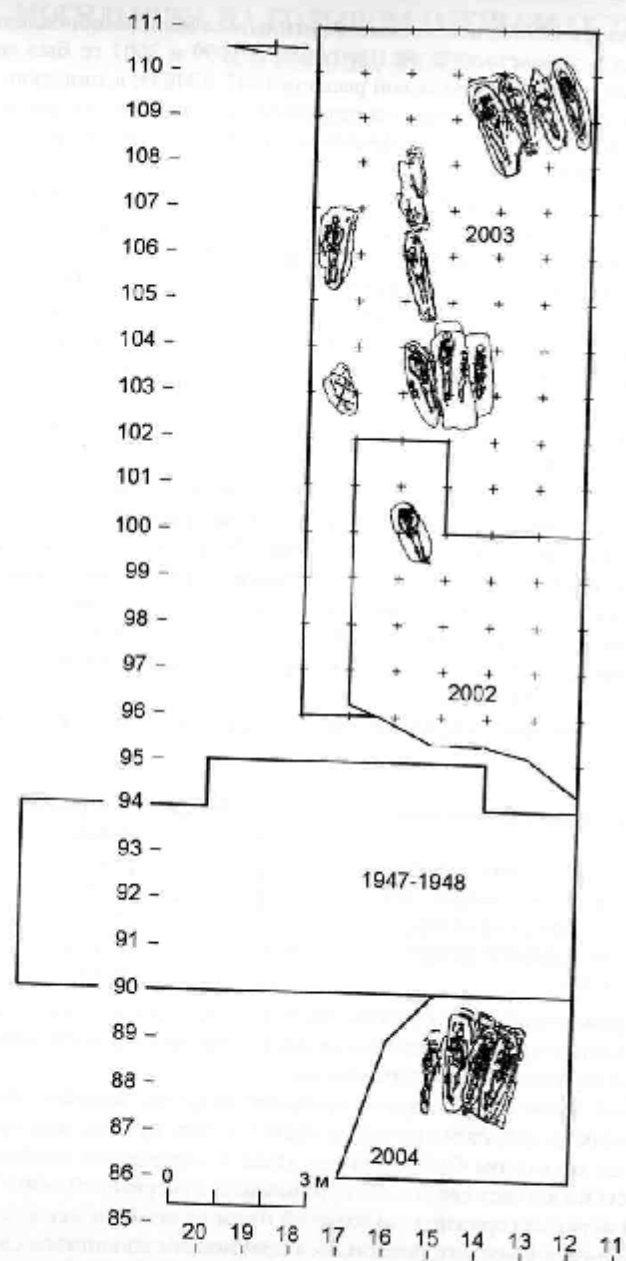

Рис. 1. План раскопок 2002–2004 гг. могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря

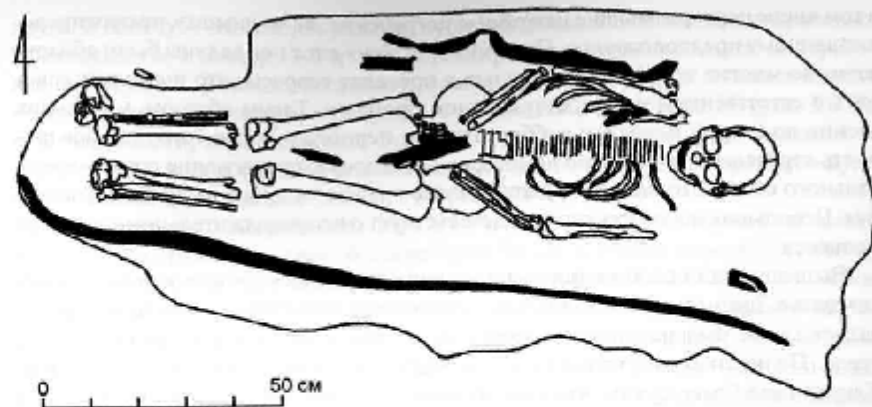

Рис. 2. Могильник на Большом Оленьем острове. План погребения 14

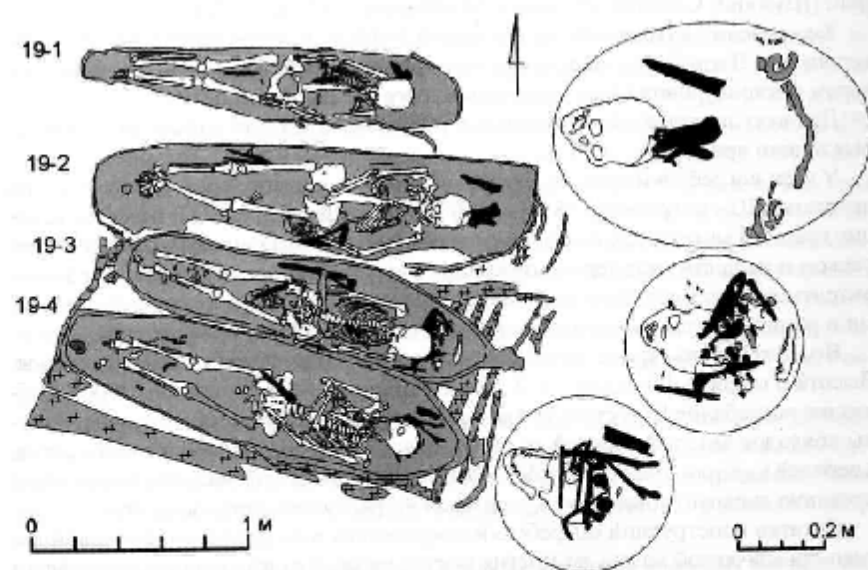

Рис. 3. Могильник на Большом Оленьем острове. План коллективного погребения 19. Уровень расчистки костяков

в том числе перекрывающие некоторые погребения, но-видимому, не противоречит данному предположению. Подобные «затёки» слоя под валуны были обнаружены во многих шурфах, заложенных в пределах террасы, что позволяет говорить о естественном и распространенном процессе. Таким образом, могильник возник во второй половине суббореального периода – после того, как поверхность террасы осушилась, но до того, как началось формирование органо-минерального слоя, которое могло быть связано с началом процесса почвообразования. Небольшая мощность слоя свидетельствует о непродолжительном характере процесса.

Вышележащий слой кварцево-полевошпатового песка имеет эоловое происхождение. Здесь отмечено значительное снижение концентрации пылицы. Преобладает также пыльца злаков и осоковых. В небольшом количестве обнаружен уголь. Полностью отсутствует пыльца водных и прибрежно-водных растений. Климат стал более сухим, что способствовало развитию эоловых процессов на открытых для господствующих ветров морских побережьях и террасах трансгрессий тапес и тривия. В последнем случае формирование эоловых отложений относится к концу суббореала (Лаврова 1960: 234). Этим, вероятно, и обусловлено прекращение формирования органо-минерального слоя.

Слой оторфованного ракушечного песка, перекрывающий слой торфа, имеет локальное распространение – в пределах памятника и не вскрывается в других разрезах, заложенных на террасе. В связи с этим его генезис подлжет уточнению (Шумкин, Сапелко, Лудикова, Мурашкин 2005: 470–471).

Захоронения находились на глубине 0,5–0,9 м от современной дневной поверхности. Неглубокие могильные ямы прослеживались в материковом светло-сером песке с уровня ниже перекрывающего могильник торфа.

Для всех погребений, изученных в 2002–2004 гг., были характерны некоторые общие признаки.

У всех погребений границы могильных ям как в плане, так и в разрезе очень нечеткие. (Для погребения 18 яма вообще не прослеживалась.) В разрезах верхние границы могильных ям полностью сливаются с материковым светло-серым песком и не достигают черно-коричневого оторфованного песка. Общим наполнителем является светло-серый песок с желтоватыми и коричневатыми оттенками в разных местах, в котором встречаются мелкие древесные угольки.

Все погребения (кроме особых случаев – 14 и 18) имеют обкладки из валунов. Высота и ширина обкладки – 1–2 камня (ширина северо-восточной стороны обкладки погребения 16 достигала 4 камней), конфигурация в плане различна. Валунные обкладки залегали нижней своей частью в самых верхах ракушечного песка, а верхней уходили в черный торф. Собственно, уровень этих валунов и маркирует древнюю дневную поверхность, с которой устраивались могильные ямы.

Остатки конструкций погребений сохранились в виде черно-коричневой дерево-органической массы, во многих местах которой отчетливо прослеживаются деревянные элементы, обладающие волокнистой структурой. При этом дерево обычно плавно переходит в такую же по цвету и характеру массу, но не обладающую какой-либо внутренней структурированностью. Судя по всему, она также является в большинстве случаев остатками и следами деревянных элементов.

Кости погребенных находились в тонкой плотной черной органической массе, вероятнее всего, остатках одежды из шкур.

Захоронения в коллективных «склепах» 16, 17 и 19 были совершены в отдельных могильных ямах и неодновременно (исключая 17-4 и 17-5, 19-3, 19-6 и 19-4). Могильные ямы как бы прикапывались одна к другой, не нарушая друг

друга. В пользу этого говорят разные глубина и длина соседних индивидуальных могильных ям, а между 17-3 и 17-4 зафиксирована и незначительная материковая перегородка. Последовательность совершения захоронений в коллективных «склепах» удалось надежно установить только для погребения 19 (рис. 3). По всей видимости, первоначально были захоронены мужчина (?) и женщина (с младенцем) – костяки 4, 3 и 6, а несколько позже произошли подхоронения мужчины (костяк 2), женщины (костяк 1) и ребенка (костяк 5).

В коллективных погребениях 16, 17, 19 зафиксированы перекрытия из досок или плах в один или два слоя. В погребении 16 однослойное перекрытие расположено вдоль костяков, в погребениях 17 и 19 перекрытия были двухслойными. В погребении 17 нижний слой располагался поперек костяков, верхний – вдоль, в погребении 19 оба перекрытия располагались вдоль костяков, и на нижнем перекрытии находилось гробовище детского костяка 5. Своими концами перекрытия опирались на края могильных ям. В погребении 19 удалось точно зафиксировать, что края ям погребений 19-3 и 19-4 (совершенных одновременно) были укреплены вертикально стоящими досками. На дне этого погребения находился настил из досок и жердей, ориентированный поперек костяков, а под погребением 19-2 доски настила располагались параллельно костяку.

Все непогребенные погребения демонстрируют сходные черты обряда погребения: это труположения на спине, вытянуто, головой на северо-восток и восток, кисти рук – в области таза.

Большинство костяков (13, 15, 16-1, 16-2, 16-3, 16-4, 17-4, 19-1, 19-2, 19-3, 19-4, 19-5) было помещено в своеобразные деревянные гробовища, длиной до 1,9 м, напоминавшие по форме лодки. В погребениях 15, 19-3 и 19-4 удалось четко зафиксировать детали конструкции лодок-гробовищ. Судя по остаткам, корпуса лодок были сделаны из тонких деревянных досок и просмолены (?). Лодки-гробовища, скорее всего, были специально изготовлены для погребальной процедуры, видимо, по технологии изготовления настоящих лодок. Они вряд ли могли быть настоящими лодками для плавания по морю из-за своей недостаточной длины. В то же время они значительно больше, чем этнографически известные сани-керсжки и тоббоганы северных народов. (Необходимо также принять во внимание, что погребенных в могильнике смерть постигла не на острове, а на материке, в пределах более или менее обширной округи, и умерших необходимо было транспортировать по суше и по морю, чтобы добраться до места погребения.)

Почти все гробовища (исключение – погребение 15) были закрыты деревянными крышками, на стыках которых были обнаружены длинные полосы минерализованной смолы (вара, дегтя?). В погребениях 19-3 и 19-4 под крышками были зафиксированы остатки еще одного слоя органики на скелетах – возможно, «обертки» из коры или луба (?).

Не исключено, что могильные ямы не были засыпаны в момент погребения. По крайней мере в пользу этого предположения свидетельствуют характер деформации перекрытий, стенки могильных ям и характер разрушения некоторых лодок-гробовищ. Наиболее аргументированно это можно показать на примере коллективного погребения 19.

Перекрытия большей частью разрушились и опустились на лодки-гробовища, но между южной стенкой могильной ямы и погребением 19-4 сохранилась часть перекрытия, которая опустилась на уровень крышки 19-4. Характерно, что стенки могильных ям крайне плохо читаются или не читаются вообще. Это объясняется тем, что в рыхлом материковом песке они быстро осыпались даже тогда,

когда были укреплены досками или жердями, а ямы не были заполнены. Материловый песок даже успел заполнить лодки-гробовища еще до проваливания крышек (если бы ямы были засыпаны, то под тяжестью засыпки крышки, почти наверняка, полностью провалились бы на костяки). У погребения 19-2 почти весь правый борт вместе с левыми ногой и рукой съехали к югу и вниз, к более глубокому погребению 19-3.

В большинстве погребений был обнаружен сопроводительный инвентарь (рис. 4, 5). Он отличается обилием и большим разнообразием предметов из кости и рога. В гораздо меньшей степени представлены керамика, орудия из камня и металла. Сохранность костяных и роговых предметов в целом хорошая, только их наружная поверхность чаще всего повреждена корнями растений, образующими на ней причудливые узоры.

Во всех содержащих инвентарь погребениях встречены кинжалы, изготовленные из продольно расколотых костей крупных млекопитающих (в шести случаях – из задних метаподий северного оленя). В погребении 16-3 – одним из самых «богатых» – находилось как минимум два кинжала. Большой серией представлены разнообразные наконечники метательного вооружения – стрел или дротиков, гарпунов (в том числе наконечники поворотных гарпунов). В большом количестве встречены костяные проколки, иглы, рыболовные крючки, разнообразные подвески, «булавки», «гребни», рукояти (в том числе для крепления металлических лезвий). Очень интересна серия «наверший жезлов» со схематизированными объемными изображениями голов северного оленя (Мурашкин, Шумкин 2004).² Некоторые костяные предметы украшены прорезным геометрическим орнаментом, аналогии которому можно найти на предметах из раскопок последней эпохи раннего металла Маяк II и Усть-Дроздовка III.

Немногочисленный каменный инвентарь представлен сланцевыми шлифованными рубящими орудиями, кремневым кинжалом, обломками наконечников стрел и копий, скребками и отщепами кремня, сланца и кварца. В нескольких погребениях найдены куски пемзы и три «выпрямителя дрэвков стрел» из нсс. В погребении 15 найдена бронзовая пластина размером 3 × 1,4 см. При семи костяках найдены куски бурого железняка (?) и в одном случае – кусок охры, положенные вместе с инвентарем. Во многих погребениях обнаружены створки раковин морского гребешка, которые, по всей видимости, играли важную роль в погребальном обряде (см. Шмидт 1930: 136). В погребении 19-3 было найдено около 300 пронизок из раковин *Dentalium*, возможно служивших украшением.

В погребениях 16-2 и 19-5 обнаружено две придонные части сосудов. Еще около 150 фрагментов керамики, по всем признакам относящихся к одному крупному сосуду, было найдено в ходе просивания отвалов карьера и раскопа 1947–1948 гг. В качестве примеси в тесте сосудов был использован асбестоподобный минерал зеленоватого цвета. Его фрагменты достигают 3 см в длину. Реже использовались мелкозернистый песок и дробленый минерал черного цвета. В двух фрагментах зафиксирована примесь настоящего асбеста (горного льна), в трех – пера, в шести фрагментах в примеси встречена раковина. Во всех случаях черепки содержат несколько примесей. Сосуды изготавливались ленточным способом (ширина лент – 3–6 см). Один из трех сосудов украшен косыми отгисками длиной тонкой гребешки, образующей «елочку» сразу под венчиком

² В предыдущих публикациях и отчетах мы определяли этих животных как лосей, но по многим признакам (изображению рогов, «лопатообразному» профилю морды, посадке головы животного) они несомненно относятся к северным оленям.

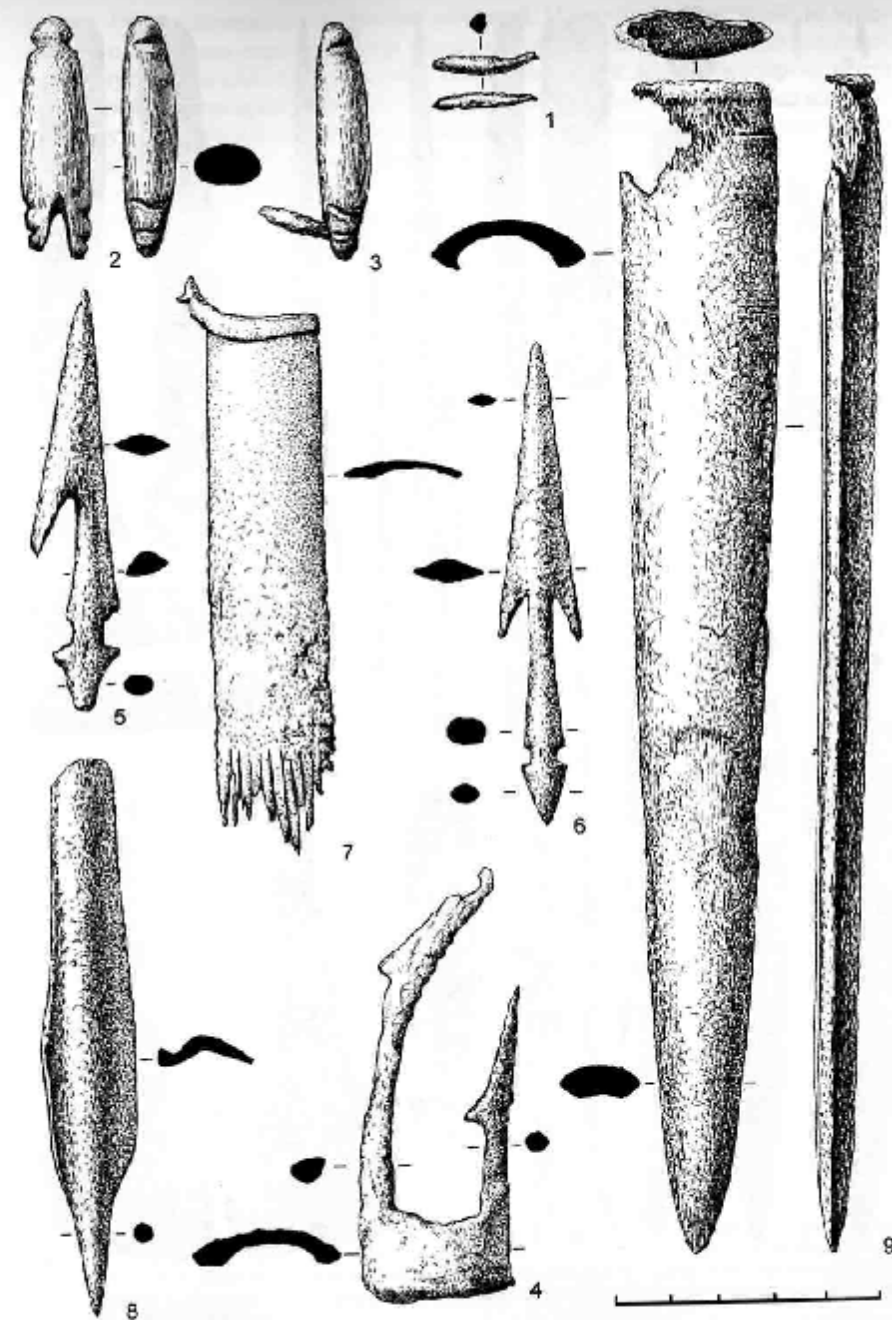

Рис. 4. Могильник на Большом Оленьем острове. Костяной инвентарь погребения 14: 1–3 – составной рыболовный крючок (1 – жало, 2 – сланцевый стержень); 4 – костяной рыболовный крючок; 5–6 – наконечники гарпунов; 7 – гребень; 8 – проколка; 9 – кинжал

Рис. 5. Могильник на Большом Оленьем острове. Инвентарь погребения 19-4: 1 – кинжал; 2–3 – двузубые наконечники стрел; 4–6 – долота; 7–8 – обломки острий; 9 – рыболовный крючок; 10 – «выпрямитель древков стрел»; 11 – оселок; 12–13 – отщепы (1–9 – кость, 10 – пемза, 11 – песчаник, 12–13 – кремневый сланец)

сосуда. Обжиг керамики в основном хороший. Цвет черепков разный: от красноватого до темно-коричневого и темно-серого. В изломе керамика двуцветная – внутренний слой всегда черный или темно-серый. Внешняя сторона часто заглаженная. Некоторые фрагменты профилированы. Венчики имеют слабый изгиб наружу. Наибольшее сходство эта керамика обнаруживает с так называемой асбестовой керамикой, найденной на памятниках в центральной и северной частях Кольского полуострова.

В радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН была получена серия дат по образцам, отобранным в нескольких погребениях.

Шифр	Погребение	Материал	Дата ВР	Дата Cal BC/AD	Дата Cal BC/AD
ЛЕ-6801	17-4	уголь	2750 ± 40 ВР	920–830 BC	1000–820 BC
ЛЕ-6802	15	уголь	3080 ± 110 ВР	1490–1130 BC	1650–1000 BC
ЛЕ-6803	17-1	уголь	3130 ± 100 ВР	1520–1260 BC	1700–1050 BC
ЛЕ-6804	15-4	уголь	3090 ± 50 ВР	1420–1260 BC	1500–1210 BC
ЛЕ-6805	15-2	минерализованная смола	4010 ± 45 ВР	2580–2460 BC	2840–2400 BC
ЛЕ-6806		торф над погребением 15	890 ± 30 ВР	1040–1220 AD	1030–1220 AD

Судя по всему, время совершения погребений можно определить второй половиной II тыс. до н. э.

Впервые краниологические материалы из могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря (из раскопок А. В. Шмидта и Н. Н. Гуриной) были изучены В. П. Якимовым (Якимов 1953). В результате работ Кольской археологической экспедиции в 2002–2004 гг. краниологическая серия из могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря была увеличена более чем в два раза. Было получено 16 новых черепов, что значительно расширяет фактическую базу для палеоантропологических исследований, направленных на реконструкцию древних этногенетических процессов в Северной Европе (Боруцкая, Васильев, Колпаков, Мурашкин, Хартамович, Шумкин 2006).

Большое значение имеют работы палеогеографов (под руководством Д. А. Субетто), проведенные в 2004–2005 гг. на Большом Оленьем острове. Их задачей стало подробное изучение условий формирования вмещающих и перекрывающих могильник отложений с целью реконструкции ландшафта, климата и растительности микрорегиона.

Боруцкая, Васильев, Колпаков, Мурашкин, Хартамович, Шумкин 2006 – *Боруцкая С. Б., Васильев С. В., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Хартамович В. И., Шумкин В. Я.* Новые археологические и антропологические данные из могильника конца II тыс. до н. э. на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (раскопки 2002–2004 гг.) // *Алексеевские чтения*. М., 2006 (в печати).

Гаммерман 1930 – *Гаммерман А. Ф.* Растительные остатки из могильника на Большом Оленьем острове // *Кольский сборник: Материалы комиссии экспедиционных исследований*. Л., 1930. Вып. 23. С. 171–176.

Громова 1930 – *Громова В. И.* Остатки млекопитающих из могильника Большого Оленьего острова // *Кольский сборник: Материалы комиссии экспедиционных исследований*. Л., 1930. Вып. 23. С. 177–180.

- Гурина 1953 – Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА СССР. М.; Л., 1953. № 39. С. 347–407.
- Лаврова 1960 – Лаврова М. А. Четвертичная геология Кольского полуострова. М.; Л., 1960.
- Мурашкин, Шумкин 2004 – Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Новые предметы древнего искусства из могильника Большого Оленьего острова в Баренцевом море // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2004. С. 97–101.
- Синицын 1930 – Синицын С. Д. Костные остатки человека в раскопках А. В. Шмидта // Кольский сборник: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 23. С. 181–183.
- Шмидт 1930 – Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 23. С. 119–169.
- Шумкин, Мурашкин 2003 – Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Новые данные о могильнике на Большом Оленьем острове Баренцева моря // АВ. 2003. № 10. С. 26–30.
- Шумкин, Сапелько, Лудикова, Мурашкин 2005 – Шумкин В. Я., Сапелько Т. В., Лудикова А. Н., Мурашкин А. И. Комплексное исследование могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря // Квартер 2005: IV Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005. С. 470–471.
- Якимов 1953 – Якимов В. П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1953. Т. 15. С. 448–485.

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ШАРЫПОВО VI (К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ НА ЮГЕ СИБИРИ)

С. В. КРАСИЕНКО

Одна из наиболее важных проблем археологии Сибири – происхождение культур эпохи раннего металла и расселение носителей этих культур. В настоящее время доказанными считаются связи древнего населения Западной (бассейны рек Иртыша и Оби) и Южной (Минусинская котловина) Сибири в андроновское время (не ранее XIII в. до н. э.) и позднее. Для более ранних эпох такого рода сведений чрезвычайно мало. До недавних пор, а в значительной степени и ныне, значительные территории были слабо исследованы (Вадецкая 1986: 36). Кроме того, в основе культурно-хронологических построений для разных регионов лежит информация, полученная из разных археологических источников. Для Минусинской котловины это прежде всего курганные могильники, для Западной Сибири – это преимущественно поселения. В этой связи особое значение приобретают новые открытия в зоне, расположенной между двумя регионами, – Назаровской котловине. Эта котловина как особая территория, «лесостепной коридор» (Вадецкая 1986: 4), обладает рядом качественных признаков, которые позволяют рассматривать ее как своего рода исследовательский полигон. Здесь, в частности, имеется большое разнообразие ландшафтов, дифференцированных как экспозиционно, так и высотно; пересеченная местность и большое количество рек и озер образуют множество микродолин. Эти природные особенности позволяют на относительно небольшой территории сочетать различные хозяйственные уклады, что находит отражение и в памятниках археологии.

В 2002–2004 гг. отряд Сибирской экспедиции ИИМК РАН произвел раскопки двух поселений на юго-западе Красноярского края. Один из памятников – поселение Шарыпово VI – пополнил пока еще немногочисленный список объектов окуневской культуры (Красниенко, Субботин 2006).

Поселение Шарыпово VI расположено в старой части п. Шарыпово, на правом (восточном) берегу р. Темра (бассейн рек Береш–Урюп–Чулым–Томь–Обь), на краю ее верхней надпойменной террасы и на примыкающих к ней огородах. Береговая терраса реки, занятая поселением, в этом месте разрушена многочисленными хозяйственными ямами и проходящей по краю террасы грунтовой полевой дорогой. Высота террасы над уровнем реки составляет 3,5–4 м. В отвалах и стенках современных хозяйственных ям был собран подъемный материал, в том числе изделия из камня: фрагмент проколки, кремневый наконечник стрелы, отщепы, отходы; многочисленные фрагменты керамики: орнаментированной «волнами», в том числе в зонах с противоположным направлением (треугольные рассеченные зоны), венчик, украшенный с внутренней стороны (1 фрагмент), орнаментированные донца (40 фрагментов).

Раскопки памятника проводились в два этапа. Вначале был заложен раскоп площадью 32 м² (две линии квадратов 2 × 2 м, по четыре квадрата в каждой линии в направлении З–В), в котором был выявлен культурный слой, содержащий находки. Культурный слой представлял собой темную, почти черную гумусированную почву, залегавшую непосредственно под слоем дерна мощностью до 0,1 м. Гумусированный слой (мощностью до 0,5 м) местами рассекался лип-

- Гурина 1953 – Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА СССР. М.; Л., 1953. № 39. С. 347–407.
- Лаврова 1960 – Лаврова М. А. Четвертичная геология Кольского полуострова. М.; Л., 1960.
- Мурашкин, Шумкин 2004 – Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Новые предметы древнего искусства из могильника Большого Оленьего острова в Баренцевом море // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2004. С. 97–101.
- Синицын 1930 – Синицын С. Д. Костные остатки человека в раскопках А. В. Шмидта // Кольский сборник: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 23. С. 181–183.
- Шмидт 1930 – Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник: Материалы комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 23. С. 119–169.
- Шумкин, Мурашкин 2003 – Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Новые данные о могильнике на Большом Оленьем острове Баренцева моря // АВ. 2003. № 10. С. 26–30.
- Шумкин, Сапелко, Лудикова, Мурашкин 2005 – Шумкин В. Я., Сапелко Т. В., Лудикова А. Н., Мурашкин А. И. Комплексное исследование могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря // Квартер 2005: IV Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Сыктывкар, 2005. С. 470–471.
- Якимов 1953 – Якимов В. П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1953. Т. 15. С. 448–485.

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ШАРЫПОВО VI (К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ НА ЮГЕ СИБИРИ)

С. В. КРАСИЕНКО

Одна из наиболее важных проблем археологии Сибири – происхождение культур эпохи раннего металла и расселение носителей этих культур. В настоящее время доказанными считаются связи древнего населения Западной (бассейны рек Иртыша и Оби) и Южной (Минусинская котловина) Сибири в андроновское время (не ранее XIII в. до н. э.) и позднее. Для более ранних эпох такого рода сведений чрезвычайно мало. До недавних пор, а в значительной степени и ныне, значительные территории были слабо исследованы (Вадецкая 1986: 36). Кроме того, в основе культурно-хронологических построений для разных регионов лежит информация, полученная из разных археологических источников. Для Минусинской котловины это прежде всего курганные могильники, для Западной Сибири – это преимущественно поселения. В этой связи особое значение приобретают новые открытия в зоне, расположенной между двумя регионами, – Назаровской котловине. Эта котловина как особая территория, «лесостепной коридор» (Вадецкая 1986: 4), обладает рядом качественных признаков, которые позволяют рассматривать ее как своего рода исследовательский полигон. Здесь, в частности, имеется большое разнообразие ландшафтов, дифференцированных как экспозиционно, так и высотно; пересеченная местность и большое количество рек и озер образуют множество микродолин. Эти природные особенности позволяют на относительно небольшой территории сочетать различные хозяйственные уклады, что находит отражение и в памятниках археологии.

В 2002–2004 гг. отряд Сибирской экспедиции ИИМК РАН произвел раскопки двух поселений на юго-западе Красноярского края. Один из памятников – поселение Шарыпово VI – пополнил пока еще немногочисленный список объектов окуневской культуры (Красниенко, Субботин 2006).

Поселение Шарыпово VI расположено в старой части п. Шарыпово, на правом (восточном) берегу р. Темра (бассейн рек Береш–Урюп–Чулым–Томь–Обь), на краю ее верхней надпойменной террасы и на примыкающих к ней огородах. Береговая терраса реки, занятая поселением, в этом месте разрушена многочисленными хозяйственными ямами и проходящей по краю террасы грунтовой полевой дорогой. Высота террасы над уровнем реки составляет 3,5–4 м. В отвалах и стенках современных хозяйственных ям был собран подъемный материал, в том числе изделия из камня: фрагмент проколки, кремневый наконечник стрелы, отщепы, отходы; многочисленные фрагменты керамики: орнаментированной «волнами», в том числе в зонах с противоположным направлением (треугольные рассеченные зоны), венчик, украшенный с внутренней стороны (1 фрагмент), орнаментированные донца (40 фрагментов).

Раскопки памятника проводились в два этапа. Вначале был заложен раскоп площадью 32 м² (две линии квадратов 2 × 2 м, по четыре квадрата в каждой линии в направлении З–В), в котором был выявлен культурный слой, содержащий находки. Культурный слой представлял собой темную, почти черную гумусированную почву, залегающую непосредственно под слоем дерна мощностью до 0,1 м. Гумусированный слой (мощностью до 0,5 м) местами рассекался лин-

зами из смеси галек и крупного речного песка. Цвет слоя менялся по мере приближения к матерiku от черного к темно-серому. Ниже находился суллинок серо-желтого цвета, условно принятый за материк. По составу археологического материала культурный слой не стратифицировался. В результате первого этапа раскопок были найдены: свыше 400 фрагментов керамики окулевско-самусьского времени; многочисленные кремневые изделия (в том числе более 40 наконечников стрел, пластинок и др.) и их фрагменты, отходы производства (отщепы, сколы, чешуйки); небольшое количество шлаков; 59 продолговатых галек примерно одинаковых размеров (около $7 \times 1,5 \times 1,5$ см), возможно, грузила рыболовной сети или ткацкого станка, сосредоточенные на участке около 2×2 м в предматериковой части культурного слоя; изделия из кости, представленные в основном мелкими обломками; кости животных; угольки (на одном из участков – в виде скопления). Исходя из данных первого этапа раскопок, было решено продолжить исследования в северном (две линии квадратов), южном (три линии квадратов) и в западном (одна линия квадратов) направлениях общей площадью 104 м². В результате второго этапа работ новой информации о стратиграфии памятника получено не было, однако общее количество керамики возросло до более чем 2000 фрагментов (включая 139 обломков венчиков и 49 фрагментов донца сосудов), а изделий из кремня – до более 200 единиц (включая около 30 орудий и их фрагментов, наконечники стрел, нуклеусы, пластины, скребки, острия и пр.). Остеологические материалы представлены преимущественно костями косули, а также отдельными костями медведя, лисы, хомяка, водяной крысы и рыбы (определения Н. Д. Оводова, Красноярск).

Кроме керамики раннего бронзового века на поселении обнаружены пять фрагментов от андроновских горшков, которые, скорее всего, происходят из находящегося примерно в 200 м ниже по течению андроновского поселения. Андроновская керамика встречена и в 50 м выше по реке, на этом же (правом) берегу. Найден также фрагмент венчика тагарского сосуда, возможно, происходящий из расположенного выше по течению реки тагарского курганного могильника (Шарыпово ПМК).

Анализ основного комплекса керамики поселения Шарыпово VI показывает, что способ формовки сосудов аналогичен приемам изготовления афанасьевской посуды: лепку сосудов осуществляли, скорее всего, ленточным способом, но соприкосновения валиков, как в афанасьевских сосудах, не наблюдается. Заглаживание внутренней поверхности производили щеткой, часто орнаментом (гребенкой), рукой, пальцами, отмечены единичные фрагменты со следами заглаживания травой. В тесте много дресвы, шамота, реже представлен песок, встречается также слюда, вероятно попавшая в тесто вместе с глиной. Керамика в основном толстенная (толщина черепков – более 1 см). 50 % сосудов имеют диаметр устья около 30 см. Вся посуда плоскодонная.

Цвет поверхности сосудов варьирует от светлого (желто-серого или желто-коричневого) до темного (красновато-коричневого или коричневого), иногда с пятнами цвета охры. Цвет внутренней поверхности и излом часто черный. Обжиг посуды слабый, тесто в основном рыхлое. Разлом сосудов часто проходит по валикам.

Вся посуда, за исключением одного сосуда, орнаментирована. Сосуды украшены отпечатками гребенчатого штампа и палочки (ямки, «жемчужинь»), нанесенными почти всегда по всей поверхности (рис. 1–2). Основные приемы орнаментации: отступающая и шагающая гребенка, отступающая палочка, уголко-вые вдавления палочкой (капля). Отпечатки образуют вертикальные ряды ямок

горизонтальные двойной зигзаг (выполненный зубчатым штампом) или параллельные извилистые линии (выполненные длинным зубчатым штампом). Представлены следующие орнаментальные композиции. Часть сосудов украшена отпечатками наклонной отступающей гребенки в средней части, выше – рядом ямок и отпечатками гребенки в верхней части (рис. 1: 6). Некоторые фрагменты стенок орнаментированы горизонтальными и наклонными рядами шагающей гребенки, «каплями» (уголковые вдавления палочкой; рис. 1: 1; 2; 7), «личиночным» штампом (двух- и трехзубые штампы – короткий зубчатый орнамент, дающий отпечаток в виде пшеничного зерна), сочетаниями различных композиций гребенчатого штампа и «жемчужин» (рис. 1: 2, 4). Верхняя грань венчиков сосудов – отогнутых наружу, приотстренных – украшена отпечатками гребенки, поставленными под углом (рис. 1: 2–4, 6). На ряде сосудов под венчиком имела зона из формованных валиков (как минимум трех; рис. 2: 1, 5). Валики орнаментированы мелкими, наклонными отпечатками «личиночного» штампа. Подобная керамика обнаружена при сборах на ряде памятников Шарыповского района, в частности, на городище Хах-Пах-Хыр вместе с мотыжкой из рога марала.

Керамический комплекс Шарыпово VI находит параллели в материалах поселения эпохи ранней бронзы Кадат-6, исследованного Г. Н. Курочкиным в Шарыповском районе в 1981 г. (Курочкин 1983). Здесь на площади 320 м² было найдено 150 фрагментов керамики, разделенной автором раскопок по особенностям техники изготовления и орнаментации на 5 групп:

Группа I. Керамика имеет сероватый цвет, плотное тесто. Толщина стенок от 8 до 14 мм, черепок в изломе слоистый, с вкраплениями ржавого цвета. Поверхность украшена ногтевидными вдавлениями, образующими горизонтальные или диагональные (спускающиеся слева направо) ряды. Найдено около 20 фрагментов (13 %) (рис. 3: 1, 2).

Группа II. Посуда изготовлена из рыхлого, плохо обожженного теста, так что края обломков всегда разрушены или сильно окатаны. В изломе тесто однородное желтое или с серой прослойкой в середине; окраска поверхности варьирует от грязновато-желтой до светло-оранжевой. Поверхность сосудов сплошь орнаментирована горизонтальными рядами зубчатого штампа, поставленного вкось. Венчик по наружному краю обычно имеет насечки. Представлено около 80 фрагментов (> 50 %) (рис. 3: 3, 4).

Группа III. Сосуды имеют толстые (более 1 см) стенки и оранжевый цвет поверхности; в тесте – примесь дресвы. Поверхность сплошь покрыта широкими овальными вдавлениями, с одной стороны отчетливыми и глубокими, с другой – пологими. 15 фрагментов (10 %) (рис. 3: 6).

Группа IV. «Абразивная» керамика с песчаной примесью в тесте, на ощупь грубоватая, поверхность ее по фактуре напоминает мелкозернистый наждачный круг. Черепок в изломе двухслойный: наружный слой повторяет цвет поверхности (темно-оранжевый), внутренний, подкладочный – темный. Орнамент – частые ногтевидные отпечатки, сгруппированные в горизонтальные ряды с пустыми промежутками между ними примерно такой же ширины. 10 фрагментов (7 %) (рис. 3: 9).

Группа V. Единичные обломки сосудов с различными орнаментами: крупными волнистыми вдавлениями под венчиком; параллельными, горизонтально прочерченными линиями под венчиком в сочетании с «жемчужинами»; круглыми и подтреугольными ямками (также на плоских днищах) и т. п. (< 20 %) (рис. 3: 5, 7, 8).

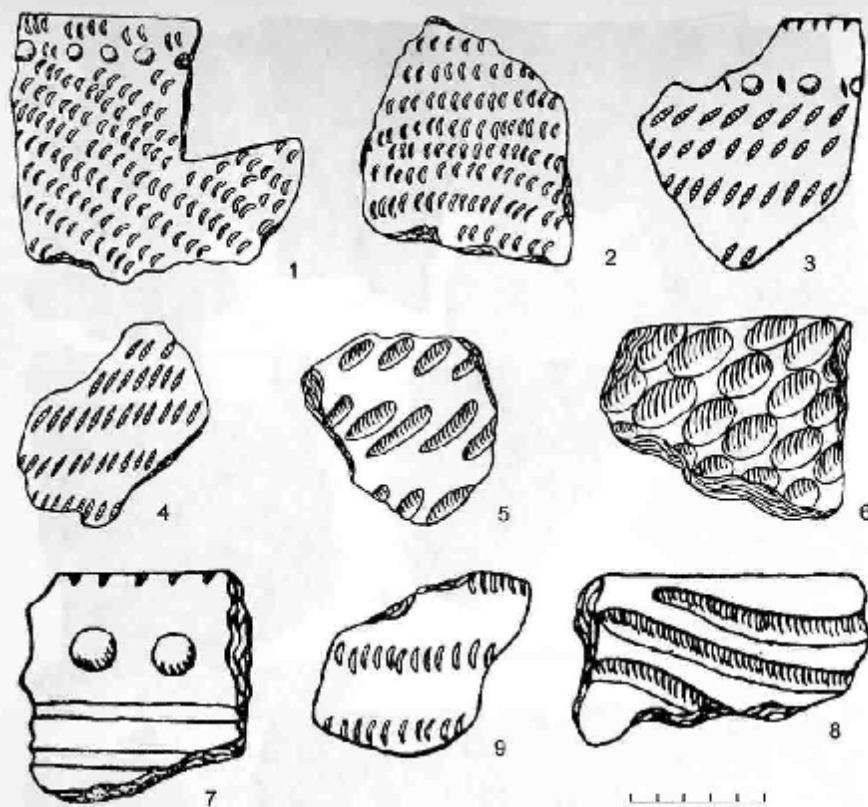

Рис. 3. Керамика поселения Кадат-6 (по Г. Н. Курочкину 1983)

Сопоставление характеристик групп керамики поселения Кадат-6 и керамического материала поселения Шарыпово VI, несмотря на некоторую некорректность статистических сравнений (значительное число обломков керамики нашего памятника в результате реставрации собрано в крупные части сосудов), показывает близкое сходство технологии изготовления посуды: совпадают цвет сосудов (определяемый в основном температурой обжига) и состава теста («вкрапления ржавого цвета» в тесте керамики Кадат-6, примесь шамота; зафиксировано также присутствие дресвы). Что касается орнаментации, то очевидна лишь связь керамики Шарыпово VI с керамикой V группы поселения Кадат-6.

Гораздо больше сходства обнаруживается при сравнении материалов Шарыпово VI с керамикой памятников самусьского круга в Западной Сибири: Новокусовской стоянки (близ впадения Чулыма в Томь), поселения Чернозерье VI, Логиновское городище (Обско-Ишимское междуречье) (Косарев 1974; 1987). Первая группа новокусовской посуды, орнаментированной преимущественно «отступающей» техникой (рис. 4: 10, 12), была украшена также «отпечатками палочки или лопаточки, которые образовывали бороздки из налегающих друг на друга горизонтальных или наклонных штрихов» (Косарев 1974: 52). Ко второй группе отнесена посуда (рис. 4: 1-7), украшенная мелкими ямочками или вдавленными уголками палочки. Эта же техника и орнаментальные мотивы довольно

Рис. 4. Керамика Новокусовской стоянки (по М. Ф. Косареву 1974): фрагменты венчиков (1, 3, 5-8, 10, 11, 13, 14), донцев (2, 4) и стенок (9, 12)

хорошо представлены и в керамике Самусьского могильника. В третьей группе М. Ф. Косарев объединил сосуды с прочерченным орнаментом (рис. 4: 8, 9, 11, 13, 14). Керамика, весьма близкая первым двум группам, найдена также при раскопках поселения Чернозерье VI (рис. 5: 3, 4, 6) и Логиновского городища (рис. 5: 1, 2, 5, 7).

Новокусовская стоянка датируется М. Ф. Косаревым в достаточно широком хронологическом диапазоне. При этом выделен так называемый новокусовский

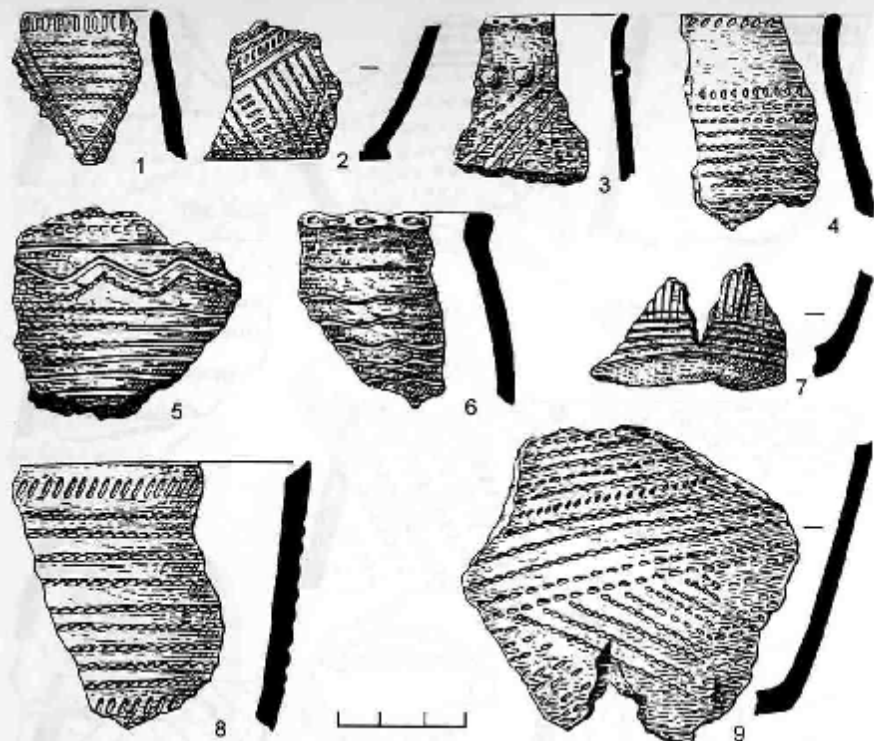

Рис. 5. Керамика поселения Черноезере VI и Логиновского городища (по М. Ф. Косареву 1987) – фрагменты венчиков (1, 3–5, 7) и стенок (2, 6, 8, 9)

или протосамусьский этап (конец III–начало II тыс. до н. э.; Косарев 1987: 265), из самого названия которого следует то, что он предшествует собственно самусьской культуре. Однако в материале Новокусовской стоянки имеются и свидетельства принадлежности к позднему этапу самусьской культуры: «... плоскодонная керамика и ... тенденции к укорачиванию каменных наконечников стрел» (Косарев 1974: 55), то есть по крайней мере к середине II тыс. до н. э. Что касается двух других памятников, то они представляют логиновский вариант самусьской культурной общности и относятся к концу самусьско-сейминского хронологического пласта (Косарев 1987: 272–274).

Эти хронологические выводы М. Ф. Косарева не противоречат выявленным Г. Н. Курочкиным (1983) связям материалов поселения Кадаг-6 и окуневских памятников Минусинской котловины и Тувы. Керамика Шарыпово VI, находящая аналогии в материалах самусьской культуры Западной Сибири, с одной стороны, и в керамике Кадаг-6 – с другой, возможно, отражает двустороннее культурное взаимодействие. Тем самым подтверждается роль Назаровской котловины как пограничного рубежа и связующего коридора между археологическими культурами Западной Сибири и Минусинской котловины в эпоху ранней бронзы. Близкое сходство комплекса керамики Шарыпово VI с материалами поздних самусьских памятников служит дополнительным аргументом в гипотезе о направлении культурной диффузии из Западной Сибири на юго-восток.

Необходимо отметить также, что в периодизации М. Ф. Косарева (1987) самусьско-сейминская эпоха интерпретирована как развитый бронзовый век. Вместе с тем афанасьевская культура Минусинской котловины традиционно относится к эпохе энеолита, а окуневская культура, частично синхронная афанасьевской на позднем этапе и следующей за ней, относится к раннему бронзовому веку. Возможно, в этом противоречии отражается и имевшая место реальная картина этнокультурных процессов, направление культурной диффузии с запада на восток.

Валецкая 1986 – Валецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
Косарев 1974 – Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.

Косарев 1987 – Косарев М. Ф. Первый период бронзового века Западной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.

Красиенко, Субботин 2006 – Красиенко С. В., Субботин А. В. Памятники окуневской культуры в Назаровской котловине. СПб., 2006 (в печати).

Курочкин 1983 – Курочкин Г. Н. Поселение эпохи ранней бронзы на Кадагском возвышении // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 56–58.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТЕПНЫХ ОБЩЕСТВ И ДРЕВНЕГОРОДСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ БАКТРИИ И МАРГИАНЫ ВО II тыс. до н. э.

В. М. МАССОН

В ходе разведочных работ 1955–1956 гг. в древней дельте Мургаба была найдена группа поселений, содержащих культуру, названную мургабским вариантом Намазга VI. При публикации материалов исследований (Массон 1959) было высказано предположение о переходе создателей культуры эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана после кризиса земельной системы в дельту Мургаба. Однако основное внимание и в археологических исследованиях и в публикации было уделено комплексу Яз-депе I раннежелезного века, относящемуся к первой трети I тыс. до н. э. и характеризующему культуру древнеиранских племен времени Авесты и Заратуштры.

В ходе дальнейших археологических работ второй половины XX–начала XXI в. были открыты две новые цивилизации эпохи бронзы, которые вслед за античными географами можно именовать цивилизациями Маргианы и Бактрии. Расположенные в низовьях Мургаба и по среднему течению Амударьи, они охватывают земли современных Туркменистана, Афганистана и Узбекистана. Своим происхождением эти цивилизации обязаны племенам подгорной полосы Копетдага, оставившим такие памятники, как Намазга-депе и Алтын-депе, керамика которых типа Намазга V является генетической предтечей двух цивилизаций. Основные формы изящных неорнаментированных глиняных сосудов повторяются в изделиях двух регионов и имеют мало общего с другими комплексами Северного Ирана и Южного Афганистана. Судя по всему, ксеротермический максимум вынудил жителей южнотуркменистанских протогородов III тыс. до н. э. искать новые земли, где были созданы новые цивилизации, расцвет которых в основном падает на II тыс. до н. э. (Массон 2005).

Новые культуры занимали огромную территорию, которая делилась на оазисы из 5–8 поселков. Главным центром Маргианы, где работы были проведены особенно тщательно, было городище Гонур площадью, как и Алтын-депе, около 25 га. Широко представлены небольшие городки площадью в 5–10 га с квадратными укрепленными центрами (размерами примерно 30 × 30 м), имевшими двойные стены и зачастую сложную внутреннюю планировку (рис. 1: 1, 3). На Гонуре выявлено самое крупное архитектурное сооружение этого плана, занимавшее площадь 130 × 125–140 м (рис. 2), определяемое В. И. Сарияниди как резиденция правителя. Повторяемость квадратных планов строний делает их характерной чертой данных цивилизаций и не находят у соседей прямых параллелей. Квадратные очертания присущи вновь построенным центрам Хараппы, однако это были крупные города. Возможно, квадратный план имело и хараппское поселение Шортугай, найденное в Бактрии. На более раннем Алтын-депе крупные богатые дома представляли собой в плане простые прямоугольники со стандартным архитектурным модулем соотношения сторон.

Другой характерной чертой новых культур было наличие монументальных построек, явно вписывающихся в число храмов. Храмовые комплексы Гонура (рис. 1: 2) и Тоголока 21 в Маргиане, а также Джаркутана в Бактрии занимали почти гектар площади, а внутри них найдены специальные хранилища золы из священных очагов.

Рис. 1. Квадратные укрепленные центры: 1 – Коллели 4, Маргиана; 2 – храм в теменосе Гонура, Маргиана; 3 – Сапалли, Северная Бактрия; 4 – Дашлы 3, Южная Бактрия

Существенным признаком новых цивилизаций являются погребения в специальных сооружениях, близких подбойным могилам поздних эпох. Они сменяют коллективные погребения в сырцовых камерах более раннего времени, содержавшие захоронения одной или нескольких семей. Правда, индивидуальные могилы знати появляются уже на Алтын-депе. Среди погребений выделяются более богатые, составляющие в могильнике Гонура до 5 % и в свою очередь разделяющиеся по ряду признаков на две группы. Помимо сосудов (до 40 в одном погребении) они содержат различные украшения, бронзовые или медные флаконы и предметы, изделия, выточенные из слоновой кости. Нередки в богатых могилах и печати разного вида. Наиболее сенсационны открытые на Гонуре многокамерные погребальные сооружения (так называемые дома мертвых) с весьма богатым инвентарем, включавшим золотые и серебряные изделия и сосуды, хотя все такие захоронения и были частично ограблены. Общее богатство инвентаря и наличие особых черт в виде деревянных четырехколесных повозок и туш верблюдов и лошади указывает, что перед нами погребения, принадлежавшие суперэлитарной части жителей. Однако сам обряд последо-

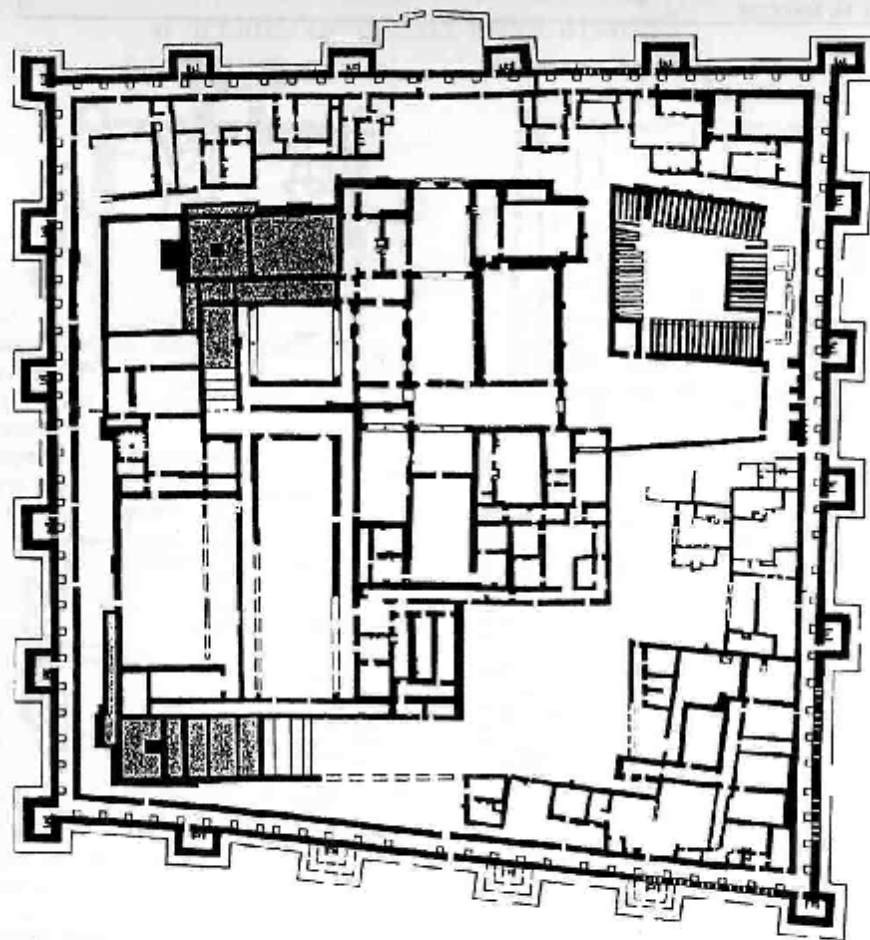

Рис. 2. Резиденция правителя, Гонур, Маргиана

в сторону, порой безжалостно перемешивая останки. Таким образом среди погребений на Гонуре помимо основной массы захоронений представлены могилы элитарной и суперэлитарной групп, отличающиеся особым богатством, что, как и храмы с хранилищами золы, было новой чертой данных цивилизаций.

Для цивилизаций Бактрии и Маргианы характерны тесные связи с цивилизациями Месопотамии, Элама и долины Инда. Развитию этих связей могла способствовать активизация торговли лазуритом, пришедшая на время расцвета харашпской цивилизации. Видимо, этим объясняются многочисленные импорты. Вместе с тем последние весьма своеобразны. По образцу месопотамских цилиндрических печатей население Бактрии и Маргианы изготовляло свои изделия, но все они лишены каких бы то ни было признаков надписей. Традиционные печати с ушком Алтына и Намазги постепенно заменялись подквадратными печатями с горизонтально просверленным отверстием для подвешивания. Однако эти печати также не имели никаких следов надписей. Древние цивилизации Бактрии и Маргианы с развитым земледелием, крупными населенными пунктами и мону-

ментальными храмами с богатым инвентарем оставались внеписьменными образованиями. Следует подчеркнуть, что на глиптике Бактрии и Маргианы в целом отсутствуют светские сюжеты, а преобладает религиозная тематика.

В то же время важнейшим событием II тыс. до н. э. был постоянный и все усиливающийся контакт с обширным миром степной зоны, чьи подвижные племена, продвигаясь в Центральную Азию, входят в состав местного населения или заменяют его. Исследования этой проблемы связаны с изучением огромного материала культур степных племен, обнаруженного в Центральной Азии, который был подробно рассмотрен в двух книгах, написанных еще в конце 80-х–начале 90-х гг. XX в. (Пьянкова 1989; Аванесова 1991). В последние годы количество его заметно увеличилось (Пьянкова 1999; Аванесова 2003). Некоторый общий обзор предложил и автор этих строк (Массон 1999). Он рассмотрел материалы Бактрии из хорошо изученной археологами Таджикистана северной правобережной амударьинской зоны.

Плохо сохраняющиеся памятники древних скотоводов, расположенные в зоне активных современных сельскохозяйственных работ, тем не менее выявлены в значительном количестве. Наиболее ранние памятники сконцентрированы в верхнем течении р. Зеравшан в районе согдийского центра Пенджикент. Таково прежде всего замечательное погребение Зардчхалифа. Оно содержало два набора типичных синташтинских псалей, пять сосудов типа Сапалли, не считая ряда других вещей, включая булавку с фигурой коня. Это, судя по сосудам типа Сапалли, раннее погребение XVIII–XVII вв. до н. э. расположено на левом берегу реки. На правом берегу было открыто поселение Тугай, датированное второй четвертью II тыс. до н. э. и содержавшее, наряду с типичной для степной зоны посудой, явные следы работы с металлом.

Археологические материалы Юго-Западного Таджикистана, соответствующего Северной Бактрии, доставили новую информацию. Здесь учтено около 45 памятников степной бронзы, материальная культура населения которых показывает тесные связи с культурой бактрийской цивилизации долины р. Сурхандарья. Их взаимодействие является ярким образцом культурных взаимовлияний. Весьма показательны в этом отношении памятники вахшской культуры. Могильники здесь имеют типичный степной облик с курганными насыпями и каменными обкладками. Но сам инвентарь погребений двойного типа: лепные горшки сосуществуют с прекрасной гончарной посудой, следующей облику керамики оседлых соседей. Обратный характер связей выступит в таком памятнике бактрийской цивилизации, как могильник Бустон (Аванесова 1995). Здесь представлены погребения в традиционных для оседлых районов катакомбах, но в сопровождающем инвентаре и, особенно, в многочисленных дополнительных постройках, включая terra-cotta гробики, введен культ огня, типичный для мира степных племен. Равным образом в погребениях оседлых культур представлены уже антропологические типы северного облика, а среди костей домашних животных третье место после крупного и мелкого рогатого скота занимает домашняя лошадь. Здесь налицо яркие признаки явления так называемой встречной ассимиляции, характеризующей взаимодействие различных культурогенетических принципов, свойственных для многих культур Центральной Азии. Оседлое население постепенно переходило к новому языку своих соседей, а те активно заимствовали высококачественные достижения покоренных горожан. Во второй половине II тыс. до н. э. эти явления в Юго-Западном Таджикистане бесспорны, а их глубинные истоки явно уходят в значительную древность. Судя по многочисленным находкам степных сосудов на ряде памятников бишкекской культуры к югу

от Амударьи, этот процесс в равной мере был характерен и для Южной Бактрии в целом. Недаром круглое сооружение храма Южной Бактрии на городище Дашлы 3 многими исследователями сопоставляется с круглопланными крепостями приуральских степняков. Шло активное взаимодействие культур и народов.

Судя по всему, аналогичные процессы происходили в соседней Маргиане, хотя здесь налицо определенные трудности, в частности из-за недоработки археологической периодизации и ее хронологии. В самой Маргиане первые находки степных черепков были отмечены еще в 50-х гг. XX в. (Массон 1959). Помимо Маргианы определенный интерес представляют памятники подгорной полосы Копстдага. Здесь надо прежде всего отметить Теккем-депе, расположенный неподалеку от базового памятника подгорной полосы Намазга-депе, до сих пор являющегося опорным пунктом всей южнотуркменской периодизации. На уровне верхних слоев Теккем-депе обнаружено большое число сосудов степного типа, а также изделия из бронзы (Щетско 1999; Кутимов 1999). По мнению В. С. Бочкарева, все они относятся к типу ранней валяковой керамики, вполне лежащейся в середине II тыс. до н. э., скорее всего, к рубежу XVI–XV вв. до н. э. Материал настолько многочислен, что поневоле возникает вопрос, не были ли это остатки целого поселения, которое располагалось поблизости от базового центра древней цивилизации, рядом с небольшим поселком на Намазга-депе (комплекс Намазга VI).

Многочисленные данные имеются и в Маргиане, хотя исследование памятников еще далеко не завершено. Материалы, изданные В. М. Массоном и В. И. Сариниди (Массон 1959; Сариниди 1975), происходят из нескольких поселений, вытянутых вдоль восточного рубежа прамургабской дельты. Это поселения Аучин под разными померами и Тахирбай 3. Все это бесспорно поздние степные материалы второй половины II тыс. до н. э. Более того, нахождение керамики степного типа в глубине культурных слоев собственно мургабской оседлой культуры, как это было выявлено при раскопках в Тахирбай 3, свидетельствует, что перед нами сосуществующие памятники. В полной мере такая картина проявилась на поселении с аналогичной керамикой, расположенном всего в 25 км от столичного Гонура.

Определенный материал содержится и в самой столице Маргианы – древнем Гонуре. Здесь можно указать на два факта. Первый – это находка сосуда степного типа, выставленного в одной из комнат темепоса Гонура. В. И. Сариниди вполне обоснованно допускает его происхождение от людей, уже проживающих в самом городе (Сариниди 2002: 192). Отмечается, что эти материалы предшествуют поздним наслоениям памятника, относящимся ориентировочно к 1700–1600 гг. до н. э. (Сариниди 2005: 193). Видимо, к столь же раннему этапу, ориентировочно первой трети II тыс. до н. э., можно отнести и группу погребений из огромного могильника древнего города. Это типичные местные могилы с характерными подбоями, в них, однако, налицо некоторые особые признаки. В могилах встречены подсыпки из углей и в верхней части обнаружены остатки небольших костров. Эти признаки неизвестны в блоке ранних культур юга, но находят прямые аналогии в могилах северных скотоводов.

В этой связи весьма характерно наличие внутри монументальных храмов целого ряда сооружений, служивших для хранения священной золы (Гонур, Тоголок 21, Джаркутан). В. И. Сариниди отмечает даже остатки обугленных горных трав. По облику это типичный предтеча хранилищ священной золы, которые спустя почти два тысячелетия широко представлены в комплексах Бактрии, Согда и Хорезма как часть ритуала священного поклонения огню. Аналогии в ближне-

восточных памятниках культового характера неизвестны. Не исключено, что поклонение священному очагу – традиционное для оседлых южных культур – в данном случае соединилось с культом огня, характерным для мира степняков, и дало своеобразный симбиоз двух традиций. Это один из ярких примеров сближения последних. Оседавшие скотоводы, включаясь в число жителей городов, воспринимали их богатую материальную культуру и даже погребальные обряды. Однако они привнесли ряд своих элементов, в частности распространение в жреческой среде культа огня.

Во всяком случае постепенное проникновение в дельту Мургаба первых степных канонов не вызывает сомнений. Вполне вероятен и процесс адаптации местного населения к новым порядкам.

Взаимодействия степных обществ и древневосточных цивилизаций Бактрии и Маргианы поднимают еще один важный вопрос. Если смотреть на весь блок древневосточных цивилизаций в широком плане от Малой Азии до Индостана, то Бактрия и Маргиана по существу образуют крайнюю северо-восточную границу. За их пределами начинается новый культурный мир. Возможно, именно географическим положением на краю ойкумены объясняется такая яркая черта этих двух центральноазиатских цивилизаций, как укрепленные квадратные сооружения, охваченные двойными стенами с внутренним коридором. Этот тип укреплений повторяется повсеместно и характерен как для жилых комплексов элитарных групп, так и для храмовых комплексов. Таким образом во II тыс. до н. э. целая цепочка укрепленных центров протянулась вдоль крайних рубежей древних цивилизаций.

Естественная граница между раннеземледельческими поселениями Южного Туркменистана на стыке с культурами неолитических охотников и собирателей типа кельтминарского неолитического общества не требовала особых укреплений. К концу III–началу II тыс. до н. э., ко времени возникновения цивилизаций Бактрии и Маргианы положение в корне меняется. Речь идет о появлении более подвижных племен скотоводческого типа. Большое значение имеет и возможность раннего появления носителей культуры Синташта на границах с оседлым миром.

У южных пределов степной зоны в низовьях Зеравшана известен великолепный памятник – поселение Заман-баба, содержащий южные материалы конца III–начала II тыс. до н. э. (1 улямов и др. 1966). Бесспорно, обогащенный проходящими через него связями древневосточных цивилизаций и Саразма, он представляет собою богатое общество безлошадных скотоводов-земледельцев, вооруженных степными образцами кремневых стрел. Заман-бабинские племена, будучи территориальными соседями древней Маргианы, вполне могли составлять, вместе с древними синташтинцами, существенную угрозу, требовавшую особой обороны. В дальнейшем постоянный приток выходцев из далекого севера, пусть даже и вступавших в тесные связи с носителями культуры Бактрии и Маргианы, естественно требовал внимания. Это стало определенной предпосылкой появления в Бактрии и Маргиане укрепленных центров, незливая на то, кто становился их обитателями. При этом надо отметить, что суперлидеры, судя по материалам захоронений с тяжелыми двухосными повозками, запряженными верблюдами, длительное время оставались главами местного, хотя и перестраивающегося, общества.

Аванесова 1991 – Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

Аванесова 1995 – Аванесова Н. А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // АВ. 1995. № 4. С. 63–72.

- Аванесова 2003 – *Аванесова Н. А.* Степной пласт исторической Бактрии // Центральная Азия: Источники, история, культура. М., 2003. С. 3–6.
- Гулямов и др. 1966 – *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Кутимов 1999 – *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 314–322.
- Массон 1959 – *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959.
- Массон 1999 – *Массон В. М.* Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 265–285.
- Массон 2005 – *Массон В. М.* Формирование и расцвет цивилизаций древневосточного типа Бактрии и Маргианы во II тыс. до н. э. // Священная Рухнама и взаимное влияние культур и цивилизаций в третьем тысячелетии. Ашгабат, 2005. С. 477–478.
- Пьянкова 1989 – *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе, 1989.
- Пьянкова 1999 – *Пьянкова Л. Т.* Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 286–297.
- Сарнианиди 1975 – *Сарнианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // *СА*. 1975. № 2. С. 20–29.
- Сарнианиди 2002 – *Сарнианиди В. И.* Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.
- Сарнианиди 2005 – *Сарнианиди В. И.* Гопур, Туркменистан. Город царей и богов. Ашгабат, 2005.
- Щетенко 1999 – *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намаз-депе) // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 323–335.

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА АРХАИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО I НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

Артющенко I (Бугазское) является одним из крупных античных поселений в окрестностях Тамани (древняя Гермонасса). Оно расположено на обрывистом берегу Черного моря недалеко от современного хутора Артющенко. Боспорская экспедиция ИИМК РАН начала здесь систематические исследования в 1998 г. и продолжает их вплоть до настоящего времени. Одним из важных результатов этих исследований стало открытие археологических комплексов, относящихся ко времени архаики, более точно – к последней трети VI–первой четверти V в. до н. э. (Виноградов 2001: 18–19; 2002: 61 сл.). К обозначенному хронологическому отрезку принадлежат котлованы пяти строительных комплексов типа полуземлянок (III, V, VI, XI, XII), серия ям (№ 3, 4, 8–10, 24, 34, 38–40) и некоторые другие менее выразительные объекты. Несмотря на сравнительную немногочисленность архаических комплексов, они безусловно имеют значение для изучения особенностей развития греческой колонизации на азиатской стороне Боспора Киммерийского, освоения гречками сельскохозяйственных территорий района, организации связей с туземными племенами и т. д. Следует подчеркнуть и то, что археологические исследования на древних сельских поселениях Таманского полуострова осуществляются в явно недостаточной степени, и любые полученные здесь научные результаты заслуживают специального внимания. Один из таких результатов, полученных при раскопках Артющенко I, сводится к тому, что обозначенные выше комплексы не дают оснований считать, что этот памятник во время архаики был стационарным земледельческим поселением, на котором жизнь осуществлялась, так сказать, постоянно. Многие детали, зафиксированные при полевых исследованиях, позволяют достаточно уверенно утверждать, что поселение было временным, сезонным; земледельцы приходили сюда только на время проведения сельскохозяйственных работ, после чего уходили.

Одним из важнейших источников для понимания своеобразия культурного облика античных поселений региона, особенностей этнического состава его жителей и пр. являются материалы лепной керамики. Такая керамика, как известно, изготавливалась без использования гончарного круга в традициях местного варварского населения. Почти нет сомнения, что на античные поселения она попадала не в результате торговых операций или чего-либо подобного, а ее приносили или изготавливали на месте выходцы из племенной среды. Эти выходцы, вероятнее всего, входили в состав населения поселений, на различных исторических этапах составляя более или менее заметную его часть.

Уже первое открытие архаических комплексов на Артющенко I в 1999 г. вызвало определенное недоумение, поскольку количество лепной керамики в общем керамическом комплексе без учета амфорных материалов составило здесь необычно высокую долю – целых 51 % (Виноградов 2002: 64). По поводу этих расчетов необходимо сделать некоторые пояснения. Дело в том, что среди специалистов по античной археологии существует вполне оправданный, на мой взгляд, подход к изучению керамических находок, происходящих из культурных слоев, заполнения ям и т. д.: в керамический комплекс включаются обломки

- Аванесова 2003 – *Аванесова Н. А.* Степной пласт исторической Бактрии // Центральная Азия: Источники, история, культура. М., 2003. С. 3–6.
- Гулямов и др. 1966 – *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Кутимов 1999 – *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 314–322.
- Массон 1959 – *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959.
- Массон 1999 – *Массон В. М.* Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 265–285.
- Массон 2005 – *Массон В. М.* Формирование и расцвет цивилизаций древневосточного типа Бактрии и Маргианы во II тыс. до н. э. // Священная Рухнама и взаимное влияние культур и цивилизаций в третьем тысячелетии. Ашгабат, 2005. С. 477–478.
- Пьянкова 1989 – *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе, 1989.
- Пьянкова 1999 – *Пьянкова Л. Т.* Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 286–297.
- Сарнианиди 1975 – *Сарнианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // *СА*. 1975. № 2. С. 20–29.
- Сарнианиди 2002 – *Сарнианиди В. И.* Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.
- Сарнианиди 2005 – *Сарнианиди В. И.* Гопур, Туркменистан. Город царей и богов. Ашгабат, 2005.
- Щетинко 1999 – *Щетинко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намаз-депе) // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 323–335.

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА АРХАИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО I НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

Артющенко I (Бугазское) является одним из крупных античных поселений в окрестностях Тамани (древняя Гермонасса). Оно расположено на обрывистом берегу Черного моря недалеко от современного хутора Артющенко. Боспорская экспедиция ИИМК РАН начала здесь систематические исследования в 1998 г. и продолжает их вплоть до настоящего времени. Одним из важных результатов этих исследований стало открытие археологических комплексов, относящихся ко времени архаики, более точно – к последней трети VI–первой четверти V в. до н. э. (Виноградов 2001: 18–19; 2002: 61 сл.). К обозначенному хронологическому отрезку принадлежат котлованы пяти строительных комплексов типа полуземлянок (III, V, VI, XI, XII), серия ям (№ 3, 4, 8–10, 24, 34, 38–40) и некоторые другие менее выразительные объекты. Несмотря на сравнительную немногочисленность архаических комплексов, они безусловно имеют значение для изучения особенностей развития греческой колонизации на азиатской стороне Боспора Киммерийского, освоения греками сельскохозяйственных территорий района, организации связей с туземными племенами и т. д. Следует подчеркнуть и то, что археологические исследования на древних сельских поселениях Таманского полуострова осуществляются в явно недостаточной степени, и любые полученные здесь научные результаты заслуживают специального внимания. Один из таких результатов, полученных при раскопках Артющенко I, сводится к тому, что обозначенные выше комплексы не дают оснований считать, что этот памятник во время архаики был стационарным земледельческим поселением, на котором жизнь осуществлялась, так сказать, постоянно. Многие детали, зафиксированные при полевых исследованиях, позволяют достаточно уверенно утверждать, что поселение было временным, сезонным: земледельцы приходили сюда только на время проведения сельскохозяйственных работ, после чего уходили.

Одним из важнейших источников для понимания своеобразия культурного облика античных поселений региона, особенностей этнического состава его жителей и пр. являются материалы лепной керамики. Такая керамика, как известно, изготавливалась без использования гончарного круга в традициях местного варварского населения. Почти нет сомнения, что на античные поселения она попадала не в результате торговых операций или чего-либо подобного, а ее приносили или изготавливали на месте выходцы из племенной среды. Эти выходцы, вероятнее всего, входили в состав населения поселенной, на различных исторических этапах составляя более или менее заметную его часть.

Уже первое открытие архаических комплексов на Артющенко I в 1999 г. вызвало определенное недоумение, поскольку количество лепной керамики в общем керамическом комплексе без учета амфорных материалов составило здесь необычно высокую долю – целых 51 % (Виноградов 2002: 64). По поводу этих расчетов необходимо сделать некоторые пояснения. Дело в том, что среди специалистов по античной археологии существует вполне оправданный, на мой взгляд, подход к изучению керамических находок, происходящих из культурных слоев, заполнения ям и т. д.: в керамический комплекс включаются обломки

столовой (простой и парадной), кухонной и толстостенной посуды. Иными словами, керамическим комплексом импелуется лишь посуда, находившаяся в повседневном обиходе обитателей поселения. Материалы амфорной тары, в которой привозилось вино или оливковое масло, из него исключаются, хотя обычно они доминируют на всех античных памятниках. Лепная керамика – это особая и, как уже частично говорилось, очень важная составляющая керамического комплекса. Ее необычно большое количество на Артющенко I оказалось не случайностью, а, как будет сказано ниже, устойчивой закономерностью.

При изучении всех открытых к настоящему времени археологических комплексов времени архаики на памятнике было найдено 2175 фрагментов различных керамических сосудов (количество целых форм крайне незначительно), из которых 65 % приходится на материалы амфорной тары. Без их учета керамический комплекс состоит из 765 фрагментов, среди которых на лепную посуду приходится около 49 %, то есть по существу почти каждый второй черепок этого комплекса принадлежит посуде варварских типов. Сразу следует подчеркнуть, что это очень высокий процент. Для сравнения можно указать на результаты изучения поселения Вышестеблиевская-11, расположенного на Таманском полуострове сравнительно недалеко от Артющенко I. На нем в ямах, засыпанных в третьей или начале последней четверти V в. до н. э., лепная керамика составляет не более 30 % (Рогов, Кашаев, Форпазир 2005: 193). Эти ямы, однако, являются более поздними, чем комплексы нашего памятника, и, как можно полагать, набор керамики, открытый при их изучении, отражает определенную стадию эллинизации местного населения, активно протекавшей на азиатской стороне Босфора в V в. до н. э. Одним из результатов эллинизации, как представляется, было уменьшение доли лепной посуды в быту варваров, вытеснение ее гончарной греческой посудой.

Процент лепной керамики на греческих памятниках Северного Причерноморья, в общем, еще значительно меньше. На Березани архаического времени он не превышает 10–13 % (Марченко 1988: 52, табл. 3), а в Ольвии составляет всего 2–3 % (Марченко 1988: 36, табл. 1). На Боспоре подобные подсчеты как будто мало интересуют исследователей, во всяком случае, публикации по этому вопросу очень редки.¹ Правда, в отношении одного из боспорских «малых» городов – Мирмекии – была получена весьма неожиданная картина. В частности, в высшей степени любопытна выявленная здесь динамика количественных изменений набора лепной керамики в период архаики. В мирмекийских ямах, датирующихся второй четвертью VI в. до н. э., то есть временем, очень близким к моменту основания поселения (Vinogradov 1999: 288), доля лепной посуды в керамическом комплексе составляет около 14 %. Наибольшее количество керамики местных типов, целых 54 %, открыто здесь в ямах середины VI в. до н. э. (Бутягин 1998: 83). Следует оговориться, однако, что в полумезьянке, относящейся приблизительно к этому времени, ее меньше – около 24 % (Виноградов 1991: 13). К концу VI в. до н. э. эта цифра уменьшается, составляя не более 15 % (Виногра-

¹ В отношении Фанагории А. А. Завойкин и В. Д. Кузнецов в устной форме отметили, что в ее архаических напластованиях лепная керамика практически отсутствует. Выражаю этим уважаемым археологам огромную благодарность за предоставленную информацию, заслуживающую самого серьезного внимания. Объяснение отмеченного «парадокса», возможно, кроется в том, что Фанагория была основана греками, бежавшими от нашествия персов (Ant. Rith. fr. 55; см. Кузнецов 2001: 227–235). В таком случае можно допустить, что на берега Боспора прибыла сравнительно крупная, единая по происхождению группа колонистов. По-видимому, у них просто не было особой необходимости в контактах с туземными племенами для того, чтобы поддержать необходимый уровень народонаселения нового полиса (см. ниже).

дов 1992: 102), в первой четверти V в. до н. э. уменьшение продолжается, и доля лепной керамики уже не достигает 10 % (Бутягин 1998: 85).

Чем можно объяснить такую любопытную динамику изменений? Объяснение, как представляется, лежит в плоскости своеобразия греко-варварских взаимоотношений на раннем этапе развития колонизационного процесса. Очень может быть, что цифра, близкая к последней из приведенных, то есть 10 % лепной посуды в керамическом комплексе, является типичной, так сказать, для нормального развития взаимодействий греков с местным населением. В результате таких взаимодействий, конечно, происходило вовлечение в состав населения апойкий выходцев из местной среды. Вместе с тем цифра 54 % для середины VI в. до н. э. безусловно является «ненормальной», свидетельствующей о каком-то значительном всплеске варварского проникновения в Мирмекию. Но и эта цифра может найти свое объяснение.

Нельзя ставить под сомнение устоявшуюся точку зрения, что выходцы из варварской среды составляли в греческих полисах слой зависимого, неполноправного населения, являлись рабами т. п. Особый случай такого проникновения связан с туземными женщинами (Morel 1983: 134; Napfen 2000: 143). Дело в том, что имеются веские основания полагать, что в колонизационном движении участвовали прежде всего молодые неженатые мужчины, вынужденные искать себе невест на новых местах проживания в среде соседних варварских племен. Таким образом, можно высказать предположение, что первые колонисты, основавшие Мирмекию во второй четверти VI в. до н. э., к середине столетия вполне обжились на новом месте, но жен для себя могли найти только среди туземного населения. Скорее всего, именно варварские жены первых колонистов принесли с собой традицию изготовления и использования лепной посуды знакомых им типов. В высшей степени показательным, что ее количество, после столь очевидного всплеска, заметно уменьшилось лишь тогда, когда повзрослели внуки первопереселенцев. Мирмекийские материалы, на мой взгляд, вполне подтверждают точку зрения некоторых исследователей на одну из особенностей развития весьма далекой от Боспора западной (западносредиземноморской) линии греческой колонизации. При раскопках греческих колоний там тоже находят керамику, характерную для местных туземных племен. Ее наличие объясняется многими факторами, в том числе и присутствием варваров в составе населения колониальных полисов, при этом подчеркивается, что смешанные браки были в Западном Средиземноморье одним из основных механизмов греко-варварской интеграции (Morel 1983: 135).

На поселении Артющенко I динамики, подобной мирмекийской, не прослеживается, количество лепной керамики здесь стабильно большое, вариативность ее количества в различных археологических комплексах не превышает нескольких процентов. Приведенные наблюдения позволяют еще раз поддержать высказанное ранее предположение, что на этом памятнике в интересующее нас время в основном проживали выходцы из местных племен (Виноградов 2002: 65).

Но откуда они сюда приходили? На этот вопрос помогает ответить анализ типологического состава набора лепной посуды и сравнение его с синхронными или близкими по времени памятниками, открытыми на территориях расселения варварских племен. Сразу можно отметить, что набор форм в комплексе лепной керамики, открытой на Артющенко I, весьма беден. В их составе представлены лишь горшки и миски. Горшки изготовлены из грубого теста, чаще всего черно-

го цвета, среди примесей наиболее обычны толстая ракушка и шамот. В плане типологическом их можно разделить на два основных типа – сосуды с невыделенным горлом и непрофилированным венцом (рис. 1, 1–10) и несколько менее многочисленные сосуды с выделенным горлом и отогнутым наружу венцом (рис. 2, 1, 2, 4, 5).

Первый, самый многочисленный тип горшка, как правило, имеет более или менее выраженный наклон стенок внутрь сосуда (рис. 1, 2–7, 8, 11), но стенки могут быть практически вертикальными (рис. 1, 10) или даже несколько отогнутыми наружу (рис. 1, 9). Почти все сосуды отличаются довольно крупными размерами, хотя изредка встречаются и почти миниатюрные формы (рис. 1, 7, 9). Орнаментация крайне редка; лишь на одном фрагменте имеются крупные пальцевые вдавления под краем (рис. 1, 1), а на другом – вертикальные линии, прореченные по сырой глине (рис. 1, 2). На одном горшке имеются две сверлины, предназначенные для ремонта треснувшего сосуда (рис. 1, 8).

Этот тип горшков имеет хорошие аналогии на памятниках меотских племен Прикубанья. В основном такие горшки происходят из грунтовых и курганных некрополей, поскольку именно некрополи изучались и продолжают изучаться здесь в первую очередь (Анфимов 1951: 165, рис. 3, 7; Смирнов 1958: 279, рис. 5, 21, 22; Лимберис, Марченко 2001: 86, рис. 6, 13; 88, рис. 8, 4; 90, рис. 10, 6; 95, рис. 15, 3 и др.). Естественно, они известны и на немногих поселениях, подвергавшихся археологическим раскопкам в Прикубанье и на Тамани (Беглова 1991: 59, рис. 3, 16, 21; Рогов, Кашаев, Форназир 2005: 196, рис. 17, 2). В общем, этот тип горшка вполне можно назвать «меотским», поскольку в Северном Причерноморье в скифскую эпоху он почти не встречается. Его незначительное присутствие в комплексе лепной керамики Елизаветовского городища на Нижнем Дону вряд ли должно нас удивлять (Марченко 1972: 125, рис. 2, 6; 130; Марченко, Житников, Копылов 2000: 146, табл. 30, рис. 59, 8, табл. 31, рис. 60, 6). Такую примесь можно легко объяснить территориальной близостью районов Подонья и Прикубанья, проникновением в донскую дельту некоторого количества выходцев из состава меотских племен.

Второй тип горшков, как уже говорилось, отличается выделенное горло и отогнутый наружу венец (рис. 2, 1, 2, 4, 5). Как и в первом типе, сосуды в основном имеют довольно крупные размеры, миниатюрные формы очень редки (рис. 2, 2). Так же редко встречаются орнаментированные образцы; лишь в одной яме (№ 40) почти все находки венцов имели украшение в виде вдавления по краю (рис. 2, 1).

Этот тип горшков можно сопоставить с типом I лепной керамики Березани и Ольвии по классификации К. К. Марченко (Марченко 1988: 71 сл.). Он представлен на очень широких территориях лесостепного и степного Северного Причерноморья, а также в Прикубанье и на Тамани (Анфимов 1951: 163, рис. 2, 1, 2, 9; 165, рис. 3, 1; Беглова 1991: 59, рис. 3, 1–8; Лимберис, Марченко 2001: 96, рис. 16, 5; 100, рис. 20, 7; 102, рис. 22, 7; Рогов, Кашаев, Форназир 2005: 196, рис. 17, 4, 5, 8, 9; и др.). В принципе такие горшки условно можно назвать «скифскими», но связывать их наличие на памятниках сельскохозяйственного населения Прикубанья со скифским этносом было бы в высшей степени рискованно. Вполне очевидно, на мой взгляд, что в скифское время такие горшки могли изготавливаться и использоваться у самых различных варварских народов региона.

В собрании сравнительно крупных керамических форм, происходящих с Артощенко I, один фрагмент отличается наличием неширокого горизонтального валика

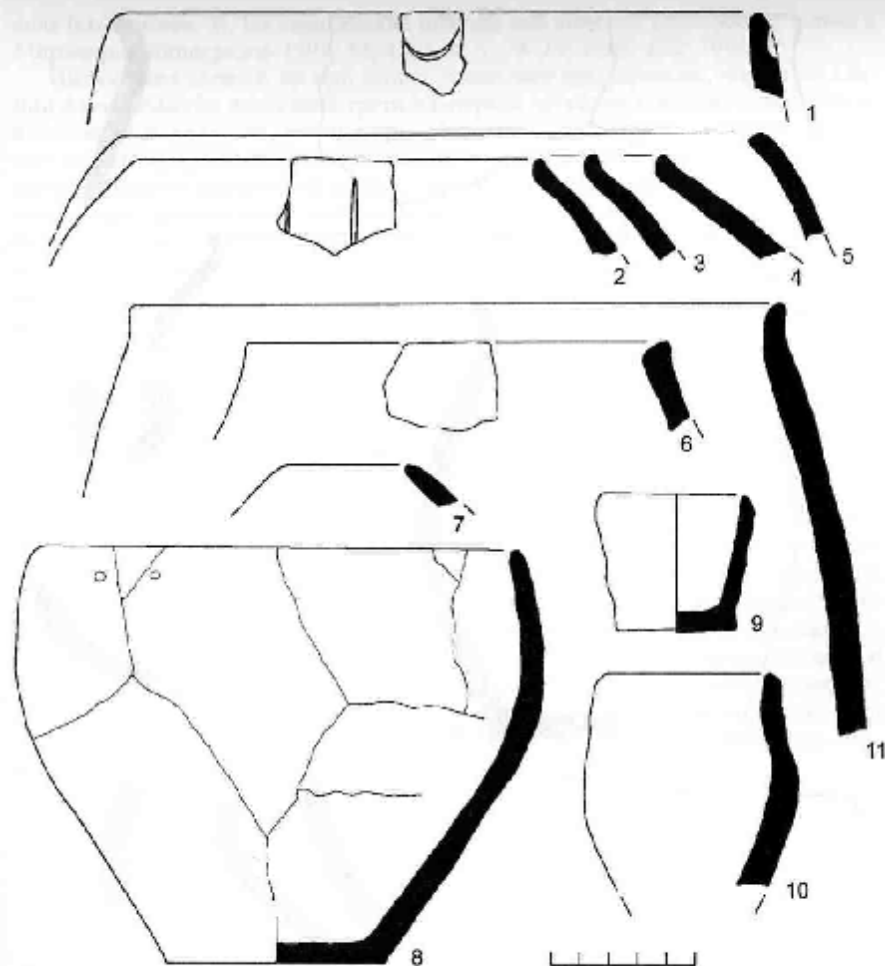

Рис. 1. Лепная керамика архаического времени с поселения Артощенко I (1–11)

вдоль края с наружной стороны (рис. 2, 3). Подобные широко открытые лепные сосуды с венчиком в виде «воротничка» встречаются только на меотских памятниках (Лимберис, Марченко 2001: 35, 85, рис. 5, 3; 114, рис. 34, 4).

Лепные миски на поселении очень немногочисленны, в сравнении с горшками они отличаются лучшим качеством керамического теста и хорошим серым лощением (рис. 2, 7–9). Как правило, их край имеет характерное оформление в виде горизонтального или наклонного среза (рис. 2, 7, 9). Вновь приходится указать на их близость мискам, бытовавшим в среде прикубанских земледельческих племен. Края мисок там обычно оформлялись в виде среза, чаще расположенного под некоторым углом, однако и горизонтальные срезы тоже имеются (Лимберис, Марченко 2001: 83, рис. 3, 5; 90, рис. 10, 7; 91, рис. 11, 4; 97, рис. 17, 7, 8).

Приведенный круг сопоставлений почти не оставляет сомнений в том, что набор лепной керамики поселения Артощенко I очень схож, можно сказать,

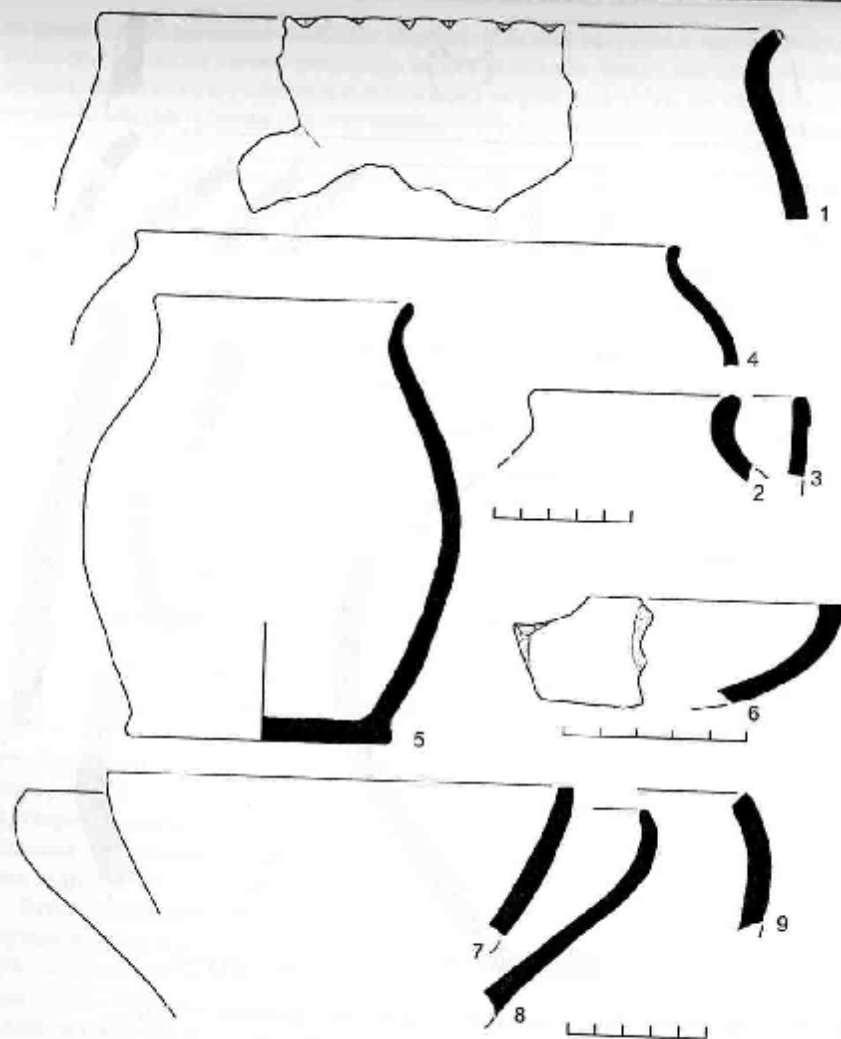

Рис. 2. Лепная керамика архаического времени с поселения Артыушенко I (1–9)

почти идентичен посуде земледельческих племен Прикубанья. Различие заключается в сравнительной бедности типологического состава описанной выборки, в глубинных районах Прикубанья он несколько богаче. Такое различие, возможно, следует объяснять тем, что приходившие на Боспор варвары приносили с собой не всю посуду, находившуюся у них в быту, а лишь ту, которая была им необходима для сезонного проживания в окрестностях греческих городов.

Влияние меотских племен на культуру колоний азиатской стороны Боспора неоднократно отмечалось в научной литературе (Опайко 1980: 90; Камепецкий 1988: 91). Действительно, археологические исследования на месте Анапы, в Торике и Тирамбе отчетливо демонстрируют присутствие лепной керамики меотского облика (Алексеева 1990: 29; 1991: 10–11; Опайко 1980: 84–90; Коровина 1968: 59, рис. 4, 10–11). Такая керамика происходит также из Фанагории (Кругликова 1950: 105, рис. 3), но ее хронологическая атрибуция, к сожалению, не

ясна (см. примеч. 1). На европейской стороне она пока что обнаружена только в Мирмекии (Виноградов 1991: 13, 15, рис. 3, 14–15; 1992: 102; 1994).

Имеющиеся данные, на мой взгляд, позволяют предполагать, что на поселении Артыушенко I в последней трети VI–первой четверти V в. до н. э. проживали в основном выходцы из местных прикубанских племен, так или иначе вовлеченные в систему греческого экономического и политического влияния. При этом земледельцы из варварской среды, скорее всего, проживали здесь лишь временно, они привлекались сюда на время проведения сельскохозяйственных работ на полях в весенне-летний и летне-осенний сезоны. Возможно, Артыушенко I можно трактовать как сельское поселение на окраине полиса Гермонасса и предполагать, что тамошние греки-колонисты предпочитали такую практику для привлечения местной рабочей силы при обработке полисных земель. Все эти выводы или, скорей, догадки, конечно, следует считать сугубо предварительными, нуждающимися в дополнительной проверке.

Для такой проверки или, во всяком случае, для сопоставления полученных результатов на Таманском полуострове имеются все возможности. Количество сельских поселений периода архаики здесь достаточно велико, к примеру, для середины–третьей четверти VI в. до н. э. их известно около трех десятков, а для конца VI–начала V в. до н. э. более 60 (Абрамов, Паромов 1993: 71, 73). К сожалению, раскопки на большей их части никогда не проводились, и, соответственно, информация об их облике, культуре и т. д. пока почти отсутствует. В высшей степени любопытно, однако, что в отношении одного из них, на котором систематически работала экспедиция Гос. Эрмитажа во главе с С. Л. Соловьевым, — поселения Волна I в окрестностях Гермонассы — был сделан вывод, схожий с полученным для Артыушенко I, о временности его обитания (Соловьев, Бутагин 2002: 78). Если в будущем число подобных наблюдений увеличится, то освоение греками сельскохозяйственных угодий Таманского полуострова предстанет в весьма своеобразном и, надо сказать, неожиданном виде.

Следует особо подчеркнуть, что в практике других центров греческой колонизации Северного Причерноморья близких параллелей такой ситуации, в общем, обнаружить не удается. Сопоставление с европейской стороной Боспора вообще представляется непродуктивным, поскольку на Керченском полуострове сельские поселения времени архаики очень немногочисленны, можно сказать, единичны (Кругликова 1975: 27–28; Масленников 1998: 36; 1999: 178). По этой причине приходится указывать на более отдаленные территории Северо-Западного Причерноморья. Как хорошо известно, под Ользией в период архаики существовало более сотни различных поселений, среди которых доминировали стационарные деревни, а отнюдь не временные стоянки (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989: 22 сл.; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 10 сл.). В общем, предположение о различии азиатского Боспора и ользийского района в плане освоения сельскохозяйственных территорий как будто вполне допустимо, но археологическое изучение хоры азиатского Боспора еще только начинается, и возможны любые, самые неожиданные открытия.

Абрамов, Паромов 1993 — Абрамов А. П., Паромов Я. М. Раннеархаические поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. М., 1993. № 2. С. 25–98.

Алексеева 1990 — Алексеева Е. М. Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н. э.) // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 19–30.

Алексеева 1991 — Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.

Анфилов 1951 — Анфилов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА СССР. М., 1951. № 23. С. 155–207.

- Бглова 1991 – *Бглова Е. А.* Венцы I – поселение эпохи раннего железа в Закубанье // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 56–67.
- Бутягин 1998 – *Бутягин А. М.* Лепная керамика архаического Мирмекия // Боспорские царство как историко-культурный феномен: Материалы конференции. СПб., 1998. С. 82–87.
- Виноградов 1991 – *Виноградов Ю. А.* Ранние вклады Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 12–19.
- Виноградов 1992 – *Виноградов Ю. А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 96–120.
- Виноградов 1994 – *Виноградов Ю. А.* Еще одна архаическая полуземлячка из Мирмекия // Боспорский сборник. М., 1994. № 4. С. 57–64.
- Виноградов 2001 – *Виноградов Ю. А.* Итоги археологического изучения поселения Артощенко I на Таманском полуострове // Третья Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар; Анапа, 2001. С. 17–20.
- Виноградов 2002 – *Виноградов Ю. А.* Архаические комплексы поселения Артощенко I // Таманская старина. СПб., 2002. № 4. С. 61–66.
- Каменецкий 1988 – *Каменецкий И. С.* Меоты и греческая колонизация // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тбилиси, 1988. С. 82–97.
- Коровина 1968 – *Коровина А. К.* Тирамба (городище и некрополь). Итоги археологических работ ГМПИ за 1959, 1961–1963 гг. // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1968. № 4. С. 54–84.
- Кругликова 1950 – *Кругликова И. Т.* К вопросу о негретском населении Фанагории (По материалам местной керамики) // ВДИ. 1950. № 1. С. 101–112.
- Кругликова 1975 – *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Крыжичский, Буйских, Бураков, Отрешко 1989 – *Крыжичский С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыжичский, Буйских, Отрешко 1990 – *Крыжичский С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Алгичные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990.
- Кузнецов 2001 – *Кузнецов В. Д.* Метрополия Фанагории // Древности Боспора. М., 2001. № 4. С. 227–235.
- Лимберис, Марченко 2001 – *Лимберис Н. Ю., Марченко Н. И.* Погребения VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. № 1. С. 32–123.
- Марченко 1972 – *Марченко К. К.* Лепная керамика V–III вв. до н. э. с городища у станицы Елизаветовская на Нижнем Дону // СА. 1972. № 1. С. 122–134.
- Марченко 1988 – *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII–первой половине I вв. до н. э. Л., 1988.
- Марченко, Житников, Копылов 2000 – *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Нижнем Дону. М., 2000.
- Масленников 1998 – *Масленников А. А.* Эллинская хера на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Масленников 1999 – *Масленников А. А.* Греки и варвары на «границах» Боспора (Взгляд на проблему в конце тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 170–192.
- Овайко 1980 – *Овайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- Рогов, Капашев, Фурназир 2005 – *Рогов Е. Я., Капашев С. В., Фурназир И.* Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. № 8. С. 177–201.
- Смирнов 1958 – *Смирнов К. Ф.* Местный могильник у станицы Панковской // МИА СССР. М., 1958. № 64. С. 272–312.
- Соловьев, Бутягин 2002 – *Соловьев С. Л., Бутягин А. М.* Архаические комплексы поселения Велна I в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. СПб., 2002. № 4. С. 67–80.
- Hansen 2000 – *Hansen M. H.* The Hellenic Polis // A Comparative Studies of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000. P. 141–187.
- Morel 1983 – *Morel J.-P.* Greek Colonization in Italy and the West (Problems of Evidence and Interpretation) // Crossroads of the Mediterranean. Papers delivered at the International Conference at Brown University, 1981. Brown University, 1983. P. 123–161.
- Vinogradov 1999 – *Vinogradov Yu. A.* Selected Findings from the Myrmekion Acropolis // Études et travaux. Warszawa, 1999. N 18. P. 280–293.

С. С. МИНЯЕВ, Л. М. САХАРОВСКАЯ

Исследования археологических памятников азиатских гуннов (сюнну) ведутся более 100 лет, однако информации о захоронениях сюннуской знати по-прежнему крайне недостаточно. Чтобы восполнить этот пробел, Забайкальская экспедиция ИИМК РАН в последние годы ведет систематические работы на одном из могильников сюнну в пади Царам¹ (Кяхтинский район Республики Бурятия, в 1,5 км южнее поселка Наушки). Захоронения в пади Царам были обнаружены известным исследователем Забайкалья Ю. Д. Талько-Гришневичем в июне 1899 г. Первооткрыватель памятника зафиксировал не менее 20 могил, «рассеянных по лесу». Пять из них, спустя несколько лет, в июне 1903 г., были раскопаны им совместно с Я. С. Смолевым (Талько-Гринцевич 1999: 93, 117–118). Все могилы были ограблены, полученные находки – крайне немногочисленны: железное шило с кольцеобразным навершием, фрагмент бронзовой накладки и фрагменты нескольких сосудов. Особенности внутримогильных конструкций позволили Ю. Д. Талько-Гринцевичу отнести эти погребения к выделенному им типу «захоронений в срубах», которые он, интуитивно правильно, отождествлял с погребениями сюнну.

Детальное обследование памятника Забайкальской экспедицией, составление топографического плана и обмеры надмогильных сооружений показали, что в пади Царам сосредоточены наиболее крупные среди известных ныне погребальных сооружений сюнну в России и одни из самых крупных в мире. Вполне очевидно, что здесь располагалось элитное кладбище сюннуской знати, погребальные сооружения которой до настоящего времени оставались практически неисследованными. Работы экспедиции в пади Царам были спланированы с учетом особенности планировки сюннуских могильников, которая демонстрирует отчетливую тенденцию к размещению захоронений в погребальных комплексах, состоящих из центрального кургана и расположенных вокруг него по определенной системе сопроводительных захоронений. Ряд наблюдений показал, что в таких захоронениях погребены лица, умершие насильственной смертью и, видимо, «сопровождавшие» своего хозяина в потусторонний мир (см. подробнее: Миняев 1985; 1998: 70–71).

Основным объектом исследования был выбран самый крупный курган (№ 7) могильника, расположенный в северной части пади. Заложенный здесь раскоп охватил как сам курган, так и площадь вокруг него, где выходы отдельных камней позволяли предполагать наличие небольших курганов с разрушенной кладкой. Общая площадь раскопа, включая и курган № 7, составила 7700 м². Кроме центрального кургана на этой площади обнаружены и исследованы 10 сопроводительных погребений, располагавшихся с западной и восточной сторон кургана № 7 двумя линиями по 5 захоронений в каждой (подробную характеристику памятника и сопроводительных захоронений см.: Миняев, Сахаровская 2002).

Работы на центральном кургане завершены в 2005 г. Его детальное исследование позволило получить принципиально новые данные о погребальном обряде сюнну. Подробное описание конструкций кургана и погребального инвентаря будет

¹ С 1998 г. раскопки ведутся при систематической финансовой поддержке РФФИ.

- Беглова 1991 – *Беглова Е. А.* Венцы I – поселение эпохи раннего железа в Закубанье // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 56–67.
- Бутягин 1998 – *Бутягин А. М.* Лепная керамика архаического Мирмексия // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы конференции, СПб., 1998. С. 82–87.
- Виноградов 1991 – *Виноградов Ю. А.* Ранние комплексы Мирмексия // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991. С. 12–19.
- Виноградов 1992 – *Виноградов Ю. А.* Мирмекский // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 99–120.
- Виноградов 1994 – *Виноградов Ю. А.* Птице оленя архаическая полумесяцка из Мирмексия // Боспорский сборник. М., 1994. № 4. С. 57–64.
- Виноградов 2001 – *Виноградов Ю. А.* Итоги археологического изучения поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // Третья Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар; Анапа, 2001. С. 17–20.
- Виноградов 2002 – *Виноградов Ю. А.* Архаические комплексы поселения Артюшенко I // Таманская старина. СПб., 2002. № 4. С. 61–66.
- Каменецкий 1988 – *Каменецкий И. С.* Моты и греческая колонизация // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тбилиси, 1988. С. 82–97.
- Коровина 1968 – *Коровина А. К.* Теракты (городище и некрополь). Итоги археологических работ ГМИИ за 1959, 1961–1963 гг. // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1968. № 4. С. 54–84.
- Крусликова 1950 – *Крусликова И. Т.* К вопросу о негреческом населении Фанагории (По материалам местной керамики) // ВДИ. 1950. № 1. С. 101–112.
- Крусликова 1975 – *Крусликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Крыжачкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989 – *Крыжачкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыжачкий, Буйских, Отрешко 1990 – *Крыжачкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990.
- Кузнецов 2001 – *Кузнецов В. Д.* Метрополия Фанагории // Древности Боспора. М., 2001. № 4. С. 227–235.
- Лимберис, Марченко 2001 – *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. № 1. С. 32–123.
- Марченко 1972 – *Марченко К. К.* Лепная керамика V–III вв. до н. э. с городища у станицы Елизаветовская на Нижнем Дону // СА. 1972. № 1. С. 122–134.
- Марченко 1988 – *Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII первой половины I в. до н. э. Л., 1988.
- Марченко, Житников, Котылов 2000 – *Марченко К. К., Житников В. Г., Котылов В. И.* Елизаветовское городище на Нижнем Дону. М., 2000.
- Масленников 1998 – *Масленников А. А.* Эллиническая хора на краю Ойкумена. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Масленников 1999 – *Масленников А. А.* Греки и варвары на «границах» Боспора (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 170–192.
- Опайко 1980 – *Опайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- Роств, Кашаев, Форназир 2005 – *Роств Е. Я., Кашаев С. В., Форназир И.* Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестебневская-11 на юге Таманского полуострова // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. № 8. С. 177–201.
- Смирнов 1958 – *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА СССР. М., 1958. № 64. С. 272–312.
- Соловьев, Бутягин 2002 – *Соловьев С. Л., Бутягин А. М.* Архаические комплексы поселения Волна I в окрестностях Гермонассы // Таманская старина. СПб., 2002. № 4. С. 67–80.
- Hansen 2000 – *Hansen M. H.* The Hellenic Polis // A Comparative Studies of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000. P. 141–187.
- Moré 1983 – *Moré J.-P.* Greek Colonization in Italy and the West (Problems of Evidence and Interpretation) // Crossroads of the Mediterranean. Papers delivered at the International Conference at Brown University, 1981. Brown University, 1983. P. 123–161.
- Vinogradov 1999 – *Vinogradov Yu. A.* Selected Findings from the Myrmekion Acropolis // Études et travaux. Warszawa, 1999. N 18. P. 280–293.

С. С. МИНЯЕВ, Л. М. САХАРОВСКАЯ

Исследования археологических памятников азиатских гуннов (сюнну) ведутся более 100 лет, однако информации о захоронениях сюннуской знати по-прежнему крайне недостаточно. Чтобы восполнить этот пробел, Забайкальская экспедиция ИИМК РАН в последние годы ведет систематические работы на одном из могильников сюнну в пади Царам¹ (Кяхтинский район Республики Бурятия, в 1,5 км южнее поселка Наушки). Захоронения в пади Царам были обнаружены известным исследователем Забайкалья Ю. Д. Талько-Гринцевичем в июне 1899 г. Первооткрыватель памятника зафиксировал не менее 20 могил, «рассеянных по лесу». Пять из них, спустя несколько лет, в июне 1903 г., были раскопаны им совместно с Я. С. Смолевым (Талько-Гринцевич 1999: 93, 117–118). Все могилы были ограблены, полученные находки – крайне немногочисленные: железное шило с кольцеобразным навершием, фрагмент бронзовой накладки и фрагменты нескольких сосудов. Особенности внутримогильных конструкций позволили Ю. Д. Талько-Гринцевичу отнести эти погребения к выделенному им типу «захоронений в срубках», которые он, интуитивно правильно, отождествлял с погребениями сюнну.

Детальное обследование памятника Забайкальской экспедицией, составление топографического плана и обмеры надмогильных сооружений показали, что в пади Царам сосредоточены наиболее крупные среди известных ныне погребальных сооружений сюнну в России и одни из самых крупных в мире. Вполне очевидно, что здесь располагалось элитное кладбище сюннуской знати, погребальные сооружения которой до настоящего времени оставались практически неисследованными. Работы экспедиции в пади Царам были спланированы с учетом особенности планировки сюннских могильников, которая демонстрирует отчетливую тенденцию к размещению захоронений в погребальных комплексах, состоящих из центрального кургана и расположенных вокруг него по определенной системе сопроводительных захоронений. Ряд наблюдений показал, что в таких захоронениях погребены лица, умершие насильственной смертью и, видимо, «сопровождавшие» своего хозяина в потусторонний мир (см. подробнее: Миняев 1985; 1998: 70–71).

Основным объектом исследования был выбран самый крупный курган (№ 7) могильника, расположенный в северной части пади. Заложенный здесь раскоп охватил как сам курган, так и площадь вокруг него, где выходы отдельных камней позволяли предполагать наличие небольших курганов с разрушенной кладкой. Общая площадь раскопа, включая и курган № 7, составила 7700 м². Кроме центрального кургана на этой площади обнаружены и исследованы 10 сопроводительных погребений, располагавшихся с западной и восточной сторон кургана № 7 двумя линиями по 5 захоронений в каждой (подробную характеристику памятника и сопроводительных захоронений см.: Миняев, Сахаровская 2002).

Работы на центральном кургане завершены в 2005 г. Его детальное исследование позволило получить принципиально новые данные о погребальном обряде сюнну. Подробное описание конструкций кургана и погребального инвентаря будет

¹ С 1998 г. раскопки ведутся при систематической финансовой поддержке РФНФ.

дано в последующих изданиях. Цель данной статьи – публикация ханьского зеркала, обнаруженного *in situ* в погребальной яме кургана № 7 и позволяющего, на взгляд авторов, впервые реконструировать одну из сторон погребальной обрядности сюнну.

Курган № 7 является самым крупным курганом могильника и одним из крупнейших курганов сюнну, известных к настоящему времени. Не исключено, что он представляет собой захоронение одного из сюннских вождей (шаньюев). Насыпь кургана имела размеры 32×32 м, высоту около 1,5 м; в центре насыпи была западина глубиной 2,5 метра. С южной стороны насыпи прослеживалось возвышение трапециевидной формы, длиной 20 м, полого понижающееся к югу. Все надмогильное сооружение состояло из смеси гумусированной почвы, сугинка и супеси и было покрыто тонким слоем переотложенного желтого материкового сугинка. По периметру насыпь была обложена вертикальными каменными плитами, расположенными в 1–2 ряда и образующими невысокие стены. Верхний контур могильной ямы практически совпадал с размерами надмогильного сооружения: размеры ямы по этому верхнему контуру составляли 27×27 м. В верхней части могильной ямы была расчищена внутримогильная конструкция, которую условно можно назвать деревянной клетью. Она состояла из одной продольной перегородки и семи поперечных, располагавшихся перпендикулярно продольной. Продольная перегородка проходила через всю яму и дромос в направлении с севера на юг и разделяла яму и дромос на западную и восточную части. Поперечные перегородки располагались только в могильной яме, асимметрично по отношению к продольной перегородке: четыре перегородки зафиксированы в западной половине могильной ямы и три – в восточной половине. В целом данная конструкция из продольной и семи поперечных перегородок делила верхнюю часть ямы на девять отсеков (рис. 1). Ниже этой деревянной «клетки» были расчищены и зафиксированы четыре перекрытия могильной ямы. Верхнее перекрытие состояло из крупных каменных плит, уложенных на сосновые бревна, которые перекрывали всю могильную яму в направлении с севера на юг. Под бревнами зафиксирован слой покрытия из тростника. Второе перекрытие располагалось ниже первого на 120–150 см и состояло из лежащих встык каменных плит, ниже которых также обнаружен слой тростника. Третье перекрытие было многослойным: крупные каменные плиты средним размером 100×70 см, слой древесного угля и речной гальки, слой спрессованной березовой коры, мелких веток и шишек, слой крупной щебенки. Структура четвертого перекрытия была также многослойной: крупные каменные плиты средним размером 80×60 см, слой спрессованной березовой коры, мелких веток и шишек, слой крупной речной гальки, слой крупного щебня, слой мелкого древесного угля. При расчистке третьего и четвертого перекрытий были отмечены определенные различия между их западной и восточной частями. Они были выражены в цвете и структуре каменных плит: западные части этих перекрытий состояли из плит светло-серого песчаника, тогда как восточная часть была сложена из светло-розовых валунов. Между третьим и четвертым перекрытиями были найдены детали погребальной колесницы (тент, наосьники, деревянные лакированные части дышла с орнаментом; см. подробнее: Миняев, Сахаровская 2007). В центральной части могильной ямы прослежены два грабительских хода, частично разрушивших центральную клетку и перекрытия. Общая глубина могильной ямы от поверхности кургана составила 17 м.

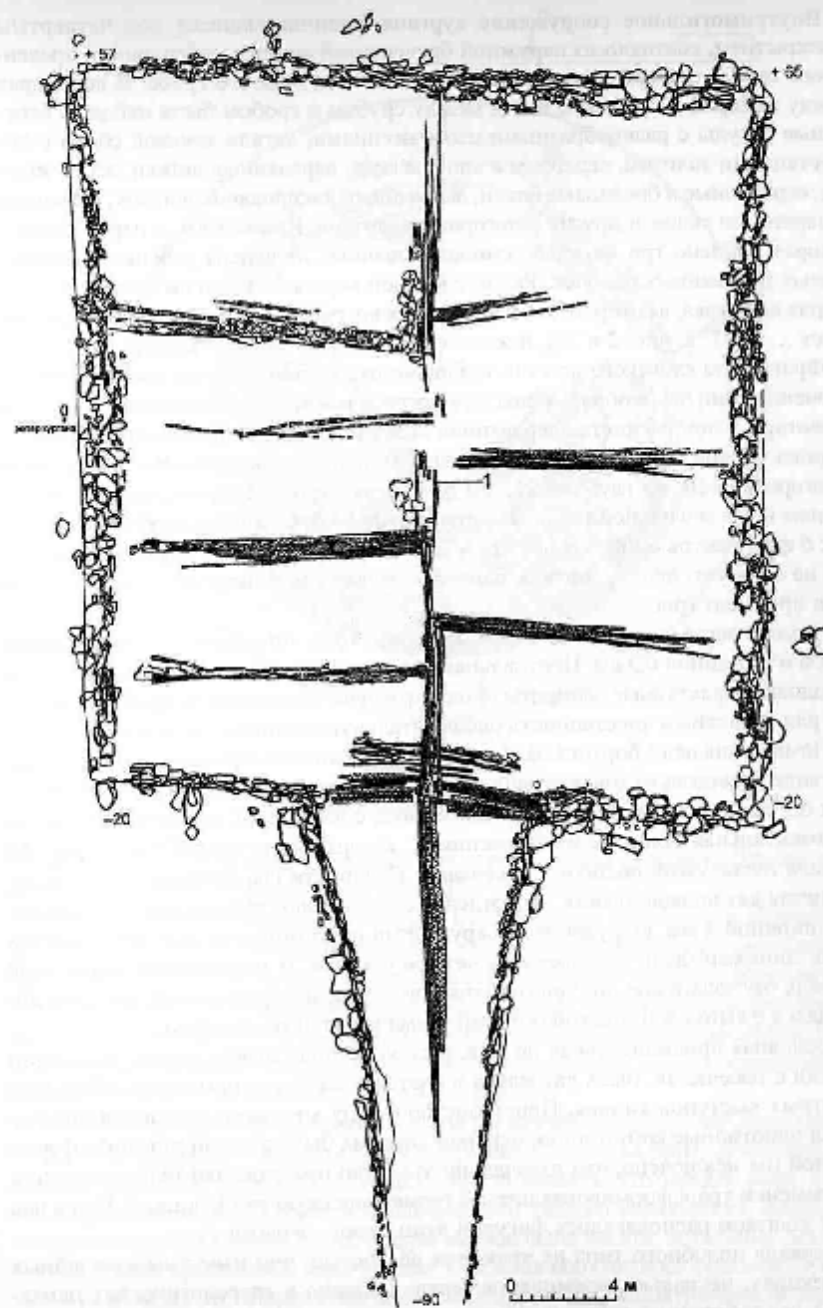

Рис. 1. Курган № 7. План надмогильного сооружения и клетки в верхней части могильной ямы; 1 – место находки зеркала

хотя третий и четвертый сегменты и распались на несколько частей в процессе ритуальных действий, но эти части не были изъяты, а положены в могильную яму вместе с другими фрагментами. В то же время расположенный между третьим и четвертым сегментами небольшой фрагмент зеркала с разделительной кнопкой оказался изъятым. Два других фрагмента с кнопками также были изъяты, а фрагмент с кнопкой, положенный в могильную яму, предварительно подвергся сильному вторичному нагреву, в результате чего кнопка оплавилась. Оплавленная кнопка — это результат именно вторичного нагрева отдельного фрагмента, так как в противном случае оплавилась бы и расположенные рядом более тонкие части зеркала.

Можно предполагать, что в рамках погребальной церемонии над рассматриваемым зеркалом совершался особый обряд, который, возможно, был нормой погребальной практики сюнну в целом (выпте отмечалось, что и в других сюннских захоронениях зеркала находят лишь во фрагментах). В ходе такого обряда зеркало подвергалось механическому (или температурному) воздействию и раскалывалось на несколько фрагментов. Один или несколько таких фрагментов сопровождали умершего, тогда как другие части зеркала изымались и, возможно, хранились в семье или у родственников покойного, чтобы впоследствии сопровождать других погребенных и служить своего рода опознавательным знаком при встрече в потустороннем мире. Захоронение в могильной яме одних частей зеркала и изъятие других (с аналогичной композицией) позволяет предполагать, что такие зеркала и совершаемые над ними ритуальные действия служили своего рода связующим звеном между миром живых и миром мертвых, символизируя в обоих мирах единство коллектива, покинутого покойным.

- Данилов 1998 — Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 111–114.
- Краткий отчет ... 1977 — Краткий отчет о раскопках западноханьской могилы Бу Цюаньцю в росписью в Лоян // Вэнь. Пекин, 1977. С. 1–11 (на кит. яз.).
- Миняев 1985 — Миняев С. С. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 21–27.
- Миняев 1998 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998.
- Миняев, Сахаровская 2002 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. 2002. № 9. С. 86–118.
- Миняев, Сахаровская 2007 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьская колесница из могильника Царам // АВ. 2007. № 14 (в печати).
- Талько-Грицевич 1999 — Талько-Грицевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб., 1999.
- Чжэн Лингуан, Хан Гоэ 2002 — Чжэн Лингуан, Хан Гоэ. Ханьские зеркала Чанани. Сянцзю, 2002. Энциклопедия ... 1992 — Энциклопедия китайских зеркал. Пекин, 1992.
- Circles of reflection 2000 — Circles of reflection. The Carter collection of Chinese bronze mirrors. Cleveland, 2000.
- Les Huns 2005 — Les Huns. Bruxelles, 2005.

Н. А. ЗАВЬЯЛОВ

Астральные символы в сочетании с изображениями животных, часто встречающиеся в различных произведениях искусства Древнего Востока, нашли свое место и среди штампованного орнамента на керамических изделиях Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени. В процессе раскопок жилого квартала на городище Зартепе, расположенном в Сурхандарьинской котловине южного Узбекистана, в помещении 75 на уровне третьего пола жилища «Б» в 1979 г. найдено глиняное изделие, на лицевой стороне которого отсиснуто изображение двух животных и двух символов небесных светил.² Изображение нанесено на плоскую специально подготовленную поверхность прямоугольного (6,4 × 5,8 см) куска глины толщиной до 2,8 см (рис. 1). Боковые края плитки заглажены. На оборотной стороне прямоугольника, по его углам располагаются вдавления с отпечатками пальцев мастера-изготовителя, одной рукой державшего заготовку, а другой наносившего с помощью штампа рисунок на внешнюю поверхность изделия. Технология изготовления отсиска очень близка технологии штампов на кушанской, кушано-сасанидской и раннесредневековой керамике, наносившихся в большинстве случаев, видимо, деревянным инструментом.³ В данном случае об этом свидетельствует вогнутость на поверхности плитки, предполагающая, что деревянный инструмент, с помощью которого нанесен отсиск, имел слегка выпуклую к центру изображения поверхность. Об использовании деревянного инструмента говорят также контуры и детали изображения животных и небесных светил.

В правом верхнем углу параллельно по отношению к плоской поверхности плитки с двух боковых сторон под углом около 30–45° проткнуто сквозное отверстие диаметром 3 мм на входах и 1 мм внутри его центра. Второе сквозное отверстие располагается почти перпендикулярно по отношению к наружной поверхности плитки, в середине левой боковой ее поверхности. Оно проделано, по-видимому, остроконечным инструментом, использовавшимся и в первом случае, но с одной (наружной) стороны изделия, о чем свидетельствуют диаметры на входе (4 мм) и выходе (2 мм). Вопрос о функциональном назначении этих отверстий пока остается открытым. Можно предполагать, что они предназначены либо для крепления изделия, например, в углу стеной ниши помещения, либо для его подвешивания через угловое отверстие с последующей фиксацией в определенном положении через боковое отверстие.

Изображение вписано в квадрат, контуры которого обозначены одной выделенной линией с левой и верхней его сторон и, частично, в правом верхнем углу квадрата. Внизу квадрата и по правой нижней его стороне контур обозначен уже

¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ № 05 01-01362а.

² В настоящее время готовится полное издание результатов раскопок городища Зартепе, расположенного в Сурхандарьинской котловине Южного Узбекистана. Предварительные результаты раскопок Зартепе опубликованы в ряде статей (Завьялов 1979: 141–154; Zavyalov 1994: 67–74).

³ В отличие от южных регионов Кушанской империи, где сравнительно часто встречаются керамические инструменты для нанесения штампов, на кушанских, кушано-сасанидских и раннесредневековых памятниках Бактрии-Тохаристана они засвидетельствованы крайне редко, несмотря на широчайшее распространение штампованной керамики, что предполагает изготовление таких инструментов из дерева.

хотя третий и четвертый сегменты и распались на несколько частей в процессе ритуальных действий, но эти части не были изъяты, а положены в могильную яму вместе с другими фрагментами. В то же время расположенный между третьим и четвертым сегментами небольшой фрагмент зеркала с разделительной кнопкой оказался изъятым. Два других фрагмента с кнопками также были изъяты, а фрагмент с кнопкой, положенный в могильную яму, предварительно подвергся сильному вторичному нагреву, в результате чего кнопка оплавилась. Оплавленная кнопка — это результат именно вторичного нагрева отдельного фрагмента, так как в противном случае оплавилась бы и расположенные рядом более тонкие части зеркала.

Можно предполагать, что в рамках погребальной церемонии над рассматриваемым зеркалом совершался особый обряд, который, возможно, был нормой погребальной практики сюнну в целом (выше отмечалось, что и в других сюннских захоронениях зеркала находят лишь во фрагментах). В ходе такого обряда зеркало подвергалось механическому (или температурному) воздействию и раскалывалось на несколько фрагментов. Один или несколько таких фрагментов сопровождали умершего, тогда как другие части зеркала изымались и, возможно, хранились в семье или у родственников покойного, чтобы впоследствии сопровождать других погребенных и служить своего рода опознавательным знаком при встрече в потустороннем мире. Захоронение в могильной яме одних частей зеркала и изъятие других (с аналогичной композицией) позволяет предполагать, что такие зеркала и совершаемые над ними ритуальные действия служили своего рода связующим звеном между миром живых и миром мертвых, символизируя в обоих мирах единство коллектива, покинутого покойным.

- Данилов 1998 — Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 111–114.
- Краткий отчет ... 1977 — Краткий отчет о раскопках западноханьской могилы Бу Цюаньцзо в росписью в Лоян // Восток. Пекин, 1977. С. 1–11 (на кит. яз.).
- Миняев 1985 — Миняев С. С. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 21–27.
- Миняев 1998 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998.
- Миняев, Сахаровская 2002 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // АВ. 2002. № 9. С. 86–118.
- Миняев, Сахаровская 2007 — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьская колесница из могильника Царам // АВ. 2007. № 14 (в печати).
- Талько-Грицкевич 1999 — Талько-Грицкевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб., 1999.
- Чжэн Лингуан, Хан Гоэ 2002 — Чжэн Лингуан, Хан Гоэ. Ханьские зеркала Чанани. Сянцзю, 2002. Энциклопедия ... 1992 — Энциклопедия китайских зеркал. Пекин, 1992.
- Circles of reflection 2000 — Circles of reflection. The Carter collection of Chinese bronze mirrors. Cleveland, 2000.
- Les Huns 2005 — Les Huns. Bruxelles, 2005.

В. А. ЗАВЬЯЛОВ

Астральные символы в сочетании с изображениями животных, часто встречающиеся в различных произведениях искусства Древнего Востока, нашли свое место и среди штампованного орнамента на керамических изделиях Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени. В процессе раскопок жилого квартала на городище Зартеп, расположенном в Сурхандарьинской котловине южного Узбекистана, в помещении 75 на уровне третьего пола жилища «Б» в 1979 г. найдено глиняное изделие, на лицевой стороне которого оттиснуто изображение двух животных и двух символов небесных светил.² Изображение нанесено на плоскую специально подготовленную поверхность прямоугольного (6,4 × 5,8 см) куска глины толщиной до 2,8 см (рис. 1). Боковые края плитки заглажены. На оборотной стороне прямоугольника, по его углам располагаются вдавления с отпечатками пальцев мастера-изготовителя, одной рукой державшего заготовку, а другой наносившего с помощью штампа рисунок на внешнюю поверхность изделия. Технология изготовления отгиска очень близка технологии штампов на кушанской, кушано-сасанидской и раннесредневековой керамике, наносившихся в большинстве случаев, видимо, деревянным инструментом.³ В данном случае об этом свидетельствует вогнутость на поверхности плитки, предполагающая, что деревянный инструмент, с помощью которого нанесен отгиск, имел слегка выпуклую к центру изображения поверхность. Об использовании деревянного инструмента говорят также контуры и детали изображения животных и небесных светил.

В правом верхнем углу параллельно по отношению к плоской поверхности плитки с двух боковых сторон под углом около 30–45° проткнуто сквозное отверстие диаметром 3 мм на входах и 1 мм внутри его центра. Второе сквозное отверстие располагается почти перпендикулярно по отношению к наружной поверхности плитки, в середине левой боковой ее поверхности. Оно проделано, по-видимому, остроконечным инструментом, использовавшимся и в первом случае, но с одной (наружной) стороны изделия, о чем свидетельствуют диаметры на входе (4 мм) и выходе (2 мм). Вопрос о функциональном назначении этих отверстий пока остается открытым. Можно предполагать, что они предназначены либо для крепления изделия, например, в углу стеной ниши помещения, либо для его подвешивания через угловое отверстие с последующей фиксацией в определенном положении через боковое отверстие.

Изображение вписано в квадрат, контуры которого обозначены одной выделенной линией с левой и верхней его сторон и, частично, в правом верхнем углу квадрата. Внизу квадрата и по правой нижней его стороне контур обозначен уже

¹ Статья написана в рамках проекта ГНФ № 05 01-01362а.

² В настоящее время готовится полное издание результатов раскопок городища Зартеп, расположенного в Сурхандарьинской котловине Южного Узбекистана. Предварительные результаты раскопок Зартеп опубликованы в ряде статей (Завьялов 1979: 141–154; Zavyaylov 1994: 65–74).

³ В отличие от южных регионов Кушанской империи, где сравнительно часто встречаются керамические инструменты для нанесения штампов, на кушанских, кушано-сасанидских и раннесредневековых памятниках Бактрии-Тохаристана они засвидетельствованы крайне редко, несмотря на широчайшее распространение штампованной керамики, что предполагает изготовление таких инструментов из дерева.

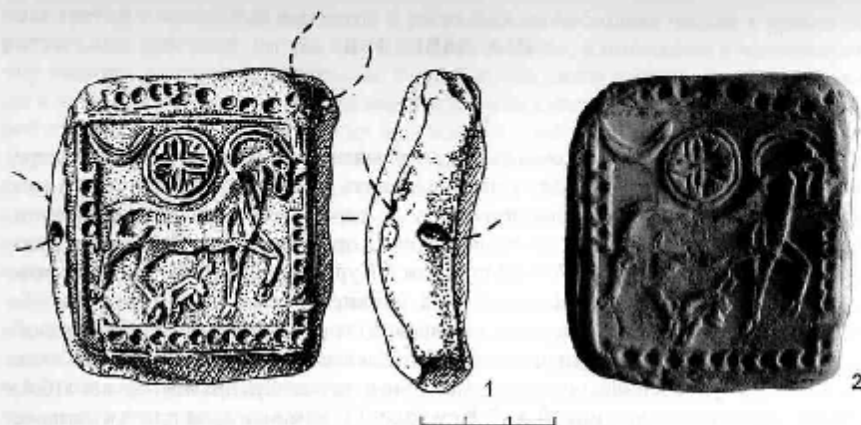

Рис. 1. Изображение на терракотовой плитке из Зартепа: 1 – прорисовка; 2 – фото

двумя линиями, пространство между которыми заполнено углублениями в виде ямок диаметром около 2,5 мм и глубиной до 2 мм. В нижней части контура располагается 11 ямок, справа – 7 (учитывая одну несохранившуюся ямку). Такие же две линии отчасти обрамляют квадрат с левой стороны позади хвоста центральной фигуры изображения. Между этими линиями отмечены три полностью сохранившиеся ямки и две, сохранившиеся наполовину. По краю верхней части плитки, над изображением располагаются еще десять ямок, образующих неровную линию. Эта часть декора нанесена другим инструментом и, видимо, уже после оттискивания изображения с целью окончательного оформления его композиции. Не исключено, что изначально предполагалось ограничить всю композицию контуром из двух линий с ямками, однако пропорции центральной фигуры парнокопытного и лунный серп потребовали больше места, вследствие чего образовались пробелы в обрамлении.

В центре композиции изображено парнокопытное животное с круто закрученными рогами и коротким хвостом, идущее вправо. Его левая передняя согнутая нога приподнята для того, чтобы передать ощущение движения. С шеи на грудь животного спускаются пряди шерсти, переданные пятью длинными линиями и одной короткой, начинающейся на холке. Вторую короткую также идущую от холки линию можно интерпретировать и как острое окончание рога, и как прядь шерсти. Морда животного стилизована, вследствие чего сложно точно определить его видовую принадлежность.⁴ Глаз парнокопытного воспроизведен в виде ямки. Маленькие остроконечные уши чуть загнуты назад и почти не заметны, причем они также располагаются на линии рогов. От лобной части головы отходят рога в виде двух параллельных линий, заканчивающихся у середины шеи. Полукруглый контур рогов животного по способу передачи очень близок изображению серпа луны, располагающемуся в левом верхнем углу композиции. Над вогнутой спиной, между лунным серпом и рогами животного, изображен круг диаметром 15 мм, с вписанным внутри него изображением четырехлепестковой розетки, по-видимому, воспроизводящий соляренный символ.

Рис. 2. 1 – штамп из Мирзабеккала (по Пилипко 1985); 2 – гемма из Британского музея (по Bivar 1968)

Второе маленькое длинноухое животное стоит (или готовится к прыжку?) на вытянутых задних лапах под брюхом парнокопытного, почти касаясь коротким хвостиком левой задней его ноги. Несмотря на стилизацию, такие видовые признаки животного, как длинные уши, короткие согнутые передние и длинные задние лапы, ясно указывают на то, что перед нами изображение зайца. Небольшой короткой мордочкой без глаз заяц, так же как и парнокопытное животное, обращен вправо.

На территории Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского и раннесредневекового периодов пока не обнаружено именно такого сочетания астральных символов и олицетворяющих их животных. Однако в других сочетаниях изображения животных, птиц и рыб представлены на штампах, украшавших керамику, происходящую из синхронных памятников Афганистана и Туркменистана. В частности, в подъемном материале городища Мирзабеккала в Туркменистане найден штамп с композицией, в центре которой изображен конь перед «древом» с птицей над крупом (рис. 2: 1).

Под брюхом коня, между передними и задними его конечностями, воспроизведена анфас голова быка (Пилипко 1985: 99–100, рис. 24). С зартепинской композицией изображения на штампе из Мирзабеккала сближают размещение головы другого животного под брюхом, между ногами центральной фигуры, и четырехугольное обрамление всей композиции. Голова быка анфас изображена также под ложем или сидением с восседающим на нем персонажем на сасанидской гемме из Британского музея (рис. 2: 2; Bivar 1968: Pl. XV, 5).

Композиционно и стилистически близкие изображения найдены среди штампованных изображений на керамике из памятников Афганистана (рис. 3) в Кабульском регионе (Fussman, Le Berre 1976: 51–52, 88–91, Pls. XLVII, P1; XLIX, P65; Hackin, Carl, Meunier 1959: 9, 17, 89, Pls. II, III, VII) и в Баграме (Ghirshman 1946: 69–72, Pl. L, BG 468, 526). В композицию штампованного изображения из Гуль Дара помещены два животных, птица и рыба (?). Под брюхом центральной фигуры парнокопытного, стоящего перед «древом», изображено небольшое длинноухое животное, напоминающее зайца (рис. 3: 6). Опубликовавшие изображение исследователи предположили, что длинноухое животное – шакал или лиса, а всю композицию связали с одной из сказок индийского сборника «Лань, шакал и вброн», повествующей о том, как вброн успешно спасает газель, попавшую в

⁴ Палеонтолог А. К. Каспаров склонен отнести изображение к разновидности дикого козла.

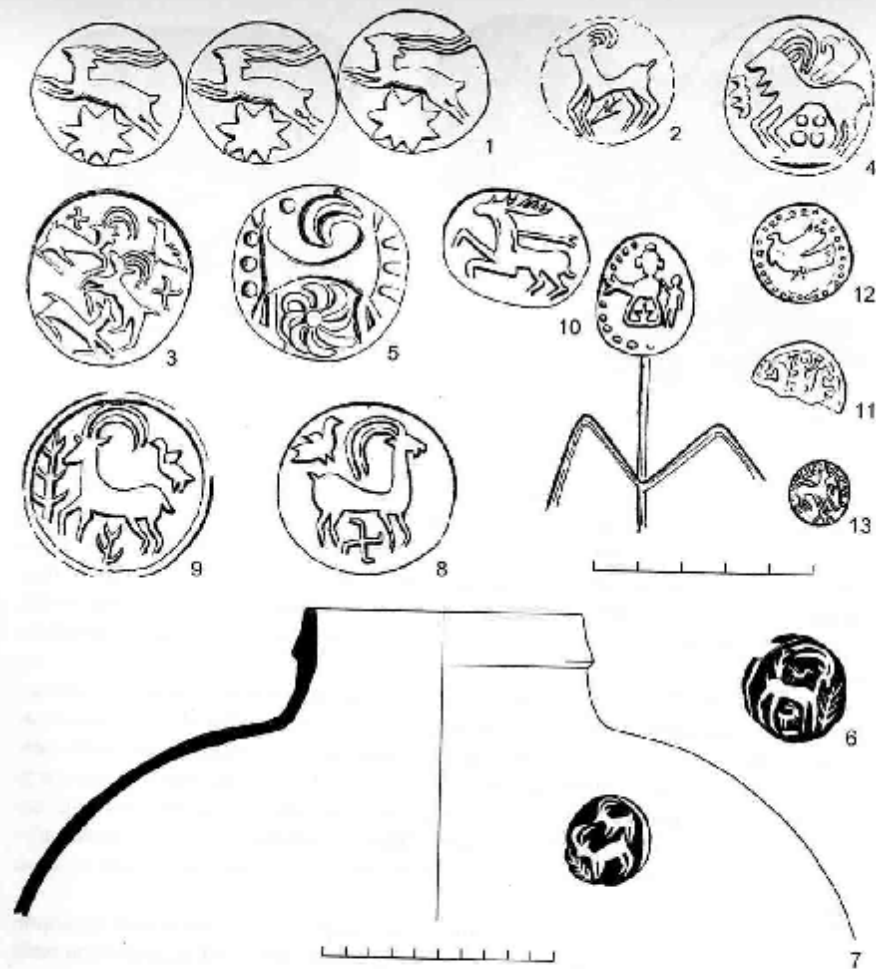

Рис. 3. Штампованный орнамент на керамике: 1–5 – из тепе Мараджан; 6–7 – из Баграма (по Hackin, Carl, Meunier 1959); 6–7 – из Гуль Дара (по Fussman, Le Berre 1976); 11–13 – из помещений жилого квартала кушано-сасанидского времени на Р-6 Зартепи

ловушку, расставленную шакалом (Fussman, Le Berre 1976: 91).⁵ В композиции другого штампованного изображения из тепе Мараджан (рис. 3: 5) представлены лунный серп и обычно относящиеся исследователями к солярной символике вихревая розетка, располагающиеся по сторонам алтаря.⁶ Свастика, также часто сопоставляемая с солярной символикой, присутствует в композициях вместе с

⁵ Возможность интерпретации этого изображения как иллюстрации к сказке полностью исключить невозможно, однако предложенное отождествление длинноухого животного и птицы (зайца?) вызывает сомнения, а присутствие в композиции помимо трех персонажей изображения рыбы (?) явно не согласуется с сюжетом сказки.

⁶ Прорисовка изображения, которое следует развернуть влево на 90°, позволяет предположить, что над алтарем располагаются языки пламени, а под ним – три точки или языка. Еще две разного размера точки находятся слева от лунного серпа.

животными и птицами (рис. 3: 3, 8). Наряду с зартепинским изображением приведенные выборочные примеры убедительно свидетельствуют об устойчивой связи астральных символов и персонажей животного мира, переданных в «сасанидском» стиле.

Сюжеты на штампах и штампованном орнаменте кушано-сасанидской и раннесредневековой керамики необходимо рассматривать в первую очередь на фоне начальной стадии формирования и последующей трансформации «сасанидского» стиля, ярко проявившегося в монетном чекане, скальных рельефах, теревнике, геммах, терракогах и живописи. Во-вторых, следует учитывать, что до сасанидского завоевания Бактрия-Тохаристан составляла важную часть обширной Кушанской империи, изобразительное искусство которой развивалось по своим канонам, разработанным для передачи религиозных и династийных идей. В-третьих, нельзя забывать о том, что культура и идеология Парфянской, Сасанидской и Кушанской империй формировались при прямом или опосредованном греко-римском влиянии.

Роли и конкретному применению астрологии посвящено необозримое море публикаций, среди которых для рассматриваемого промежутка времени и территории представляют интерес исследования об астральной символике и персонализации небесных светил и звезд. Эти вопросы подробно рассмотрены в работе С. Маркел о генезисе индийских планетарных божеств (Markel 1991: 173–188). На основе анализа свидетельств письменных источников и изобразительных материалов автор приходит к нескольким важным выводам: 1) астрономии и астрологии отводилось важное место при дворе правителя Западных Кшатрапов Рудраман I (ок. 130–160), покровительствовавшего развитию научной деятельности. Покровительство обеим наукам традиционно продолжалось на этой территории и позднее при династии Гуптов; 2) на персонализацию планетарных божеств, введение нового календаря и семидневной недели в Индии заметное влияние оказал греко-римский мир; 3) первые антропоморфные изображения планетарных божеств появляются в Индии с заметным опозданием по отношению к новой календарной системе и относятся к рубежу V–VI вв.

Важно подчеркнуть, что на этом этапе пока не встречены изображения животных, сопоставляемых с планетарными божествами. Они сопровождают антропоморфные ипостаси божеств как ездовые животные позднее, насколько можно судить по их фигуркам на фрагменте каменной панели из Бангладеш, относимой к концу XI в. (Markel 1991: 186–187, fig. 3).

Устойчивая связь между образом зайца и луной засвидетельствована в буддийском пласте мифологии Индии. В джатаках о предшествующих перерождениях Будды Шакьямуни рассказывается о том, что в одном из них он родился в образе зайца, изображение которого после ряда тестов, показавших его великодушие и добродетельность, было нарисовано на диске луны с помощью эссенции, извлеченной в процессе ушотнения гор. В цейлонской версии Будда извлекает зайца, предложившего себя в качестве еды, из пламени и помещает его на луну (Layard 1944: 108–115; Loewe 1994: 131–133).⁷ Несмотря на прямые свидетельства джатак, изображения зайца пока не засвидетельствованы на каменных рельефах, иллюстрирующих основные вехи пути Учителя к нирване.⁸

⁷ В этих работах приводятся и другие джатаки, а также распространенные в разных частях света фольклорные истории, касающиеся зайца и присущих ему свойств.

⁸ Некоторые животные, например лани, кони, слоны, бараны и обезьяны, присутствуют на гандахарских рельефах, иллюстрирующих джатаки (Пугаченкова 1982: 98, 105–107, 116–117, 132, 136).

Мотив лунного зайца был известен ал-Бируни, указавшему на отрывки из индийских произведений, в которых темная часть луны называется *шашалакша*, то есть «образ зайца» (Абу Рейхан Бируни 1995: 430–431).⁹

На территории Ирана астральные символы, в особенности солнце, луна, шести- и восьмилучевые звезды, широко, хотя и с перерывами, использовались в монетном чекане, начиная с позднесахеменидского времени и вплоть до введения новых стандартов арабами, постепенно изменявшими облик денежных эмиссий (Gariboldi 2004: 31–53).¹⁰ Представлены эти символы и на некоторых произведениях сасанидской торевтики, но, так же как и на монетах, они включаются в композицию далеко не всех изображений правителей династии. По свидетельству Аммиана Марцеллина, Шапур II в послании к римскому императору Констанцию именовал себя сопричастником звезд, братом Солнца и Луны (Амм. Марцеллин 17,5,3). Однако астральные мотивы лишь изредка встречаются на аверсах некоторых его монетных выпусков (Gariboldi 2004: 43).

В Парфянской империи, судя по раскопкам митреума и храма Адониса в Дуре Европос, хорошо датированных найденными надписями, астральные символы вместе с животными изображались на установленных в них каменных рельефах (Бонгард-Левин, Гаилов, Кошеленко 2004: 125–157; Dura Report VII/VIII 1939). На раннем из двух рельефов в митреуме серп луны и солярный символ в виде розетки сопровождают изображение Митры-Тавроктон. На рельефе из храма Адониса размещенные по обеим сторонам головы всадника астральные символы очень близки зартепийским символам, в особенности солнце в виде четырехлепестковой розетки. Изображения алтаря огня и «древа» (или пальмовой ветви?) на этом рельефе также встречаются позднее в штампованном орнаменте кушано-сасанидского и раннесредневекового периодов. Следует отметить и еще одну интересную параллель в живописи с изображением охотящегося Митры (Бонгард-Левин, Гаилов, Кошеленко 2004: рис. 7; Dura Report VII/VIII 1939: Pl. XIV, 1; XV). Митра поражает животных стрелами с серповидным окончанием оперения. На штампованном изображении лося из Баграма (рис. 3: 10) воспроизведена стрела с таким окончанием, вонзившаяся в шею животного.¹¹ Исследователи уже отмечали поразительное сходство этого сюжета с популярными в сасанидском изобразительном искусстве охотничьими сценами (Бонгард-Левин, Гаилов, Кошеленко 2004: 152). Митраизм, завоевавший прочные позиции к середине III в. в Римской и Парфянской империях, был широко распространен также и в сасанидском Кушаншахре (Лукопин, Тревер 1987: 69–72).

В известных пехлевийских сочинениях, возможно, восходящих к сасанидской эпохе, «Суждения духа разума» (Дадестан-и меног-и храд) и «Сотворение основы» (Бундахишн) заяц (в первом из них) причислен к ратам (рат – глава/судья) диких зверей, а во втором зайцы выделены в отдельный седьмой класс, подразделяющийся на пять видов, причем заяц-русак определяется как глава быстробегающих (Зороастрийские тексты... 1997: 119, 282, 299). Физические особенности этого животного – сверхплодовитость, скорость и непредсказуе-

⁹ В своем произведении «Индия» ал-Бируни отмечает и второе название темной части луны – образ гавели.

¹⁰ А. Гарiboldi последовательно рассмотрел появление и применение астральных символов в монетном чекане Ирана и Византии. Их использование наблюдалось также на монетах, выпускавшихся некоторыми правителями Кушаншахра в Бактрии-Тохаристане (Pivar 1968: Pl. V–VIII), правителями Хорезма (Вайнбергер 1977: 28, табл. XXI, XXXIII–XXXIV) и Согды (Смирнова 1981: табл. XXXIII, XXXVI, L, LIV, LXXVI, LXXVIII; Мусакаева 2005: 132–135).

¹¹ Изображения лосей также широко представлены в Дуре Европос, например, на костяной пластинке (Dura Report VII/VIII 1939: 376–381, fig. 85).

мая изменчивость направления при передвижении, способность спать с открытыми глазами и менять пол – привлекали внимание многих древних сочинителей, в том числе и автора V в. Тимофея из Газы (Тигрица и грифон... 2002: 104–109).¹²

В Китае самые ранние изображения зайцев представлены на рукоятки ножа и бронзовой бляшке из могильников Внутренней Монголии (Полидович, Вольная 2005: 435, рис. 2, 16, 19), а также на нефритовом амулете позднего периода, IV в. до н. э. (Layard 1944: fig. 10). Позднее, в эпоху Хань, его изображения встречаются на шелковом стяге в мавандуйском погребении близ Чанша, относимом к началу II в. до н. э. (Крюков, Переломов, Сафронов, Чебоксаров 1983: 13–14, 258, рис. 58),¹³ на керамических плитках, каменных рельефах и керамических основаниях для «денежного дерева», датируемых II в. н. э. (Wu Hung 1987: 25–33, fig. 6–8).¹⁴ В китайской мифологии заяц получает жизненную сущность от луны, где он приготавливает эликсир жизни для Владычицы Запада (Mother-Queen of the West) (Layard 1944: 126–127; Dubs 1942: 232).¹⁵ Более того, в китайском календаре ему отведено место среди знаков Зодиака. В рамках данной работы невозможно осветить весь спектр вопросов, связанных с образом этого животного в индийских и китайских источниках. Важно подчеркнуть, что Бактрия-Тохаристан находится на стыке этих культурных регионов, безусловно влиявших на развитие ее культуры.

Образ зайца помимо публикусных штампованных изображений представлен на произведениях искусства Ирана, близких скифской эпохе (Лукопин 1977: 20–30, 49), и на произведениях собственно скифской эпохи (Полидович, Вольная 2005: 415–436, Руденко 1953: табл. LIV, 6, 8; Scythian Art 1986: табл. 196, 205, 206, 210, 255, 256), на диске из Амударьинского князя (Зеймаль 1979: 44–46; Кузьмина 2002: 202–204, табл. XVI, 4), на стенках шкатулок из слоновой кости, обнаруженных в Тахт-и Сангине (Litvinsky 2001: 137–166, fig. 2, 5, 6; Литвинский 2004: 23–37, рис. 3), на упавшей штукатурке в помещении 32 блока L5 (храм Адониса) в Дуре Европос (Dura Report VII/VIII 1939: 178–179) и в настенной живописи Тавки (Рахманов 2001: 109, рис. 29; Соловьев 2005: 194–195). В эрмитажной коллекции сасанидских резных камней (Борисов, Лукопин 1963: 190–191) заяц изображен на десяти из них, однако, судя по описанию, он не сопровождается никаким астральным символом.¹⁶

Предполагаемая связь образов зайца и луны на зартепийской терракотовой плитке и мотив лунного зайца, отраженный в китайской и индийской мифологиях и упомянутых выше артефактах, позволяют наметить еще одну линию интерпретации для изображений зайца, внезапно появляющихся на произведениях

¹² А. Г. Юрченко, осуществивший перевод, исследование и подготовку текста к изданию, приводит выдержки из разных, преимущественно греко-римских, источников, в которых упоминаются эти отличительные свойства животного. Индийские, китайские и европейские источники о необычных свойствах зайца собраны в работах: Layard 1944; Loewe 1994.

¹³ Заяц на лунном серпе изображен вместе с лягушкой.

¹⁴ Из этих предметов заяц как символ долголетия связан с культом Владычицы Запада Сиванму (Wu Hung 1987: 24–33). О древних корнях, распространении культа этой богини и инкорпорировании его в доэским см.: Dubs 1942: 221–240.

¹⁵ В мифе, изложенном в Хуайнаньцзи (Dubs 1942: 232), страдал И получил эликсир бессмертия от Сиванму, которым без познания воспользовалась его жена – богиня луны Чан-э и отправилась на луну, где и осталась, превратившись в лягушку. Там же находится и заяц, однако сведения о том, каким образом он туда попал, пока не засвидетельствованы.

¹⁶ Кроме того, опубликованы изображения двух зайцев на геммах, хранящихся в Государственном Историческом музее (Захаров 1928: 13, 27, табл. II, V). Одна из гемм (№ 85 каталога) предположительно происходит с территории Афганиста.

искусства скифской эпохи и на диске из Амударьинского клада.¹⁷ В свое время Е. Е. Кузьмина привлекла легенду о герое Хамыше из осетинского эпоса для интерпретации сцены на диске, увязав его с генеалогией скифов (Кузьмина 2002: 202–204).¹⁸ Б. А. Литвинский убедительно показал, что на диске из Амударьинского клада заяц не является предметом охоты, а всадник даже не стремится поразить его (Litvinsky 2001: fig. 9).¹⁹ Это в равной мере касается и всех известных, за исключением некоторых сравнительно ранних скифских, композиций с участием этого персонажа, который всегда остается невредимым, неуловимым и непобежденным. Он не сгорает в огне и перерождается (буддийская мифология), не гибнет трижды достигнутый и до смерти плетью забитый Хамышем, не тонет в воде и перерождается (нартский эпос), изготавливает эликсир жизни (китайская мифология). Заяц не может погибнуть, как не может погибнуть луна, которая может на некоторое время исчезнуть, но непременно появится вновь, причем в разных видах. Именно эти качества являются ключом при интерпретации его образа. На них, как на стержень, нанизываются данные археологических, этнографических, эпических и литературных источников.

Как уже отмечалось, единственное пока исключение представляют раннескифские эпизодические сцены терзания, в которых заяц предстает как жертва (Полидович, Вольная 2005: 421–423, 436). Д. С. Раевский предположил возможность существования в скифской среде представления о том, что принесение в жертву зайца обеспечивало благополучие. На этом основании был реконструирован обычай, «согласно которому встреченный заяц непременно должен быть пойман (resp. принесен в жертву)». В подтверждение такой реконструкции приводится ход рассуждений Хамыща: «упустить зайца – значит потерять свою великую славу», а также «свидетельство Ксенофонта (Сугор, II, 4), что заяц, растерзанный орлом на глазах у отправляющегося в поход войска, был истолкован Киром как доброе предзнаменование». Дополняется этот перечень примером преследования зайца собакой, изображенным в Дуре Европос (Раевский 1985: 63–64). В другом месте работы автор, анализируя композицию на пекторали из Толстой Могилы, вновь отмечает, что мотив преследования (=гибели) животных в нижнем регистре совершается во имя возрождения, процветания, представленного в регистре верхнем» (Раевский 1985: 192). При всей логичности такого толкования двух различных сцен (терзание с последующей гибелью и преследование) остается все-таки ощущение противоречивости, проявляющейся в присутствии в них различных животных и птиц, которые с трудом вписываются в один смысловой ряд зооморфного кода (Раевский 1985: 25–32). Мотив лунного зайца, представленный на зартепинской композиции, недвусмысленно демонстрирует связь животного и светила, обладающих очень близкими качественными им присущими свойствами, явно относящимися к разным кодам – зооморфному и календарно-астральному. Это обстоятельство не исключает трактовки скифских сцен охоты на зайца и его преследования в рамках календарно-астрального кода. По отно-

¹⁷ Образу зайца в скифском искусстве подробно рассмотрен в статье: Полидович, Вольная 2005: 415–436, сопровождающейся обширной библиографией.

¹⁸ В этом издании приводится краткое содержание легенды о Хамыше, сжигавшемся осылками на первоисточники.

¹⁹ Для объяснения этого факта высказывается предположение, что заяц и лиса на стенах пиктулок из Такти Сангина помещаются в композиции для передачи реальности лавашафта. Это предположение обстоятельно аргументировано со ссылками на работы эолологов об ареалах обитания представленных в композициях животных (Litvinsky 2001: 155–156).

шению к эпизодическим сценам терзания и гибели этого персонажа такое толкование также вполне допустимо, учитывая переводы, касающиеся Ниппурского календаря (Емельянов 1999).²⁰ Интересно, что Д. С. Раевский, подводя итоги дискуссии о происхождении Зодиака, вновь возвращается к астрально-календарной интерпретации композиции на зеркале из Келермесского кургана, подтверждая тем самым универсальность календарно-астрологического кода по отношению к скифским космогоническим представлениям (Раевский 1995: 196–197).²¹ В пользу календарно-астрологического кода говорит повторяемость самого образа зайца в разных композициях, которую, вероятно, следует рассматривать как свидетельство периодичности или цикличности. В сложных композициях с участием иных персонажей (например, гон зайца псом или целующийся в него скиф) сюжет, скорее всего, передаст соотношение луны и созвездий в определенные промежутки времени.²² До появления новых более убедительных аргументов хотелось бы избежать спекулятивности построений, однако образ зайца своеобразен, по-видимому, осветить лунным светом предлагаемые интерпретации.

Широкое распространение изображений этого персонажа от Китая до Ближнего Востока, при условии его полного соответствия с лунной, ставит вопрос о взаимоотношениях и взаимовлиянии календарей и временных представлений населения на протяжении не только скифской эпохи, но и в последующие времена.

Соотношение второго животного, представленного на зартепинском изображении, с солярным символом планируется рассмотреть в другой работе. Это относится также и к иным астральным символам, встречающимся на кушано-сасанидских и раннесредневековых штампах (рис. 3). Необходимость такого исследования очевидна и в некоторых отношениях облегчается новыми данными по бактрийскому календарю (Sims-Williams, De Blois 1998: 149–165). Нахождение штампов с астральной символикой в кушано-сасанидских слоях Зартепа, относящихся на уровне современных хронологических разработок к последней трети III–IV в., показывает, что устойчивая традиция их применения сохраняется на протяжении всего этого периода, продолжаясь и позднее.

²⁰ Разделение ниппурского года на два полугодия, засвидетельствованное в ассирских текстах I тыс. до н. э., не исключает подобного несоответствия календарных циклов скифами (Емельянов, 1999: 45 и примеч. 1).

²¹ Для обозначенной в этой работе темы представляют интерес все статьи дискуссии «История Зодиака в истории культуры», опубликованные в № 1 ВДИ за 1995 г. (с. 153–199).

²² Это очень перспективное направление исследования, которое может существенно повлиять на понимание семантики изображений, необходимо развивать с привлечением специалистов по астрономии и астрологии на междисциплинарном уровне.

Абу Рейхан Бируни 1995 – *Абу Рейхан Бируни*. Индия. Репринтное воспроизведение текста издания 1963 г. М., 1995.

Амм. Марцелин – *Аммиан Марцелин*. Римская история / Перевод с латинского А. Ю. Кулаковского и А. И. Соми. СПб., 2000.

Бонгард-Левин, Габов, Кошеленко 2004 – *Бонгард-Левин Г. М., Габов В. А., Кошеленко Г. А.* Открытие митреума в Дуре-Европос и современная митраистика // ВДИ. 2004. № 1. С. 125–157.

Борисов, Луконин 1963 – *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963.

Вайнберг 1977 – *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

- Емельянов 1999 – *Емельянов В. В.* Нинтурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999.
- Завьялов 1979 – *Завьялов В. А.* Раскопки квартала поддвекунанского времени на городище Зар-тепе в 1975–1976 гг. // *СА.* 1979. № 3. С. 141–154.
- Захаров 1928 – *Захаров А. А.* Геммы и античные перетни Государственного исторического музея // *Труды секции археологии научно-исследовательского института археологии и искусствознания.* М., 1928. № 3. С. 3–48.
- Зеймаль 1979 – *Зеймаль Е. В.* Амударынский итад: Каталог выставки. Л., 1979.
- Зороастрийские тексты... 1997 – *Зороастрийские тексты: Суждения духа разума (Далестан-и мес-ни-храд), «Сотворение сановия» (Буздахишн) и другие тексты / Введение, транскрипция текстов, перевод, комментарий и глоссарий О. М. Чузаковой.* М., 1997.
- Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров 1983 – *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. И.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
- Кузьмина 2002 – *Кузьмина Е. Е.* Мифология и искусство скифов и бактрийцев: (Культурологические очерки). М., 2002.
- Литвинский 2004 – *Литвинский Б. А.* Бактрийские шкатулки // *Древности Востока.* М., 2004. С. 23–37.
- Лукини 1977 – *Лукини В. Г.* Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Лукини, Тревер 1987 – *Лукини В. Г., Тревер К. В.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.
- Мусакаева 2005 – *Мусакаева А.* Подражание монетам Асбара // *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого.* СПб., 2005. С. 132–135.
- Пилипо 1985 – *Пилипов В. Н.* Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
- Повидович, Вольная 2005 – *Повидович Ю. Б., Вольная Г. Н.* Образы зарта в скифском искусстве // *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского.* М., 2005. С. 415–436.
- Пугаченкова 1982 – *Пугаченкова Г. А.* Искусство Гандхары. М., 1982.
- Раевский 1985 – *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ирано-алыских народов сарматских степей I тысячелетия до н. э. М., 1985.
- Раевский 1995 – *Раевский Д. С.* История Зодиака: факты, гипотезы, реконструкции // *ВДИ.* 1995. № 1. С. 193–199.
- Рахманов 2001 – *Рахманов Ш. А.* Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Ташкент, 2001.
- Руденко 1953 – *Руденко С. Я.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Смирнова 1981 – *Смирнова О. И.* Сводный каталог сасанидских монет. М., 1981.
- Соловьев 2005 – *Соловьев В. С.* Датировка и интерпретация настенной живописи Тавки // *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого.* СПб., 2005. С. 194–198.
- Тигрица и грифон... 2002 – *Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира / Подготовка текста, перевод и исследование А. Г. Ортенко.* СПб., 2002.
- Bivar 1968 – *Bivar A. D. H.* Kushan and Kushano-Sasanian Seals and Kushano-Sasanian Coins: Sasanian Seals in the British Museum. *CHR*, pt. 3, vol. 6, portfolio 1. London, 1968.
- Dubs 1942 – *Dubs H. H.* An ancient Chinese mystery cult // *Harvard Theological Review.* Cambridge, Massachusetts, 1942. N 35. P. 221–240.
- Dura Report VII/VIII 1939 – *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report. Seventh and Eighth Seasons, 1933–1934 and 1934–1935.* New Haven; London; Leipzig; Prague, 1939.
- Fussman, Le Berre 1976 – *Fussman G., Le Berre M.* Monuments Bouddhiques de la Région de Caboul. *Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan.* Paris, 1976. T. 22.
- Gariboldi 2004 – *Gariboldi A.* Astral symbology on Iranian Coinage // *East & West.* Rome, 2004. N 54. P. 31–53.
- Ghirshman 1946 – *Ghirshman R.* Begram. *Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan.* Caïre, 1946. T. 12.
- Hackin, Carl, Meunier 1959 – *Hackin J., Carl J., Meunier J.* Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933–1940). *Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan.* Paris, 1959. T. 8.
- Layard 1944 – *Layard J. W.* The Lady of the Hare. London, 1944.
- Litvinsky 2001 – *Litvinsky B. A.* The Bactrian Ivory Plate with Hunting Scene from the Temple of the Oxus // *Silk Road Art and Archaeology.* Kamakura, 2001. Vol. 7. P. 137–166.

Loewe 1994 – *Loewe M.* Ways to Paradise. Taiwan, 1994.

Markel 1991 – *Markel S.* The Genesis of the Indian Planetary Deities // *East & West.* Rome, 1991. N 41. P. 173–188.

Scythian Art 1986 – *Scythian Art. The Legacy of the Scythian world: mid-7th–3rd century B. C.* Ленинград, 1986.

Sims-Williams, De Blois 1998 – *Sims-Williams N., De Blois F.* The Bactrian Calendar // *Bulletin of the Asia Institute. New Series.* 1998. Vol. 10. P. 149–165.

Wu Hung 1987 – *Wu Hung.* Xiwangmu, the Queen Mother of the West // *Orientalism.* 1987. P. 24–33.

Zavyalov 1994 – *Zavyalov V. A.* Zar-tepe: a kushanian town in Southern Uzbekistan // *New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia.* Sankt-Petersburg, 1994. P. 67–74.

РАСКОПКИ ИЖОРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ В БАССЕЙНЕ РЕКИ НЕВЫ

П. Е. СОРОКИН

Освоение Приневыя остается одной из проблем археологии Северо-Западного региона. Из документов XII–XV вв. известно, что в средневековье Нева являлась важнейшим участком международного водного пути, связывавшего Балтийский регион с Восточной Европой, и ее бассейн был заселен финским племенем ижора.

Однако, в отличие от соседних Ижорского плато, Нижнего Поволжья и Карельского перешейка, средневековые археологические памятники на территории Приневыя почти неизвестны. Существование оседлости в бассейне р. Невы подтверждается случайными находками украшений прибалтийско-финских типов XII–XIV вв., происходящих, вероятно, из разрушенных погребений ижоры. Первая систематизация этих находок, обнаруженных у деревень Войскорова, Мишкина, Колтуши, Пупышево, принадлежит А. М. Тальгрэну, который относил появление ижоры в Прилесье к 1050–1100 гг. и отмечал недостаток источников для решения проблемы этногенеза этого народа (Tallgren 1938).

Впоследствии с ижорой были связаны грунтовые могильники, обнаруженные на территории по южному берегу Финского залива и в бассейне Невы (рис. 1). Среди них изученные могильники в Усть-Рудице и в Гатчине, а также известные только по случайным находкам захоронения в Верхней Рудице, Ропше, Карлино, Реполке, Лезье, Красном селе (Седов 1953: 200–202).

По мнению Е. А. Рябининой, анализ археологических материалов, происходящих с территории Ижорской земли, показывает наличие здесь финно-угорского населения с конца XII или даже XIII в., то есть со времени первых письменных упоминаний ижоры. При этом набор представленных здесь вещей карельского облика XIII–XIV вв. служит подтверждением достаточно позднего обособления ижорского племени из древнекарельской общности (Рябининой 1997: 60–81, рис. 19, 20).

В 1980–1990 гг. О. И. Коньковой было исследовано несколько новых грунтовых могильников, связываемых с ижорой, в западной части Ленинградской области на побережье Финского залива (Конькова 1985: 74–76; 1990; 1995). По мнению исследовательницы, различия погребальной обрядности ижоры и карелы «не дают возможности рассматривать ижору как отделившуюся часть древних карел». В отличие от трупосожжения на каменной вымостке с устойчивым набором погребального инвентаря, бытовавшего у древней карелы, для ижоры были характерны безынвентарные трупосожжения в неглубоких ямах, без каких-либо каменных конструкций, имеющие аналоги в Восточном Припаровье и Северном Причудье в X–XI вв. На основании археологических, антропологических и лингвистических данных был сделан вывод об относительной автохтонности ижоры, издавна занимавшей землю на южном берегу Финского залива, а также о неправомерности определения территории расселения ижоры к югу от Невы по ареалу распространения древнекарельских типов вещей. Эти находки, по мнению исследовательницы, следует связывать «с экспансией яркой и сильной карельской культуры», проявляющейся в этот период и на других территориях (Конькова 1995: 49–55).

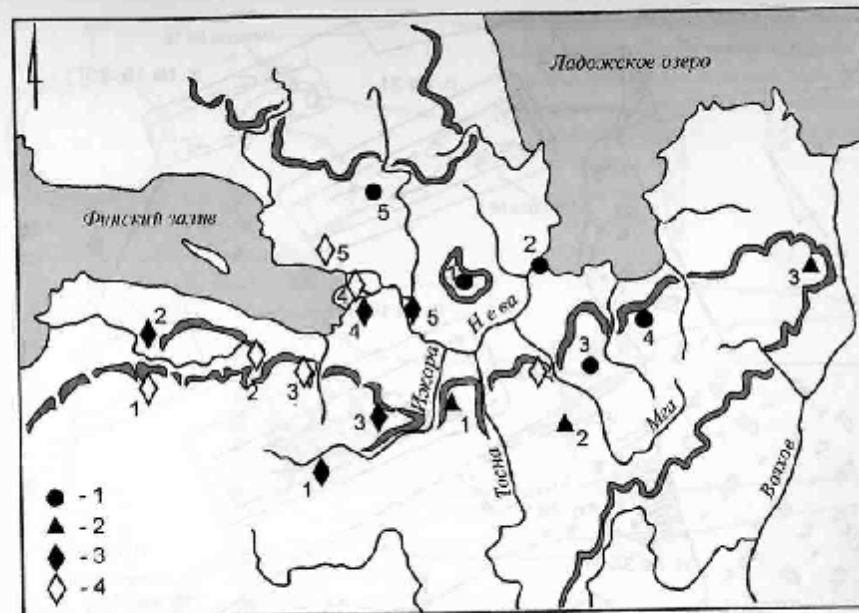

Рис. 1. Средневековые памятники на территории Приневыя, связываемые с ижорой: 1 – случайные находки с вещами прибалтийско-финских типов (1 – Колтуши, 2 – Орешек, 3 – Мишкина, 4 – Путилово?); 2 – грунтовые могильники с вещами прибалтийско-финских типов XII–XIV вв. (1 – Войскорова, 2 – Карлино, 3 – Пупышево); 3 – грунтовые могильники XIV–XVII вв., исследованные археологами (1 – Гатчина, 2 – Усть-Рудица, 3 – Павловск, 4 – Фонтанка, 5 – устье Охты); 4 – грунтовые могильники, не исследованные археологами (1 – Верхняя Рудица, 2 – Ропша, 3 – Красное село, 4 – Стрелка Васильевского острова, 5 – Лахта)

В 1990–2005 гг. в процессе работ Санкт-Петербургской археологической экспедиции было выявлено и частично исследовано несколько новых разрушенных грунтовых могильников на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей: на левом берегу р. Фонтанки (двор Шереметевского дворца), у устья р. Охты, при слиянии рек Тызвы и Славянки (Павловск), на Стрелке Васильевского острова. Было также начато изучение средневекового ижорского могильника в бассейне р. Мга у дер. Кирсино.

Наиболее подробно был изучен грунтовый могильник на р. Фонтанке (рис. 2). Здесь были исследованы останки 31 захоронения, сохранившиеся в различной степени. В основном большинство из них укладывается в три стратиграфических яруса, однако местами было прослежено до пяти ярусов погребений.

Все погребенные, где это возможно было проследить, имели традиционную христианскую ориентировку головами на запад или с незначительными отклонениями от этого направления. Могильные ямы с закругленными краями, вырытые в песке, были заглублены от уровня древней дневной поверхности на 0,30–0,95 м. Каких-либо следов насыпей или надмогильных сооружений проследить не удалось. В засыпке погребений всех ярусов обнаружены фрагменты керамических сосудов. На краю некоторых могильных ям прослежены следы кострищ, имеющих, вероятно, ритуальный характер.

Основная часть сохранившихся захоронений находилась в деревянных гробах, меньше было захоронений без каких-либо следов погребальных конструкций

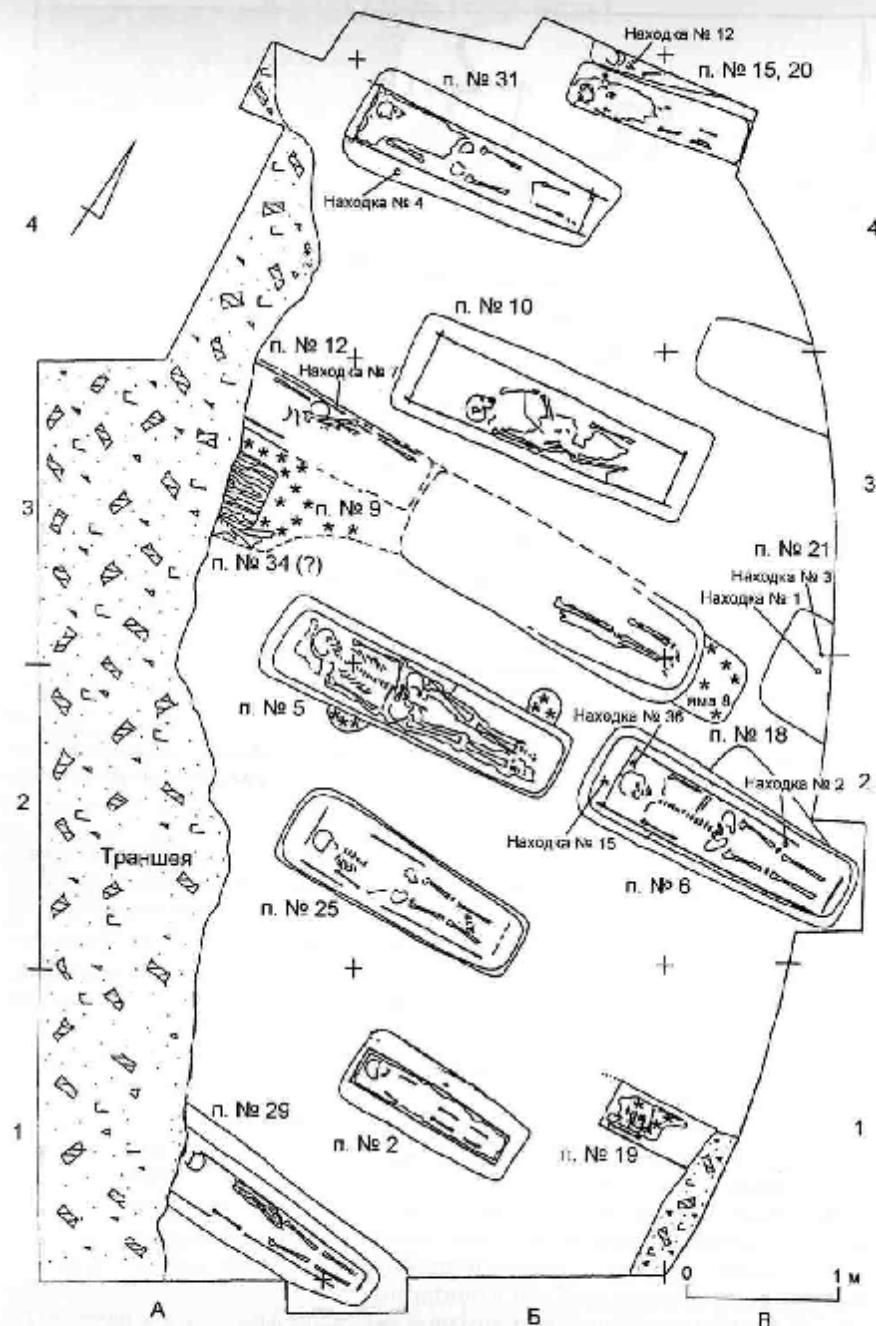

Рис. 2. Захоронения 2-го яруса могильника на левом берегу р. Фонтанки

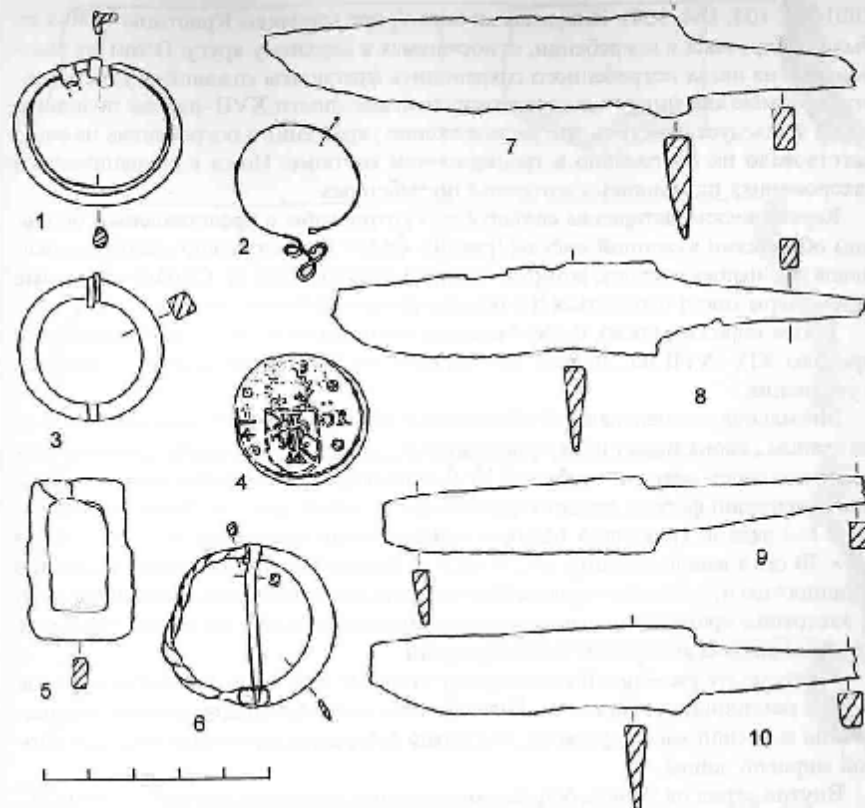

Рис. 3. Археологические находки из могильника на левом берегу р. Фонтанки: 1, 6 – фибулы подковообразные, бронзовые; 2 – сережка бронзовая; 3 – кольцо железное; 4 – шведская монета королевы Кристины (1630-е гг.), медная; 5 – пряжка железная; 7–10 – ножи железные

вообще, четыре погребения были совершены в деревянных долбленых колодах. Как в гробах, так и в колодах прослежены остатки крышек. Все погребения в колодах относятся к первому (верхнему) ярусу могильника, датируемому XVI–XVII вв. Захоронения без каких-либо следов погребальных конструкций и в деревянных гробовинах, так же как и скреплявшие их железные гвозди, встречены во всех стратиграфических ярусах.

В составе вещевого инвентаря погребений: четыре железных ножа, прямоугольная железная пряжка и круглое ременное кольцо, не имеющие узких дат.

Украшения представлены бронзовыми предметами (рис. 3). Это две подковообразные фибулы и сережка с тремя колечками на окончании, выполненными в виде плетеньки. Сходные по форме сережки имеются в Золотоордынском Поволжье в г. Укек, где они датируются XIV в.¹ (Nedashkovsky 2004: 24, 25).

Бронзовые подковообразные фибулы имеют аналогии в курганно-жальничных погребениях Ижорского плато последней четверти XIII–XV вв. (Рябинин

¹ Любезное сообщение Ю. М. Лесмана.

2001: 97, 104, 164, 166). Шведская монета $\frac{1}{4}$ оре королевы Кристины 1630-х гг. была обнаружена в погребении, относящемся к верхнему ярусу. В том же захоронении на ногах погребенного сохранились фрагменты кожаной обуви, реконструируемые как типичные западноевропейские сапоги XVII–первой половины XVIII в. Следует отметить, что расположение украшений в погребениях не соответствовало их положению в традиционном костюме. Ножи в сохранившихся захоронениях находились у изголовья погребенных.

Керамические материалы сильно фрагментированы и представлены в основном обломками кухонной посуды (рис. 4). Среди них встречено несколько венчиков и донышек сосудов, которые датируются XVI–XVII вв. Однако отдельные экземпляры могут относиться и к более раннему времени – вплоть до XIV в.²

Таким образом, время существования могильника в целом укладывается в пределы XIV–XVII вв., однако дата начала его функционирования нуждается в уточнении.

Могильник, исследованный в бассейне р. Мги, располагается на опушке леса на южном склоне моренной возвышенности, недалеко от озера. В процессе раскопок под слоем дерна на глубине 0,10–0,40 см вскрыты каменные оградки овальной и круглой формы, соединившиеся между собой (рис. 5). Они были сложены в 1–3 ряда из гранитных валунов и булыжников размерами от 10 × 15 см до 50 × 70 см и имели диаметр от 2,8 до 5 м. Камни были уложены на подсыпке (мощностью 0,1–0,3 м) из супеси бурого цвета с включениями древесного угля. В настоящее время основные части оград вскрыты под дерном, лишь отдельные крупные валуны выступают на поверхности.

В результате раскопок было вскрыто частично или полностью семь оградок (I–VII) различной сохранности. Значительная часть выкладок, особенно в восточной и южной частях раскопа, оказалась разрушена перекопами времен второй мировой войны.

Внутри оград на уровне основания каменных выкладок, на глубине от 0,25–0,30 м до 0,50 м, в слое бурой супеси обнаружены наборы вещевого инвентаря. В ограде I находились два комплекса находок. В северо-восточной части ограды на глубине 0,25–0,30 м от современной дневной поверхности были обнаружены меч, топор, наконечник копья и коса (рис. 6), выложенные в одну линию по направлению юго-юго-восток–северо-северо-запад. Западнее их находились железный котел и керамический горшок, южнее – железный нож и серебряная подковообразная фибула. В разных местах встречались фрагменты керамических сосудов.

В юго-западной части ограды – примерно в 1,5 м от первого комплекса, на той же глубине от современной дневной поверхности, было выявлено скопление женских украшений и вещей (рис. 7), также вытянутое с юго-востока на северо-запад. Среди украшений были бусы: сердоликовая, золотостеклянные, сербробеклянные, а также западноевропейский серебряный денарий с прикрепленным ушком. Далее располагались две бронзовые овальновыпуклые фибулы, три трапециевидных и крупный ажурный цепедержатели, серебряный широкопластинчатый перстень, фрагменты витой шейной гривны и бронзовых спиралек. Здесь же найден железный нож с деревянной рукояткой, украшенной бронзовой оковкой.

Расположение предметов в комплексе в основном соответствовало их традиционному положению в костюме, однако все они несколько смещены со своих

² Определение кожаной обуви было сделано А. В. Курбатовым, керамических материалов – В. И. Кильдюшевским.

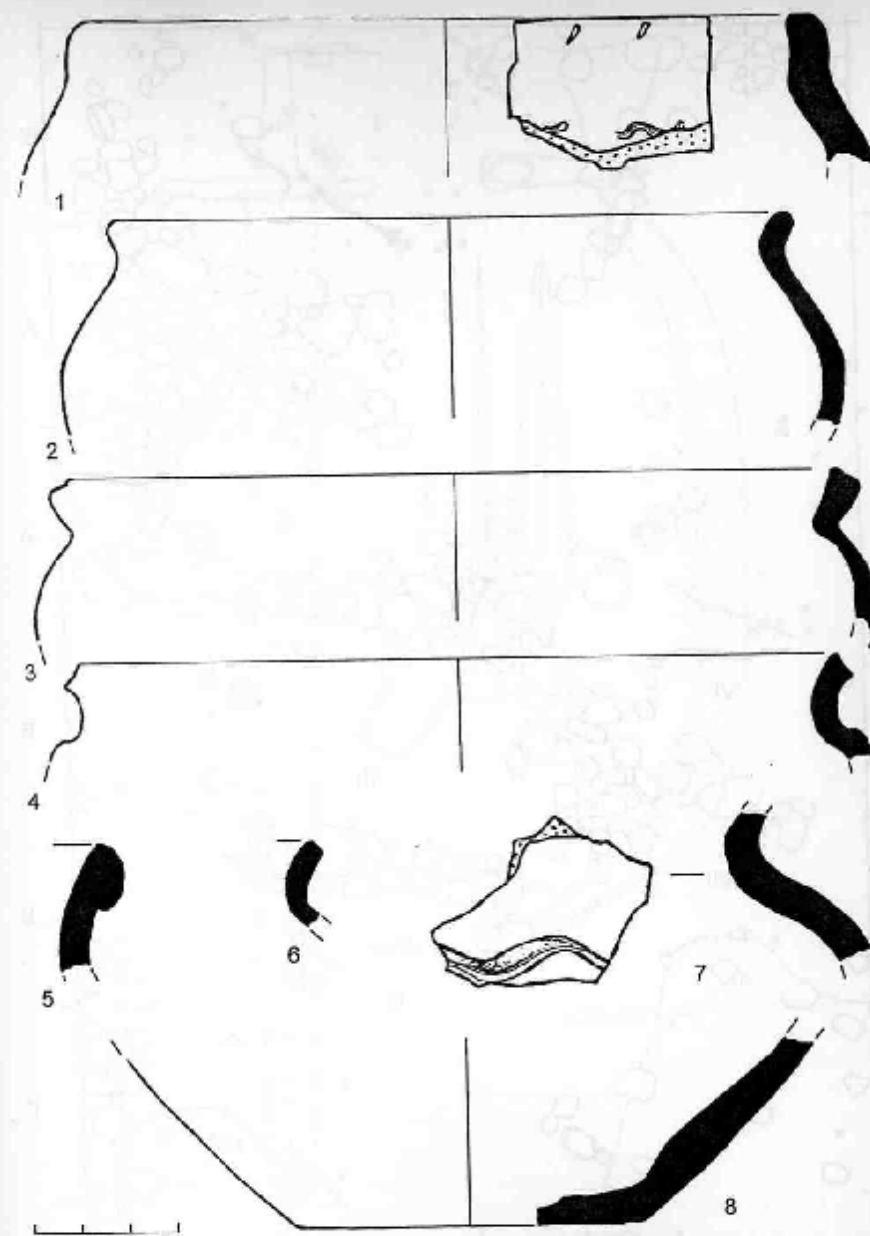

Рис. 4. Керамические материалы из могильника на левом берегу р. Фонтанки

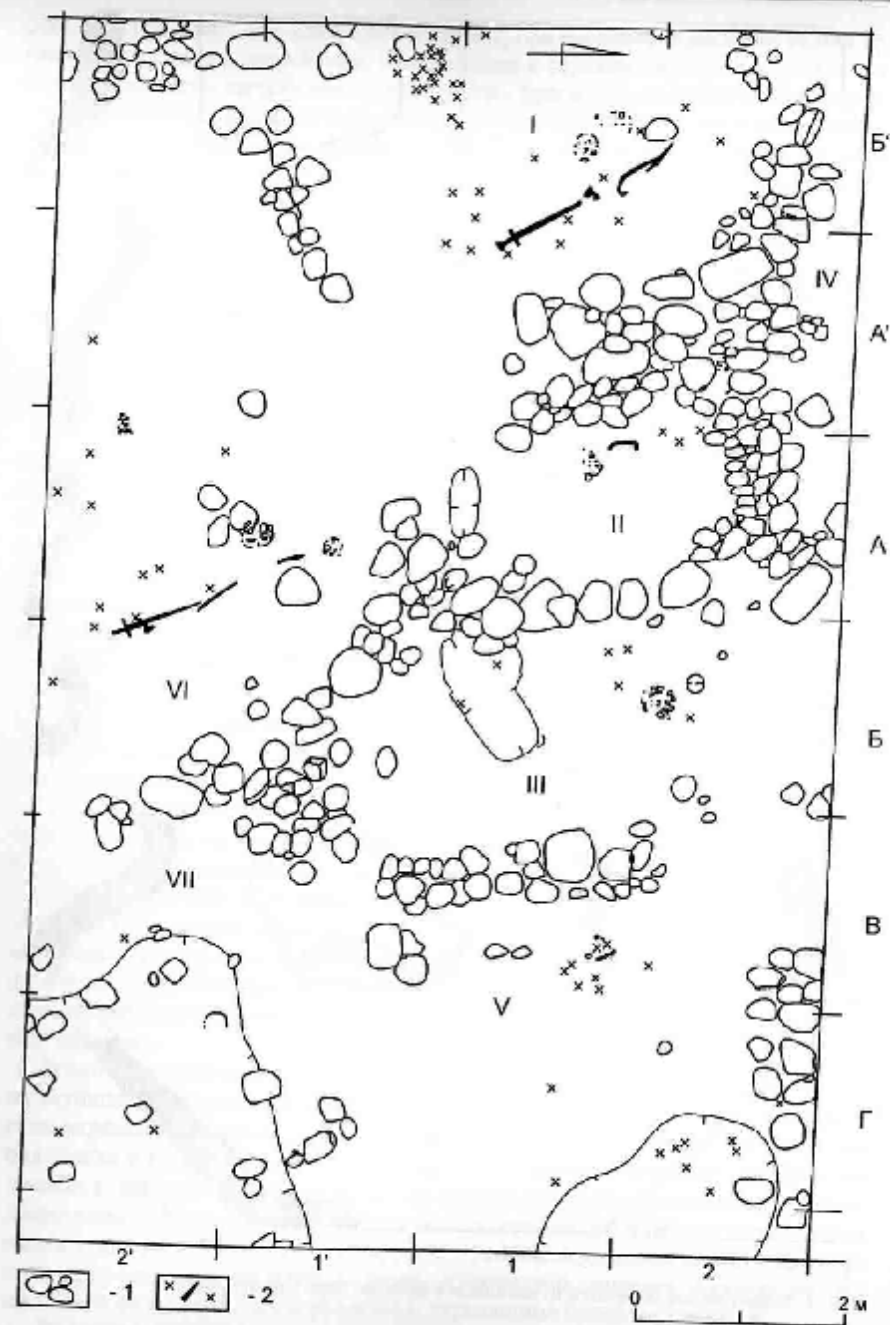

Рис. 5. План раскопанной части могильника у дер. Кирсино. условные обозначения: 1 – каменные кладки; 2 – находки

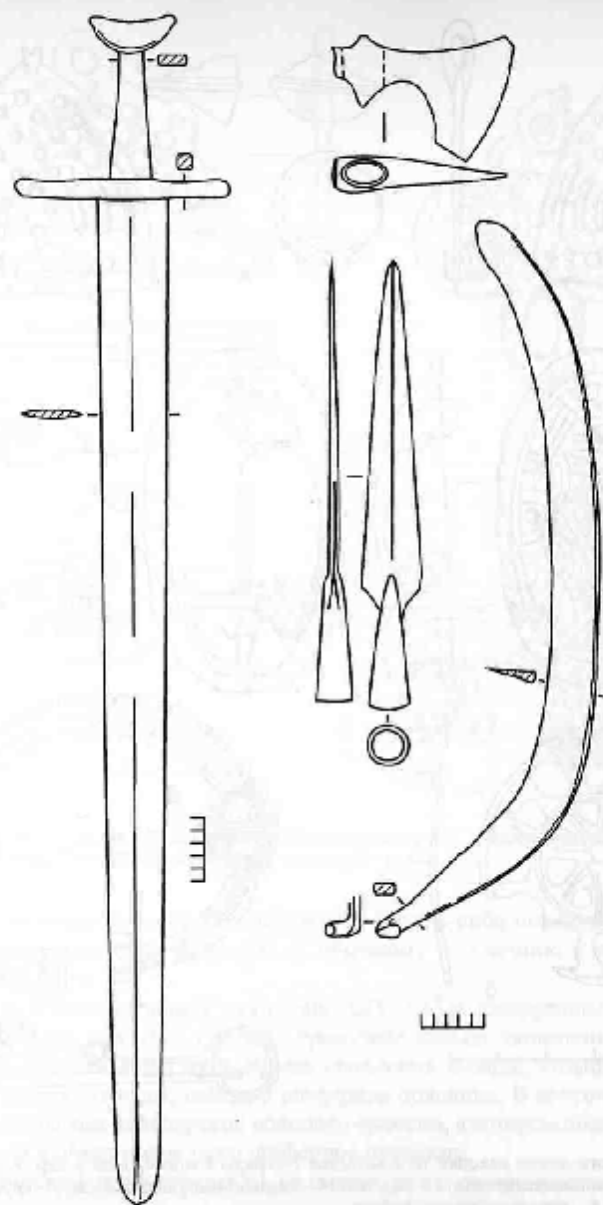

Рис. 6. Археологические находки из ограды 1 могильника у дер. Кирсино: комплекс 1 – меч, топор, наконечник копья, коса

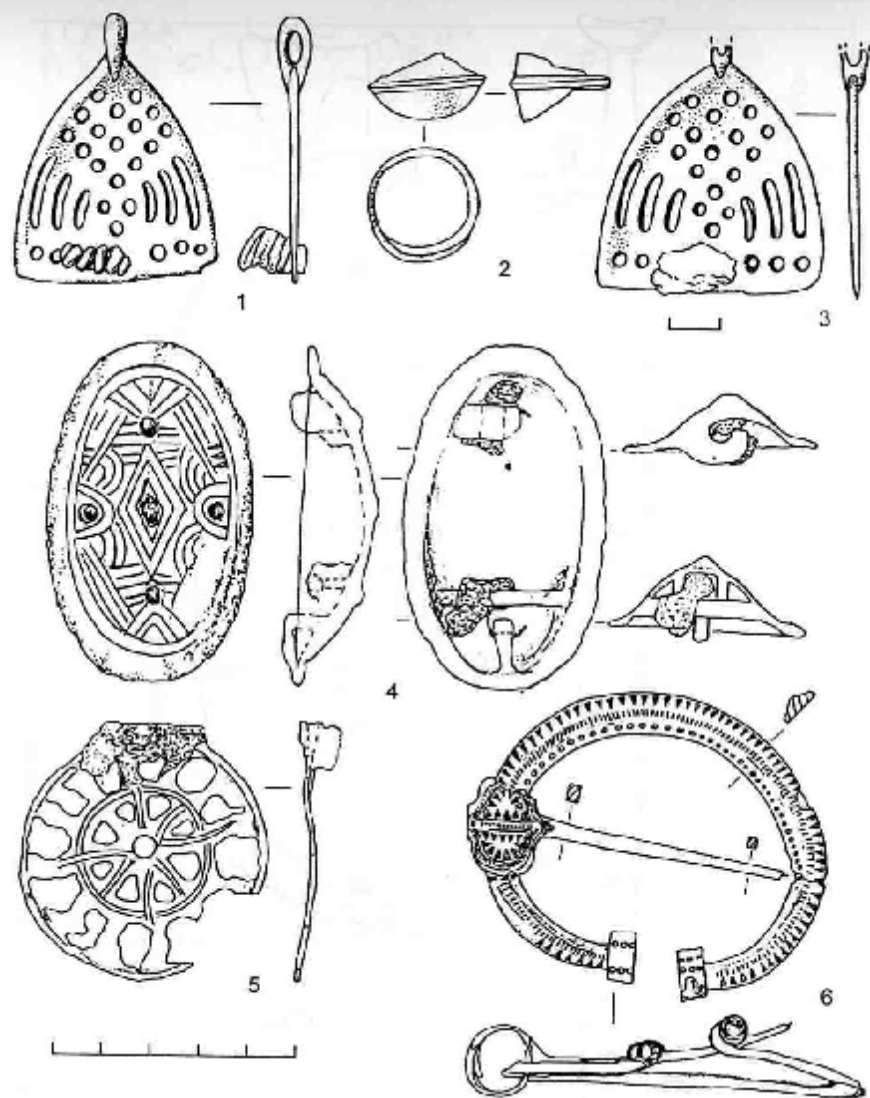

Рис. 7. Археологические находки из комплекса 2 ограды I могильника у дер. Киришо: 1, 3 – подвески-цепедержатели; 2 – перстень; 4 – свально-выпуклая фибула; 5 – круглый цепедержатель; 6 – подковообразная фибула

обычных мест. В северо-западной части ограды обнаружена округлая яма диаметром 0,26 м, возможно столбовая. Яма была заглублена на 0,72 м от современной поверхности. В основании ее зафиксировано скопление древесного угля.

Некоторые из комплексов в прошлом были разграблены. В пределах ограды II, западной части, на глубине 0,25–0,30 м зафиксированы развал горшка и железная коса. Внутри ограды III на глубине 0,20–0,45 м находился комплекс находок: развал горшка; подвески конск и уточка; игольник; цепедержатели, украшенные

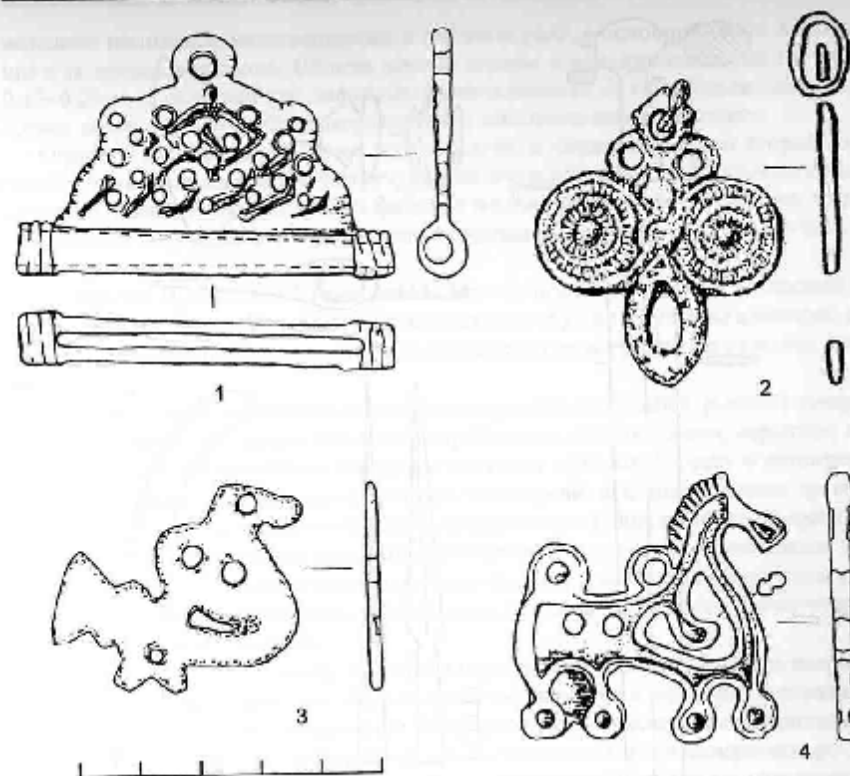

Рис. 8. Археологические находки из ограды III могильника у дер. Киришо, бронзовые предметы: 1 – игольник; 2 – цепедержатель; 3 – уточка; 4 – конск

концентрическими кругами; оселок (рис. 8). Какого-либо порядка в расположении украшений, соответствующего их обычному положению в костюме, проследить не удалось.

В западной части ограды V на глубине 0,28–0,45 м обнаружены развал горшка, нож, кремь, овальное кресало, бронзовое кольцо, оплетенное спиралью. К северо-востоку от комплекса вблизи скопления камней, возможно остатков северного участка ограды, найдено шиферное пряслице. В восточной части по границе раскопа выявлен черепок военного времени, в котором обнаружены подковообразная фибула и еще одно шиферное пряслице.

В центральной части ограды VI, со смещением к северо-востоку, на глубине 0,40–0,50 м прослежен комплекс предметов мужского погребения, выложенных в направлении юго-юго-восток–северо-северо-запад в следующем порядке: меч, на нем топор, обращенный лезвием вниз, далее коса, опущенная вертикально пяткой в яму, в 0,40 м от нее наконечник копья (рис. 9) и перевернутый медный котелок. К западу от этих предметов находился развал горшка, южнее – оселок, кремневый отщеп, наконечник стрелы.

В 0,8–1,2 м от первого комплекса находок в юго-западном направлении на глубине 0,44–0,45 м найдены развал керамического сосуда, сердоликовая бусина, бронзовая подвеска и шиферное пряслице. Вероятно, это остатки второго

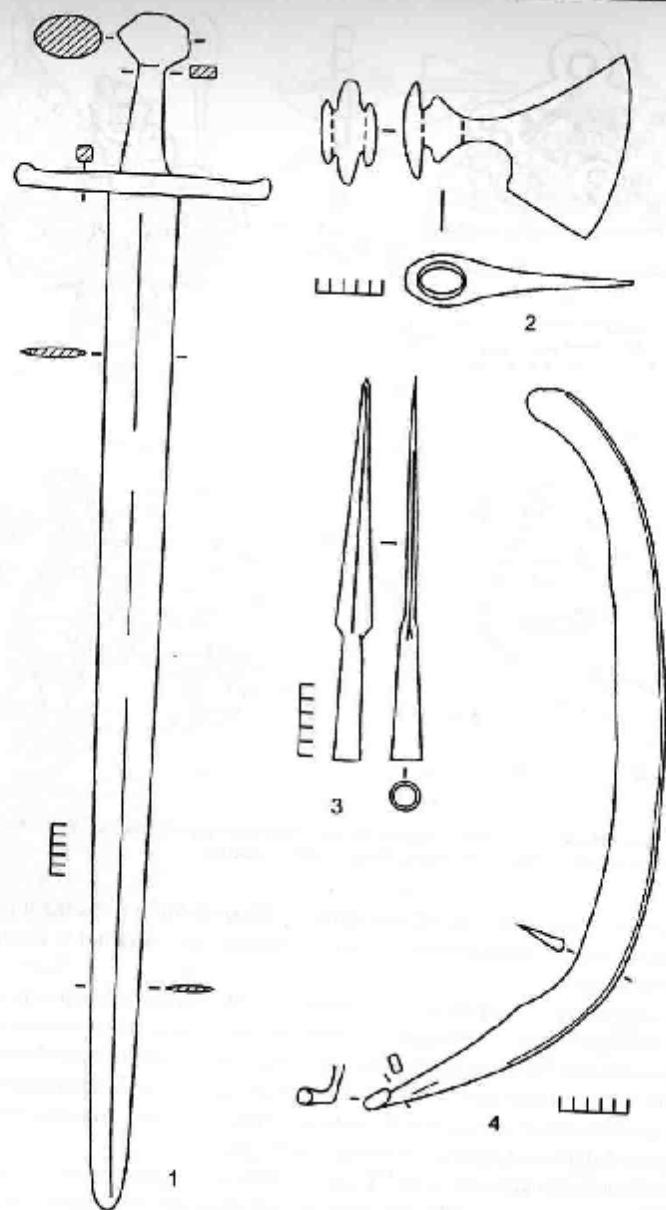

Рис. 9. Археологические находки из ограды VI могильника у дер. Киршино — меч, топор, наконечник копья, коса

женского комплекса, находившегося в той же ограде, в основной части выходящего за пределы раскопа. Вблизи центра ограды в верхних слоях, на глубине 0,15–0,20 м от поверхности, зафиксировано скопление из трех булыжников, которые, возможно, служили поверхностным обозначением комплексов.

Ограда VII сохранилась хуже остальных из-за перекопа времен второй мировой войны. В пределах реконструируемого абриса ограды были найдены фрагменты керамики, подковообразная фибула и железный топор. В тех случаях, когда эти находки не попадали в перекоп, они находились на глубине около 0,30–0,35 м от поверхности.

В оградах II, III, IV, VI прослежены ямы неправильной формы, близкой к овальной. Они были смещены по отношению к центру и заглублены в материк до 0,85 м от современной поверхности. В заполнении их встречены включения древесного угля.

Судя по всему, раскопанный памятник представляет собой родовой некрополь средневековой ижоры. Останки погребенных, находившиеся, вероятно, на уровне оснований каменных оградок и вещевых находок, то есть в непосредственной близости от поверхности земли, не сохранились. Возможными причинами этого могут быть как особенности обряда этих захоронений, так и природные факторы — специфика почв или уничтожение их дикими животными. По заключению почвоведов, супесчаные грунты, в которых были обнаружены находки, имеют высокую степень кислотности, что способствует быстрому разрушению костных материалов.³

Комплексы находок, обнаруженные в оградках на уровне основания камней, могут быть разделены по составу предметов на женские и мужские. В оградах I и VI находились парные комплексы. По расположению вещей здесь прослеживается ориентировка погребений по линии юго-юго-восток северо-северо-запад. Судя по положению мечей, погребенные должны были лежать головами на юго-юго-восток. Женские вещи были прослежены в оградах II, III, V, мужские — в ограде VII.

Захоронения совершались на специально подготовленных насыпных погребальных площадках, которые обкладывались камнями. После совершения захоронений они, вероятно, присыпались землей. Выявленные в процессе раскопок ямы могут быть связаны с выборкой грунта и камней для погребений, а также с поздними грабительскими перекопами. Значительные включения древесного угля в ямах и в слое засыпки, вероятно, свидетельствуют о ритуальных кострищах на месте захоронения. Какие-либо следы деревянных конструкций, кроме столбовой ямы в ограде I, на исследованной площади проследить не удалось.

Наибольшее количество вещевых материалов сохранилось в оградах I, III и VI, что позволяет более точно датировать эти погребения. Меч из комплекса I ограды I с навершием рукояти в виде полумесяца и прямым перекрестьем принадлежит к романским одноручным мечам и может быть отнесен к типу III, по А. Н. Кирпичникову. Датировка таких мечей на территории Руси — XII первая половина XIII в., в Западной Европе они встречаются достаточно редко и датируются последней четвертью XII—первой половиной XIII в. (Кирпичников 1966а: 54). Наконечник копья с широким пером удлиненно-треугольной формы относится к типу III, датируемому XI–XII вв. (Кирпичников 1966б: 309). Секира с двумя парами боковых щекавиц относится к типу VI, по А. Н. Кирпичникову. Такие топоры датируются концом X–XI в.

³ Определение М. Надлорожской.

Две овально-выпуклые фибулы с цилиндрическими выступами – так называемые кнопочные находились в составе комплекса 2 ограды I. Аналогичные фибулы найдены в Колтунах и в Юго-Восточном Приладожье. Фибулы типа А, по Ю. Айлио, – первой половины XI в., в литературе получили название карельские (Айлио 1922: 69, 81; Рябинин 1997: 66). Значительная часть этих украшений обнаружена в курганах Юго-Восточного Приладожья, где датируется X–началом XI в. С. И. Кочкуркина связывает их происхождение с этим регионом, считая, что они возникли на основе скандинавских прототипов (Кочкуркина 1982: 103).

Треугольный ажурный цепедержатель, аналогичный трем цепедержателям из комплекса 1 ограды I, известен среди прибалтийско-финских древностей в могильнике Беседа на Ижорском плато (Рябинин 1997: 30, рис. 5, 12). Пластинчатые широкосередишпые перстни с незамкнутыми концами датируются по новгородским аналогиям временем до 1313 г. (Лесман 1984: 135). Карельская серебряная подковообразная фибула также может быть датирована 1100–1250 гг., по Х. Салмо (Кочкуркина 1982: 99). Серебряный денарий с изображением замка с двумя башнями и собором в центре на аверсе и головы императора в короне на реверсе отчеканен в Магдебурге при Конраде II (1024–1039, император с 1027 г.) или при Генрихе IV (1056–1106, император с 1084 г.).⁴ Таким образом, монета имеет очень широкую дату: со второй четверти XI–до начала XII в. В целом, погребения в ограде I могут быть отнесены к XII–первой половине XIII в.

Меч из комплекса 1 ограды VI с навершием рукояти в виде многогранника, близкого линзовидному, относится к типу V, по А. Н. Кирпичникову. В Западной Европе мечи этого типа датируются 950–1250 гг., хорошо датированные образцы относятся ко второй половине XII–первой половине XIII в. В России такие мечи известны в комплексах XII–XIII вв. (Кирпичников 1966а: 54).

Происходящий из этого же комплекса наконечник копья с широким пером удлинненно-треугольной формы относится к типу III, датируемому XI–XII вв. (Кирпичников 1966б: 309). Топор типа IV, по А. Н. Кирпичникову, с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щекавиц и удлиненным вырезным обухом датируется X–XII вв. (Кирпичников 1966б: 310). Таким образом, в целом комплекс вооружения может быть отнесен к XII–первой половине XIII в.

В ограде III также был найден комплекс интересных находок. Два цепедержателя, украшенные концентрическими окружностями, не имеют точных аналогий. Близкие им по форме и декору спиральные цепедержатели относятся к варианту 2 типа I, по С. И. Кочкуркиной, датируемому XII–первой половиной XIII в. (Кочкуркина 1982: 113). В числе зооморфных подвесок – плоские литые конек и две уточки. Конек с закрытой частью без уздечки имеет на груди большую спиралеобразную прорезь и две прорези над ногами. Л. А. Голубева относит подобные экземпляры к XII в. (Голубева 1979: 38–39). По типологии Е. А. Рябинина, это тип XIII, вариант 2, который датируется по комплексам XII–XIII вв. (Рябинин 1981: 28).

Плоские прорезные подвески-уточка с двумя лапками относятся к варианту 1 типа I, который появляется в Юго-Восточном Приладожье во второй половине X в. и доживает до XII в. (Голубева 1979: 21). По типологии Е. А. Рябинина, это пластинчатые изображения одноглавых птиц – тип I, вариант 2, известные в Приладожье, Костромской области и в Новгороде в комплексах конца XI–XII в. (Рябинин 1981: 15–16).

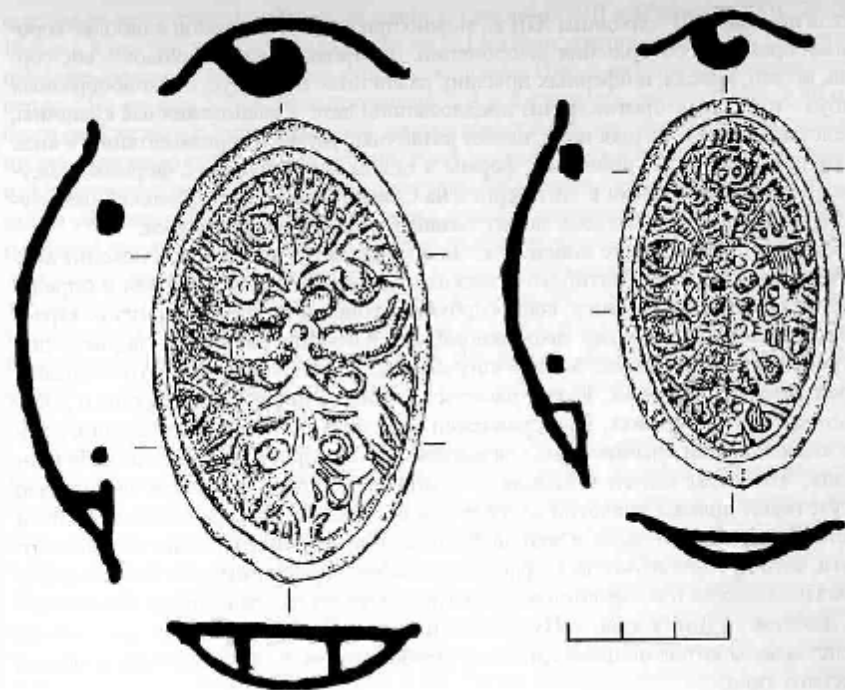

Рис. 10. Случайные находки с территории могильника у дер. Кирсино – овально-выпуклые фибулы

Аналогия горизонтальному игольнику с ажурным подтреугольным щитком имеется в Юго-Восточном Приладожье в захоронении Новинка 14 XI–XII вв. В других местах подобные игольники встречаются и в XIII в. (Кочкуркина 1989: 281).

Две пары овально-выпуклых фибул происходят из числа случайных находок, обнаруженных на месте раскопок ранее (рис. 10). В их составе две парные фибулы с зооморфным орнаментом – тип C2/4, по Э. Линтури. Традиционно фибулы типа C2 датируются XII–XIII вв. При этом вариант C2/4 представляет более раннюю степень развития этого типа (Линтури 1984: 149–152).

Еще один набор – фибулы с изображением клешней рака типа II, по Ю. Айлио, – датируются им XI–XIII вв. Согласно типологии П.-Л. Лехтосало-Хиландер, такие фибулы – пирокис с закругленными концами – относятся к типу IIА, распространенному в первой половине XII в. (Lehtosalo 1966: 39). По мнению С. И. Кочкуркиной, бытование таких украшений в XI в. сомнительно. При этом, судя по находкам в Тиверске и Орешке, в этом регионе они используются до первой четверти XIV в. (Кочкуркина 1982: 108).

Значительная часть обнаруженных типов вещей представлена в памятниках Юго-Восточного Приладожья, где появляется не позднее XI в. Однако исчезновение их в этом регионе связано в основном не с окончанием бытования вообще, а с прекращением использования в качестве погребального инвентаря в связи с изменением обряда (Богуславский 1991).

Находки, обнаруженные в погребениях у дер. Кирсино, в целом датируются XI–XIII вв. Однако, учитывая, что бытование большей части этих вещей не выхо-

⁴ Определение сотрудника Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа К. М. Чернышева.

дит за пределы XII–середины XIII в., можно признать этот период наиболее вероятным временем совершения захоронений. Датировка других находок – кос-горбуш, ножей, кресал, шиферных пряслиц, различных типов бус, подковообразных фибул – в целом не противоречит предложенной дате. Красноглиняные кувшины, представленные в погребениях, имеют различных размеры, орнаментацию в виде прямых и волнистых полос. Их формы в целом сопоставимы с формами сосудов, распространенными в этот период на Северо-Западе Руси. Дальнейшее изучение находок из комплексов может позволить сузить их датировки.

Состав погребального инвентаря, обнаруженного в комплексах, находит аналогии в соседних прибалтийско-финских культурах, однако имеются и определенные различия. Например, косы-горбуши и горшки на Ижорском плато характерны только для женских захоронений, а в Юго-Восточном Приладожье они встречаются крайне редко. Мечи в погребениях этого времени известны только в карельских могильниках. Котлы распространены в погребениях карелы и Юго-Восточного Приладожья. При сравнении Кирсинского комплекса находок с ранее выявленными древностями, связываемыми с ижорой, обращает на себя внимание, что типы вещей в основном совпадают. При этом почти полностью отсутствуют прямые аналогии конкретным предметам. По сравнению с другими местонахождениями здесь в меньшей степени представлены вещи карельского круга, зато присутствуют зооморфные подвески, характерные для Юго-Восточного Приладожья и более восточных регионов финского расселения. В комплексах находок из Войскорова и Пупышево помимо типичных финских украшений представлены витые шейные гривны и ромбоштитковые височные кольца новгородского типа.

В Кирсинских комплексах такие типичные древнерусские предметы отсутствуют, однако имеются вещи, принадлежащие древнерусской культуре в целом: золотостеклянные и серебростеклянные бусы, широкопластинчатый перстень, шиферные пряслица. Обращает на себя внимание значительное количество в составе погребального инвентаря орудий труда, бытовых вещей и предметов вооружения. Ранее подобные находки – наконечник копья, топор и медный котел – были найдены в Войскорова, а медный котел – в Мишкине.

Среди ранее известных ижорских среднесековых древностей на территории Принсвья и Южного Приладожья костные останки погребенных были зафиксированы только в двух случаях – в Войскорова и в Пупышево. При этом обряд захоронений подробно не был зафиксирован.

Ямные захоронения XI–XVII вв. вблизи побережья Финского залива, интерпретируемые как ижорские, значительно отличаются от кирсинских захоронений как по обряду, так и по сопровождающему инвентарю. На основании их изучения была высказана гипотеза о том, что древние захоронения ижоры представляли собой поверхностные безинвентарные кремации. Была предложена также общая схема эволюции погребального обряда ижоры с XI–XII вв. до XVI–XVIII вв., характеризующаяся увеличением глубины труположений, изменением ориентировки погребенных с северной на западную, появлением на поздних этапах гробовищ, колод, а также поверхностных каменных обкладок. В погребальном инвентаре ранних захоронений присутствуют железные ножи и фибулы, режущее оружие, украшения и бытовые предметы, фрагменты керамики. Позднее инвентарь становится беднее – встречаются железные ножи, иногда монеты и бронзовые нательные кресты, очень редко украшения (Конькова 1995: 45–46).

Прямые аналогии погребальному комплексу у дер. Кирсино пока неизвестны. Близкие по типу подкурганые погребения на горизонте были достаточно

широко распространены в Волдской земле до середины XIII в. (Рябинин 2001: 29, 30, 104) и в Юго-Восточном Приладожье до XII в. (Кочкуркина 1989: 288). При этом наиболее близки по конструкции курганы-жальники Ижорского плато последней четверти XIII–начала XIV в. Они достигали 2–4 м в диаметре, высоты 0,20–0,80 м и были окружены кладкой из валунов, внутри которой находилась погребальная площадка. Однако, в отличие от поверхностных захоронений в Кирсинском комплексе, в курганах-жальниках захоронения производились в ямах глубиной 0,20–0,60 м. Система связанных между собой каменных оградок жальничного типа, перекрытая овальной насыпью размерами 5 × 6 м, высотой 0,5 м, была исследована у дер. Беседа. Однако захоронения здесь также были ямные, и каменные выкладки окружали только эти ямы, как и в других жальниках (Рябинин 2001: 30). Жальничные захоронения появляются во многих районах Новгородской земли еще в XI–XII вв., но наибольшее распространение они получают в XIII–XIV вв. Жальничным обрядом соответствовал тогдашним церковным представлениям о погребальном ритуале для провинции (Мусин 2002: 205).

Захоронения с каменными выкладками достаточно широко представлены во многих регионах расселения прибалтийских финнов с раннего железного века. Эстонские каменные могильники, характеризующиеся системой каменных кладок с поверхностными трупосожжениями, а на последнем этапе и труположениями, с богатым вещевым материалом, доживают до XIII в. (Селов 1987: 16–18). Сходные погребальные традиции существовали и у западных финнов – суми и смеи (Луото 1990: 41–42; Сало 1990: 59–60, 65). Погребальный обряд, при котором кальцинированные кости и инвентарь рассыпали на каменной вымостке, сложенной на поверхности земли, в IX–XI вв. распространяется и в Карелии (Сакса, Толгнев 1990: 71). Повсеместное распространение погребальных каменных выкладок в зоне прибалтийско-финских культур – свидетельство древности этих традиций.

Еще одна аналогия в погребальном обряде прослеживается у исследованных оградок с парными комплексами с ранними захоронениями Приладожской курганной культуры, для которых было характерно устройство очага в центральной части погребальных сооружений и деление их на мужскую – восточную и женскую – западную половины (Назаренко 1990: 87). В данном случае взаиморасположение комплексов с мужскими и женскими вещами соответствует приладожскому.

Вероятно, все эти сходства – использование каменных конструкций в погребениях, расположение и ориентировка погребенных, а также набор погребального инвентаря – восходят к общим древнефинским культурным традициям.

Судя по обряду, могильник оставлен нехристианизирующим населением. Археологические признаки христианизации – ямные захоронения, западная ориентировка, сокращение обряда класть в захоронения погребальный инвентарь или сокращение его количества – появляются на Ижорском плато в середине–третьей четверти XIII в. (Рябинин 2001: 137–138), в Юго-Восточном Приладожье – в XII–XIII вв. (Кочкуркина 1989: 288), на Карельском перешейке – со второй половины XIII в. Известно, что в 1227 г. Ярослав Всеволодович «крести множество корел» (Кочкуркина 1982: 51–52). Археологические находки и памятники, известные к настоящему времени и связываемые с ижорой, свидетельствуют о том, что в XII–XIII вв. здесь еще отсутствуют захоронения с христианскими чертами.

В то же время можно говорить о включенности общества, оставившего могильник, – летописной ижоры – в разносторонние культурные контакты с соседями.

ми и о высоком уровне его военного дела. Все это подтверждается и письменными документами. Впервые в письменных документах об ижоре говорится в булде римского папы Александра III (1164–1181 гг.), призывающей к распространению католицизма на прибалтийско-финские народы. Затем под 1221 г. ижора упоминается в Хронике Генриха Латвийского, в связи с вторжением отряда немецких рыцарей в ее земли (Гадзяцкий 1940; Рябинин 1997: 60–61). Наиболее раннее свидетельство новгородских летописей об ижоре относится только к 1228 г., когда она участвует в отражении набега западнофинского племени емь в Приладожье. После того как емь была рассеяна ладожанами, а новгородцы вернулись с Невы домой, «послед же оставшися Ижеряне устретоша их бегаломе, и ту их избиха много...» (ПСРЛ. 2000. Т. 3: 65).

В средневековье ижора выступает обычно союзником Новгорода во время вторжений неприятеля (Гадзяцкий 1940). Из летописи известно, что в середине XIII в. ижора контролировала вход в Неву. В июле 1240 г. старейшина земли Ижорской Пелтусий, «в святом крещении Филип», руководивший морской стражей, предупредил новгородцев о приходе в Неву шведов (ПСРЛ. 2000. Т. 3: 292). Вскоре после этого произошла Невская битва в устье р. Ижоры, в которой ижорцы также, вероятно, принимали участие. Не исключено, что выявленные в Кирсино захоронения с оружием связаны именно с военными действиями первой половины XIII в. в Ижорской земле.

Таким образом могильники, исследованные в Приневье, дают новую информацию об эволюции погребальной обрядности ижоры от родовых грунтовых захоронений с каменными обкладками на горизонте, перекрытыми невысокими насыпями в XII–XIII вв., к грунтовым ямным погребениям XIV–XVII вв., совершаемым по христианскому обряду.

- Богуславский 1991 – *Богуславский О. И.* Южное Приладожье во второй половине I–начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991.
- Гадзяцкий 1940 – *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. М., 1940. Т. 6. С. 100–143.
- Голубева 1979 – *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров. САИ. Е1-59. М., 1979.
- Кирпичников 1966а – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. САИ. Е1-36. Вып. 1. Мечи, сабли IX–XIII вв. М.; Л., 1966.
- Кирпичников 1966б – *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. САИ. Е1-36. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, кистени. М.; Л., 1966.
- Конькова 1985 – *Конькова О. И.* Ижорские могильники // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 74–77.
- Конькова 1990 – *Конькова О. И.* Исследования ижорских могильников: Итоги и перспективы // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 31–35.
- Конькова 1995 – *Конькова О. И.* Ижора и карела: Проблема ранней дифференциации // Русский север. СПб., 1995. С. 43–61.
- Кочуркина 1981 – *Кочуркина С. И.* Археологические памятники Карелии V–XV вв. Л., 1981.
- Кочуркина 1982 – *Кочуркина С. И.* Древняя Карела. Л., 1982.
- Кочуркина 1989 – *Кочуркина С. И.* Памятники Юго-Востока Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.
- Лесман 1984 – *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: (Проблема синхронизации) // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 118–153.
- Линттури 1984 – *Линттури Э.* Зооморфные овално-выпуклые фибулы Финляндии и Приладожской Карелии эпохи крестовых походов // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 148–155.
- Луото 1990 – *Луото Ю.* Юго-западная Финляндия // Финны в Европе VI–XV вв. М., 1990. Вып. 1. С. 36–54.

- Мусли 2002 – *Мусли А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках: Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Назаренко 1990 – *Назаренко В. А.* Приладожская чужь // Финны в Европе VI–XV вв. М., 1990. Вып. 2. С. 82–93.
- ПСРЛ. 2000. Т. 3 – Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3.
- Рябинин 1981 – *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. САИ. Е1-60. Л., 1981.
- Рябинин 1997 – *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997.
- Рябинин 2001 – *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001.
- Сакса, Тюленев 1990 – *Сакса А. И., Тюленев В. А.* Карела // Финны в Европе VI–XV вв. М., 1990. Вып. 2. С. 68–82.
- Сало 1990 – *Сало У.* Хяме и Сатакунта // Финны в Европе VI–XV вв. М., 1990. Вып. 1. С. 55–74.
- Седов 1953 – *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. 1953. Т. 18. С. 190–229.
- Седов 1987 – *Седов В. В.* Эты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987. С. 13–23.
- Ailio 1922 – *Ailio J.* Karjalalaiset soikeat kupurasoljet // Suomen minäismuistoyhdistyksen. Helsinki, 1922. N 32. S. 3–81.
- Lehtosalo 1966 – *Lehtosalo P.-M.* Rapukoristeisten solkien ajoituksesta // Suomen minäismuistoyhdistyksen. Helsinki, 1966. N 73. S. 22–40.
- Nedashkovsky 2004 – *Nedashkovsky L. F.* Ukek. The Golden Horde city and its periphery. IAR International Series. 2004. N 1222.
- Tallgren 1928 – *Tallgren A. M.* Die russischen and asiatischen archeologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finlands // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1928. N 6.
- Tallgren 1938 – *Tallgren A. M.* The Prehistory of Ingria // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1938. N 12. S. 79–108.

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ

До 150-летнего юбилея Императорской Археологической комиссии (ИАК) осталось три года. Напомним, что Императорская Археологическая комиссия была учреждена при Министерстве Двора Его Императорского Величества Указом императора Александра II от 2 февраля 1859 г. В задачи Комиссии вошли «разыскание предметов древности, относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией; собрание сведений о находящихся в Государстве памятниках древности; ученая оценка открываемых памятников» (Полное собрание законов Российской империи 1861: стб. 70–72). Таким образом, обязанностями государственного учреждения ИАК стали наблюдение за ходом работ на территории Российской империи, организация научных археологических исследований и исторических музеев, а также охрана раскопок от кладовщиков и реставрация историко-культурных памятников. Комиссия получила право на выдачу «Открытых листов» – разрешений на раскопки. Контрольная деятельность ИАК выразилась в наблюдении за случайными археологическими находками, их приобретении и передаче в Эрмитаж и другие музеи (Васильева 2000: 179).

Уже в 1860–1870-е гг. был установлен «комплект» документов для хранения в архиве ИАК: по окончании раскопок следовало представить отчет, дневник с описанием работ, описи находок, рисунки с фиксацией памятника и находок и финансовую документацию. К 1882 г. архив ИАК насчитывал около 500 дел (Васильева 2000: 177, 182).

До 1882 г. председателем Археологической комиссии являлся граф С. Г. Строганов, добровольно оставивший пост в связи «с болезненным состоянием и летами». К началу 1880-х гг. штат Комиссии состоял из старшего члена В. Г. Тизенгаузена (с 1861 г.), младшего члена профессора Н. П. Кондакова (с 1876 г.), производителя дел и хранителя архива коллежского assessора Ил. Суслова (с 1865 г.), художника И. Н. Медведова (с 1859 г.) и сторожа Михайлова (с 1867 г.). Новым председателем Комиссии в 1882 г. был назначен А. А. Васильчиков, директор Эрмитажа (с 1879 г.). Он являлся председателем Комиссии до 1886 г. и в своей деятельности следовал тому, что было начато при С. Г. Строганове. Существенные преобразования произошли в ИАК при А. А. Бобринском, ставшем ее третьим и последним председателем (с 1886 по 1917 г.).

В первую очередь А. А. Бобринский стал добиваться упорочения финансового положения Комиссии и увеличения ее штата. Уже через два года средства на финансирование раскопок были увеличены, так же как средства, отпускавшиеся на издательскую деятельность. В смете ИАК появилась дополнительная статья – «сверхсметные кредиты», что позволило расширить возможности Комиссии по приобретению древностей у частных лиц, крупных коллекционеров и на ярмарках. Кроме того, А. А. Бобринскому было дано право «избирать из числа лиц, известных ему научными трудами по археологии, в звание сверхштатных членов Комиссии и членов-корреспондентов, что давало возможность привлечь к достижению научных целей Комиссии многих известных ученых, членов Археологических и других обществ и частных лиц, занимающихся серьезно научными

трудами по археологии» (НА. РА. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Д. 174. Л. 4 об.–5). В ИАК были приглашены профессор Д. Я. Самоквасов из Варшавского университета, преподаватели – Ревельской гимназии К. Е. Думберг и Вятской гимназии А. А. Спицын, помощник попечителя Казанского учебного округа В. В. Латышев, чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области П. Н. Пантусов, архитектор П. П. Покрышкин (в 1902 г.) и многие другие. Сверхштатными сотрудниками ИАК и членами-корреспондентами в разные годы являлись историки И. Е. Забелин и Л. Э. Стефани, академик В. В. Радлов, профессор Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовский, генерал-майор А. Л. Бертье-Делагард, горный инженер И. А. Лопатин. К 1917 г. под руководством А. А. Бобринского в Комиссии работали также академик Н. Я. Марр, профессора Б. В. Фармаковский, Б. А. Тураев, М. И. Ростовцев и др.

Высочайшим Указом от 11 марта 1889 г. ИАК получила исключительное право проведения археологических раскопок на казенных и общественных землях. Отныне в ее обязанности был включен контроль за земляными работами при постройке железных и шоссейных дорог (Хартанович 2002: 43–44). Кроме права выдачи разрешений на раскопки – «Открытых листов» Комиссии вменялось в обязанность наблюдение за реставрацией монументальных памятников древнерусского зодчества. При Комиссии был учрежден Реставрационный отдел, в работе которого принимали участие ведущие архитекторы, художники, историки искусства и реставраторы.

Съемка археологических находок, поступавших в ИАК, до 1891 г. производилась фотографом М. Е. Романовичем. Снимки, датируемые 1891–1895 гг., выполнены членом Археологической комиссии В. Г. Дружининым. Негативы хранились у фотографов, фотографии – у членов Археологической комиссии, а фотодокументы полевой съемки – у руководителей работ. Большая часть негативов 1896–1917 гг. была выполнена фотографом И. Ф. Чистяковым в специально организованной и оборудованной фотолаборатории. По его инициативе были составлены ориентировочные описи на все сделанные им негативы. Более 20 000 негативов на стеклянных пластинах разного размера, хранившиеся в его частной квартире, поступили в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК) в ноябре 1918 г. 11 декабря 1918 г. их передача была оформлена записью в Инвентарной книге № 1. При фондообразовании, проведенном в фотоархиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1961 г., документы Императорской Археологической комиссии были объединены в фонд № 1 (НА. ФА. Книга фондов № 1). В этот же фонд были включены и немногочисленные документы 1918–1919 гг., отложившиеся за время существования РГАК.

К концу XX в. фонд ИАК объединил 100 006 единиц хранения – негативов, отпечатков и открыток, выполненных известными и малоизвестными фотографами-профессионалами, фотографами-любителями, исследователями – историками, археологами, историками искусства, востоковедами, архитекторами и другими в 1870–1917 гг.

Фотодокументы представляют снимки процесса изучения разнотипных археологических памятников во время полевых исследований сотрудников Археологической комиссии и местных археологов, предметов, обнаруженных во время раскопок, и случайных находок. Кроме того, в собрании представлены фотодокументы, отражающие процесс историко-культурных обследований и реставрации памятников архитектуры на территории Российской империи, и иллюстративный материал к археологическим изданиям (Девель 1950: 289–336).

По заданиям ИАК полевые работы проводились в Северном, Западном и Новгородском-Приозерном районах России, в Белорусском и Прибалтийском; в Московской, Тверской, Калужской, Костромской, Ярославской и Нижегородской губ. Московско-Промышленного района; в Воронежской, Курской и Орловской губ. Центрально-Земледельческого района; в Северо-Восточном-Земледельческом (Казанская и Вятская губ.), Северно- и Южно-Уральском (Пермская, Уфимская и Оренбургская губ.) и Волжско-Сурском районах (Пензенская, Саратовская и Самарская губ.), в Новороссийском районе и Донской области.

В Таврической губ. раскопки проводились в Керчи, Евпатории, Херсонесе; в Малороссии – в Киевской, Харьковской и Екатеринославской губ.; на Северном Кавказе – в Кубанской и Терской областях, Ставропольской губ. и в Закавказье – Бакинской, Дагестанской, Елисаветпольской, Карсской, Тифлисской и Эриванской губ.

Работы в Средней Азии документированы небольшим числом снимков раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе близ Самарканда в 1904 г. и находок из раскопок туркестанского краеведа А. А. Козырева и заведующего ирригацией Самаркандской области Н. П. Петровского в урочище Кара-Агач Акмолинской области в 1901–1905 гг. В Сибири раскопки проводились в Томской, Тобольской, Енисейской, Забайкальской и Якутской губ. Исследования в Урянхайском крае представлены серией снимков С. Р. Мишцова, сделанных им во время поездки 1914 г. (НА. ФА. Альбом Q 635 – каменные изваяния, наскальные изображения, могилы с каменными стелами, буддийская ниша Чурумал-Бурханныг-Хая).

Более многочисленный материал представляют снимки реставрационных работ, проводившихся под наблюдением Императорской Археологической комиссии: 1) в Северном и Западном районах (Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Петербургская, Витебская, Минская, Гродненская, Виленская губ.). П. П. Покрышкиным в 1903–1904, 1908–1910 и 1912–1915 гг. были осуществлены реставрационные исследования в церкви Спаса на Нередице, обследование кремлевских стен в Новгороде, Пскове и Смоленске; 2) в Центральных районах (Московская, Костромская, Тверская, Калужская и другие губ.). Архитектор К. К. Романов в 1909–1915 гг. провел обследование Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1005 ед. хр.), архитектор Д. В. Милеев в 1910–1912 гг. – Ипатьевского монастыря в Костроме (1897 ед. хр.), П. П. Покрышкин в 1911 г. – стен и башен Московского Кремля; 3) в восточных районах осуществлены ремонтно-реставрационные работы в Казанском кремле и соборах Свияжска (70 ед. хр.); 4) в Центрально-Земледельческом и Прикаспийском районах (Орловская, Курская, Воронежская, Черниговская и Астраханская губ.). В Донской области – работы в Старочеркасском соборе и в Кубанской области – в Сентинском монастыре; 5) в Крыму – обследование архитектором С. С. Некрасовым Бахчисарайского дворца в 1913–1915 гг. (209 ед. хр.). Имеются материалы по генуэзским памятникам Феодосии, церковному зодчеству в Керчи и ханской мечети в Евпатории (114 ед. хр.); 6) в Малороссии (Волынская, Полтавская, Киевская, Харьковская губ.) и в Бессарабской губ. П. П. Покрышкиным исследованы Васильевский храм в Овруче в 1907–1908 гг. (137 ед. хр.) и церковь Спас на Берестове в 1909–1912, 1914 гг. (501 ед. хр.), обследована крепость Холми на Днестре.

Материалы, связанные с охраной памятников в Средней Азии, представлены сериями снимков, сделанных во время работ П. И. Веселовского в Самарканде в 1895 г. (мечети и мавзолеи, 315 ед. хр.), поездки В. А. Жукковского в Туркмению в 1896 г. (Анау, Меана, Мерв, 18 ед. хр.) и художника Л. Е. Дмитриева в 1890-х гг.

Рис. 1. Q 673/13 Самаркандская обл., Афрасиаб. Раскопки Н. И. Веселовского 1895 г. Глиняный осударий. Фото И. Ф. Чистожкова, 1896 г.

в Самарканд и Мерв. В Сибири производились работы по сохранению Якутского деревянного острога, башен в Илимске и ряда храмов в Тобольске и Тюмени.

Серия снимков заграничных поездок П. П. Покрышкина: в Буковину (Румыния) в 1916–1917 гг. – архитектурные памятники Сучавы, Драгомирны, Гуморы, Радовицы, Воронца и других (319 ед. хр.) и в Польшу – обследование в 1909 г. старинных башен в окрестностях Холма и археологические исследования 1910 и 1912 гг. на соборной горе в Холме (32 ед. хр.); расчистка стенописи костела в Люблине в 1903 г. (32 ед. хр.) и реставрационные работы 1907–1909 гг. в Благовещенской церкви Супрасля и в Черском замке.

Фотографическую часть фонда ИАК составляют альбомы П. П. Покрышкина, содержащих снимки, сделанные им в 1907–1917 гг. во время поездок по поручению Комиссии в связи с реставрационными работами в разных областях России, в том числе в Большом Успенском соборе в Кремле в 1910–1913 гг. и церкви Спаса на Бору в Московском Кремле в октябре 1911 августа 1912 г., и Средней Азии, а также ряда других исследователей, художников, мастеров фотосла. Имеется значительный материал по северному деревянному зодчеству: фотографии художников И. Я. Билибина (1904–1905 гг.), В. А. Плотникова (1907–1909 гг.) и архитектора Д. В. Милеева (1907 г.). Снимки памятников центральных районов, в меньшей степени Крыма и Кавказа, сделаны известным русским фотографом И. Ф. Барцевским (1880–1890-е гг.). Памятники центральных районов зафиксированы также фотографом В. М. Машуковым (1890–1903 гг.). Фотографы В. М. Машуков, В. М. Щербаковский (1905 г.) и Н. Ушаков привезли в собрание ИАК снимки с памятников на территории Малороссии. Архитектура Грузии и Армении представлена сериями снимков фотографов Д. И. Ермакова, М. Папаяна, О. Кюркчяна. Средняя Азия зафиксирована в снимках В. А. Жукковского (1890, 1896 гг., Мерв, Анау), С. М. Дудина (1905 г., детальная съемка орнамента мавзолеев Шах-и Зинда в Самарканде), а также ряда других фотографов конца XIX–начала XX в. – Г. А. Панкратьева, А. Мишона из Баку, В. Ф. Козловского, А. Г. Полякова, Д. И. Ермакова, Н. П. Петровского, знаменитого парижского фотографа П. Надара.

Зарубежный материал представлен photographиями, привезенными из путешествий академиком Н. П. Кондаковым – на Афон (1898 г.) и в Македонию (1900 г.), архитектором П. П. Покрышкиным – в Месемврию (1900 г.) и Сербию (1902 г.). Имеются небольшая коллекция фотографий известных западноевропейских фотографов с памятников античной Греции и Италии, по искусству Италии эпохи

Рис. 2. Q 135/14 Самаркандская обл., Шахрисабз. Дворец Ак-Сарай. Низ левой шкы главного фасада. Фото Н. П. Петровского, 1895 г.

Возрождения; серия снимков равнинской мозаики фотографа Риччи. Интересный материал поступил в фонд ИАК по Монголии, Китаю и Восточному Туркестану от Русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 гг. под руководством Ю. А. Сосновского (фотограф А. Н. Э. Боярский; 160 ед. хр.).

После Октябрьского переворота 1917 г. архив Императорской Археологической комиссии стал основой фонда документов Российской Академии истории материальной культуры, образованной в 1919 г. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. фонды архивов, размещавшиеся тогда, как и Институт, на Васильевском острове в здании Академии наук, не пострадали. Большая заслуга в этом принадлежит оставшимся в блокадном городе О. И. Бич, Е. Г. Кастаньян и В. Н. Полторацкой (Васильева 2005: 11–25).

Рис. 3. О.983/25 Хакасия, р. Бира. Вид каменного сооружения с «Чакмакским бараном». Фото Федорова, 1910 г.

Рис. 4. О.983/11 Хакасия. Вид Ташлебитского чертаса. Фото Федорова, 1914 г.

Научный архив ИИМК РАН является основным хранилищем материалов, связанных с деятельностью ИАК. Их достаточно много – 100 006 негативов и фотографий в Фотоотделе (одна десятая часть всего фонда фотодокументов) и около 9300 дел в Рукописном отделе. Во многих делах имеются фотографии, иногда такие же, как хранящиеся в Фотоотделе, иногда иные, по тем или иным причинам не поступившие в Фотоотдел. Выявление их предстоит провести в ближайшее время. В связи с приближающейся юбилейной датой сотрудники Фотоотдела Паучного архива Института истории материальной культуры РАН начали подготовку к изданию иллюстрированного «Каталога фотодокументов Императорской Археологической комиссии». Структура Каталога в настоящее время разрабатывается. Предполагается, что он будет построен по географическому принципу, то есть по районам и губерниям. Второй уровень рубрикации: Материалы исследований археологических памятников, Случайные находки, Частные собрания древностей, Собрания древностей в музеях. Обязательно будет указано место хранения материала – Научный архив ИИМК РАН – НА, Рукописный архив – РА, год и номер дела; по Фотоотделу – место хранения материала – Научный архив ИИМК РАН – ПА, Фотоархив – ФА, шифры негативов: I, II, III, IV и номер негатива, шифры отпечатков: O, Q, F и номер альбома/номера страниц в альбоме. В завершение предполагается поместить список использованной литературы.

- Барановская 1948 – *Барановская М. Ю.* И. Ф. Барцевский (1851–1948). Некролог // КСИИМК. 1948. Вып. 24. С. 121–122.
- Бартольд 1977 – *Бартольд В. В.* Воспоминание о С. М. Дудине // Соч. М., 1977. Т. 9. С. 773–778.
- Берестецкая 1994 – *Берестецкая Т. В.* В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Исследования по русской истории. М., 1994. Вып. 2. С. 214–227.
- Васильева 2000 – *Васильева Р. В.* Главное археологическое учреждение Царской России: Императорская Археологическая комиссия. 1859–1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2000. Вып. 2. С. 177–187.
- Васильева 2005 – *Васильева Р. В.* «Устали скитаться. Пора домой...» // АВ. 2005. № 12. С. 11–25.
- Девель 1950 – *Девель Т. М.* Обзорные коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР // СА. 1950. Т. 12. С. 289–336.
- Длужанская 2001 – *Длужанская Г. В.* Материалы П. П. Кондакова в собрании Института истории материальной культуры РАН // Николай Павлович Кондаков. Личное, научное наследие, архив: К 150-летию со дня рождения. Palace editions. СПб., 2001. С. 35–42.
- Медведева 2004 – *Медведева М. В.* Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. 2004. № 11. С. 379–387.
- Медникова 1995 – *Медникова Е. Ю.* Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической комиссии (по материалам Рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. 1995. № 4. С. 303–311.
- Носов 2003 – *Носов Е. Н.* «Древние достопамятности» отечества и народов, его населявших, в коллекциях Института истории материальной культуры РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 375–408.
- Полное собрание законов Российской империи 1861 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1861. Собр. 2. Т. 34. Отд. 1. Стб. 70–72.
- Хартанович 2002 – *Хартанович М. Ф.* К истории организации Императорской Археологической комиссии // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXIII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (26–28 ноября 2002 г.). СПб., 2002. Вып. 18. С. 43–44.

ХРОНИКА

Работа структурных подразделений ИИМК РАН в 2001–2005 гг.

ОТДЕЛ ПАЛЕОЛИТА

Отдел палеолита ИИМК РАН – старейший в России центр по изучению каменного века – вплоть до настоящего времени продолжает сохранять ведущие позиции в этой отрасли археологии. Главным направлением исследований, объединяющим большинство сотрудников, является изучение обширной проблематики палеолита. Наряду с этим ведутся и значительные исследования в области мезолита и неолита. Нынешняя научная жизнь Отдела во многом протекает в русле устоявшихся исследовательских направлений и традиций, а потому современное состояние его может рассматриваться как продолжение и развитие деятельности предшествующего периода. С другой стороны, подобно другим подразделениям ИИМК и науке в целом, Отдел палеолита переживает определенные этапы своего развития, причем нынешний протекает в таких условиях, которые постоянно порождают как новые проблемы, так и новые возможности.

Определяющим фактором в работе является, разумеется, состав сотрудников. Все эти годы численность Отдела составляет немногим более 20 человек (9 докторов исторических наук, 10 кандидатов исторических наук, два сотрудника без степени), причем двое наших коллег временно работают в составе администрации ИИМК (зам. директора С. Н. Астахов, ученый секретарь С. А. Кулаков), а П. Е. Нехорошев отдает много времени работе в качестве ученого секретаря Диссертационного совета ИИМК РАН. Одним из показателей высокой квалификации сотрудников Отдела является тот факт, что почти половина их имеет докторские степени, а все прочие, исключая лишь двух человек, защитили кандидатские диссертации. За последние пять лет докторской степени за общающуюся работу по палеолиту Дона был удостоен Н. Д. Праслов, а один из самых молодых сотрудников С. Н. Лисицын успешно защитил кандидатскую диссертацию по финальному палеолиту и раннему мезолиту Днепра Двинско-Волжского междуречья. Наряду с этими отрядными событиями следует сказать и о довольно негативной тенденции – медленном, но неуклонном уменьшении и старении коллектива. За эти годы в результате вынужденного сокращения штатов покинул Отдел специалист по верхнему палеолиту Л. М. Тарасов и прекратил работу в составе неолитической группы И. В. Верещагина и Л. Г. Шаяхметова. В 2004 г. трагически погиб блестящий специалист по неолиту и в недавнем прошлом заведующий Отделом В. И. Тимофеев. Эта потеря оказалась особенно тяжелой как в человеческом, так и в научном отношении. Владимир Иванович обладал огромным авторитетом среди коллег, находился в самом расцвете творческих сил и стал поистине ведущим авторитетом в своей области. Он готовил докторскую дис-

Научный архив ИИМК РАН является основным хранилищем материалов, связанных с деятельностью ИАК. Их достаточно много – 100 006 негативов и фотографий в Фотоотделе (одна десятая часть всего фонда фотодокументов) и около 9300 дел в Рукописном отделе. Во многих делах имеются фотографии, иногда такие же, как хранящиеся в Фотоотделе, иногда иные, по тем или иным причинам не поступившие в Фотоотдел. Выявление их предстоит провести в ближайшее время. В связи с приближающейся юбилейной датой сотрудника Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН начали подготовку к изданию иллюстрированного «Каталога фотодокументов Императорской Археологической комиссии». Структура Каталога в настоящее время разрабатывается. Предполагается, что он будет построен по географическому принципу, то есть по районам и губерниям. Второй уровень рубрикации: Материалы исследований археологических памятников, Случайные находки, Частные собрания древностей, Собрания древностей в музеях. Обязательно будет указано место хранения материала – Научный архив ИИМК РАН – НА, Рукописный архив – РА, год и номер дела; по Фотоотделу – место хранения материала – Научный архив ИИМК РАН – НА, Фотоархив – ФА, шифры негативов: I, II, III, IV и номер негатива, шифры отпечатков: O, Q, F и номер альбома/номера страниц в альбоме. В завершение предполагается поместить список использованной литературы.

Барановская 1948 – *Барановская М. Ю.* И. Ф. Барщевский (1851–1948). Некролог // КСИИМК. 1948. Вып. 24. С. 121–122.

Бартольд 1977 – *Бартольд В. В.* Воспоминание о С. М. Дулине // Соч. М., 1977. Т. 9. С. 773–778.

Берестецкая 1994 – *Берестецкая Т. В.* В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Исследования по русской истории. М., 1994. Вып. 2. С. 214–227.

Васильева 2000 – *Васильева Р. В.* Главное археологическое учреждение Царской России: Императорская Археологическая комиссия. 1859–1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2000. Вып. 2. С. 177–187.

Васильева 2005 – *Васильева Р. В.* «Устали скитаться. Пора домой...» // АВ. 2005. № 12. С. 11–25.

Девель 1950 – *Девель Т. М.* Обзорные коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР // СА. 1950. Т. 12. С. 289–336.

Джукаевская 2001 – *Джукаевская Г. В.* Материалы Н. П. Кондакова в собрании Института истории материальной культуры РАН // Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив: К 150-летию со дня рождения. Palace edition. СПб., 2001. С. 35–42.

Медведева 2004 – *Медведева М. В.* Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. 2004. № 11. С. 379–387.

Медникова 1995 – *Медникова Е. Ю.* Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической комиссии (по материалам Рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. 1995. № 4. С. 303–311.

Носов 2003 – *Носов Е. Н.* «Древние достопамятности» отечества и народов, его населявших, в коллекциях Института истории материальной культуры РАН // Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 375–408.

Полное собрание законов Российской империи 1861 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1861. Собр. 2. Т. 34. Отд. 1. Стб. 70–72.

Хартамович 2002 – *Хартамович М. Ф.* К истории организации Императорской Археологической комиссии // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXIII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (26–28 ноября 2002 г.). СПб., 2002. Вып. 18. С. 43–44.

ХРОНИКА

Работа структурных подразделений ИИМК РАН

в 2001–2005 гг.

ОТДЕЛ ПАЛЕОЛИТА

Отдел палеолита ИИМК РАН – старейший в России центр по изучению каменного века – вплоть до настоящего времени продолжает сохранять ведущие позиции в этой отрасли археологии. Главным направлением исследований, объединяющим большинство сотрудников, является изучение обширной проблематики палеолита. Наряду с этим ведутся и значительные исследования в области мезолита и неолита. Нынешняя научная жизнь Отдела во многом протекает в русле устоявшихся исследовательских направлений и традиций, а потому современное состояние его может рассматриваться как продолжение и развитие деятельности предшествующего периода. С другой стороны, подобно другим подразделениям ИИМК и науке в целом, Отдел палеолита переживает определенные этапы своего развития, причем нынешний протекает в таких условиях, которые постоянно порождают как новые проблемы, так и новые возможности.

Определяющим фактором в работе является, разумеется, состав сотрудников. Все эти годы численность Отдела составляет немногим более 20 человек (9 докторов исторических наук, 10 кандидатов исторических наук, два сотрудника без степени), причем двое наших коллег временно работают в составе администрации ИИМК (зам. директора С. Н. Астахов, ученый секретарь С. А. Кулаков), а П. Е. Нехорошев отдает много времени работе в качестве ученого секретаря Диссертационного совета ИИМК РАН. Одним из показателей высокой квалификации сотрудников Отдела является тот факт, что почти половина их имеет докторские степени, а все прочие, исключая лишь двух человек, защитили кандидатские диссертации. За последние пять лет докторской степени за обобщающую работу по палеолиту Дона был удостоен Н. Д. Праслов, а один из самых молодых сотрудников С. Н. Лисицын успешно защитил кандидатскую диссертацию по финальному палеолиту и раннему мезолиту Днепр-Двинско-Волжского междуречья. Наряду с этими отрадными событиями следует сказать и о довольно негативной тенденции – медленном, но неуклонном уменьшении и старении коллектива. За эти годы в результате вынужденного сокращения штатов покинул Отдел специалист по верхнему палеолиту Л. М. Тарасов и прекратили работу в составе неолитической группы И. В. Верещагина и Л. Г. Шаяхметова. В 2004 г. трагически погиб блестящий специалист по неолиту и в недавнем прошлом заведующий Отделом В. И. Тимофеев. Эта потеря оказалась особенно тяжелой как в человеческом, так и в научном отношении. Владимир Иванович обладал огромным авторитетом среди коллег, находился в самом расцвете творческих сил и стал поистине ведущим авторитетом в своей области. Он готовил докторскую дис-

сертацию и был научным руководителем целой группы молодых ученых. С уходом В. И. Тимофеева из некогда мощной неолитической группы ныне в составе Отдела остался практически единственный специалист, постоянно и активно работающий в этой области, – В. Я. Шумкин.

Почти полное отсутствие молодого пополнения в предшествующие годы привело к неизбежному неблагоприятному изменению возрастной структуры Отдела: сегодня 12 сотрудников из 21, то есть более половины, относятся к пенсионному и предпенсионному возрасту, 6 приближаются к 50-летнему рубежу и лишь 3 человека не достигли еще 40 лет. Эта кадровая проблема, имеющая как объективные, так и субъективные причины, стала ощущаться уже достаточно давно. Однако энергичные попытки переломить ситуацию при поддержке дирекции были предприняты нынешним руководителем Отдела С. А. Васильевым именно в последние два-три года. Появился первый «новобранец», принятый в качестве младшего научного сотрудника и ставший одновременно соискателем кандидатской степени по теме, связанной с верхним палеолитом Костёнок (Д. Н. Богданов). Шагами в этом направлении являются и своеобразные «смотрины» – приглашение для выступлений с докладами работающих сегодня вне штата Института, но потенциально близких Отделу палеолита по тематике молодых специалистов (А. Бехтер, А. Очердной, С. Бельский). Были также резко интенсифицированы контакты с кафедрой археологии СПбГУ: выступление руководства Отдела перед студентами при наборе их на кафедру, становящийся традицией день знакомства первокурсников с работой Отдела и его сотрудниками, чтение специальных лекций. Первыми плодами этих усилий стало долгожданное появление в Отделе специализирующихся в палеолите студентов.

Подчеркивая острую необходимость притока молодых кадров, нельзя не сказать о том, что большая часть старшего поколения сотрудников Отдела палеолита продолжает трудиться с высокой степенью эффективности. Об этом говорилось, в частности, на расширенном заседании Отдела, состоявшемся 21 марта 2005 г. и посвященном юбилею Зои Александровны Абрамовой, которая являет собой великолепный пример творческого долголетия и неустанный плодотворной деятельности, включая недавно вышедший капитальный труд «Животное и человек в искусстве палеолита». Заседание в честь юбилея З. А. Абрамовой стало фактически небольшой конференцией, где было прочитано более 10 научных докладов. С краткими, но емкими научными сообщениями выступили как коллеги по Отделу палеолита (С. А. Васильев, В. П. Любин, С. Н. Астахов, М. В. Аникович, Н. Д. Праслов, А. А. Сеницын, Г. В. Сеницына, В. В. Питулько), так и гости – С. А. Демещенко (Гос. Эрмитаж), Т. И. Щербак (Музей религии и атеизма) и Е. Г. Дрвлет (ИА РАН, Москва). Сложившаяся в Отделе традиция неформального проведения подобных мероприятий сотрудников представляется одним из важных факторов создания и поддержания благоприятной для творческой работы атмосферы.

Главными аспектами научной деятельности Отдела являются разработка определенной исследовательской тематики, включая полевые работы, обсуждение результатов исследований и актуальных проблем на заседаниях Отдела и в ходе различных конференций, а также участие в подготовке специалистов в области палеолита и неолита.

Разрабатываемая сотрудниками Отдела научная проблематика определяется прежде всего долговременными интересами исследователей. В 2005 г. было обсуждено 5 крупных плановых тем. Среди них можно выделить очень актуальную работу А. А. Сеницына по формированию электронной базы данных по верхне-

палеолитическим памятникам, создание С. А. Васильевым с соавторами многоязычного словаря по палеолитической тематике, а также оригинальные разработки Г. П. Григорьева по стилистической эволюции палеолитического искусства.

Параллельно началась работа в рамках трех крупных коллективных тем. Тема «Вариабельность среднего и верхнего палеолита в Восточной Европе и на Северном Кавказе» объединила М. В. Аниковича (руководитель), В. П. Любина, Н. К. Анисюткина, А. Е. Матюхина, Л. Б. Вишняцкого, С. А. Кулакова, П. Е. Нехорошева, Е. В. Беляеву, а также Г. М. Левковскую из Лаборатории археологической технологии. В рамках темы «Развитие верхнепалеолитической культуры на территории России: общие черты эволюции», руководимой С. А. Васильевым, работают З. А. Абрамова, Г. П. Григорьев, Н. Д. Праслов, А. А. Сеницын, Г. В. Григорьева, М. Н. Желтова. Третья тема – «Каменный век лесной зоны и севера Евразии: расселение и адаптации древнего человека» – стала общей для В. Я. Шумкина, В. И. Тимофеева, С. Н. Астахова, Г. В. Сеницыной, В. В. Питулько, С. Н. Лисицына, а также сотрудников других подразделений ИИМК – Г. Н. Поплевко и А. К. Каспарова.

Гранты РГНФ и РФФИ широко используются сотрудниками Отдела. В последние годы они были получены для проведения полевых работ (А. А. Сеницын, М. В. Аникович), издания книг (З. А. Абрамова, Н. К. Анисюткин, В. П. Любин), а также для реализации исследовательских проектов (А. А. Сеницын, В. П. Любин, А. Е. Матюхин). Среди последних следует особо упомянуть объединивший шестерых сотрудников трехлетний исследовательский проект «Каменное сырье и древний человек в палеолите Кавказа и Русской равнины» (руководитель В. П. Любин). Помимо актуальности поставленной проблемы и повзвыны демонстрируемых исследователями подходов данный грант значим для Отдела и тем, что позволил существенно улучшить его техническую базу – установить компьютер с полным набором вспомогательного оборудования. В последние годы сотрудники Отдела смогли получить и несколько грантов Санкт-Петербургского научного центра РАН – для передачи в музей коллекций каменных изделий (В. П. Любин) и для проведения раскопок (В. П. Любин, Д. Н. Богданов).

Очень важным организационно-финансовым инструментом оказалась завершившаяся в 2005 г. трехлетняя Программа Президиума РАН «Этнокультурные взаимодействия в Евразии». В Отделе палеолита в рамках этой программы осуществлялись четыре проекта и, соответственно, работали четыре коллектива исследователей. Проект «Кавказ в ранней преистории Евразии» осуществлялся В. П. Любиным (руководитель), Е. В. Беляевой и С. А. Кулаковым. В проекте «Узловые проблемы становления верхнего палеолита Евразии» участвовали М. В. Аникович (руководитель), Н. К. Анисюткин и Л. Б. Вишняцкий. Тему «Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений» выполняли С. А. Васильев (руководитель), З. А. Абрамова, Г. В. Григорьева, Г. В. Сеницына и С. Н. Лисицын, тему «Неолитизация Северной Евразии» – В. И. Тимофеев и В. Я. Шумкин. Полученное под эти проекты финансирование обеспечило проведение необходимых полевых работ, большое количество научных командировок и целый ряд публикаций, включая итоговые монографии.

Активное использование таких источников финансирования, как гранты, показывает неплохую адаптацию большинства сотрудников Отдела к реалиям времени. Об этом же свидетельствует и не менее активный поиск других источников, среди которых кооперация с различными местными организациями, привлечение средств зарубежных фондов и сотрудничающих учреждений, а также спонсорство. Все это позволило преодолеть тенденцию к сворачиванию по-

левых работ, которая по известным причинам проявилась в конце прошлого века, и приступить к постепенному расширению как объемов работ, так и их географии. Полевые изыскания сотрудников Отдела проводятся ныне в ряде регионов Восточной Европы от Северного Кавказа до Кольского полуострова, а также в Закавказье, на юге Сибири и на северо-востоке Азиатского материка. Традиционные важнейшие направления работ сотрудников Отдела – Костёнки и Кавказ. В Костёнках М. В. Аникович, А. А. Силицын, С. Н. Лисицын и Д. Н. Богданов совместно с Университетом Колорадо и при участии французской стороны продолжали исследования многослойных стоянок Костёнки 11, 12, 14, 16 и Борщёво 5. Что касается Кавказа, то после длительного перерыва В. П. Любин и Е. В. Беляева в качестве участников Российско-армянской экспедиции возобновили с 2003 г. полевые изыскания в Закавказье, на севере Армении, где удалось открыть более полутора десятков ашельских памятников, включая верхнеашельскую стоянку, а также нещеру с мустьерскими и мезолитическими материалами. На Северном Кавказе В. П. Любиным и Е. В. Беляевым при помощи ГУП «Наследие» (Ставрополь) проводились широкие разведки на Ставрополье, а также в Ингушетии (в кооперации с Археологическим центром РИ) и в Северной Осетии (совместно с Институтом археологии и этнографии РСО). В 2004 г. ими начаты раскопки новой ашельской стоянки Кипжал в Пятигорье.

Полевые работы были развернуты и в других регионах восточновропейской части России. Стоянки с мустьерскими и верхнепалеолитическими слоями изучаются на Северском Донце А. Е. Матюхиным. В центре Русской равнины Г. В. Григорьев проводил совместно с МАЭ РАН раскопки верхнепалеолитической стоянки Юдиново, а Г. П. Григорьев в кооперации с Институтом и Музеем антропологии МГУ руководил раскопками в Авдеево. С. Н. Лисицын при участии В. И. Тимофеева, а затем самостоятельно, порой при сотрудничестве финских коллег, провел цикл работ по мезолиту и неолиту на территории Ленинградской области, на Карельском перешейке. В. Я. Шумкин на Баренцевом море изучал новые группы петроглифов и раскопал серию погребений на Оленеостровском могильнике. Г. В. Силицын вел раскопки позднеледниковых культурных слоев на стоянке Баранова Гора и мезолитических остатков на стоянке Ланино 1 (Верхняя Волга).

Продолжались исследования В. В. Питулько на северо-востоке Азии. Им были проведены раскопки на Жоховской стоянке и разведки на Новосибирских островах. В. В. Питулько открыто и исследовано одно из самых северных в мире палеолитических местонахождений – Янская стоянка. Еще одним прорывом в азиатскую часть России стали работы П. Е. Нехорошева, который провел кампанию спасательных раскопок верхнепалеолитических памятников на Берёзовском угольном разрезе (Красноярский край).

Несмотря на эту активизацию полевых работ, существуют и некоторые проблемы или препятствия в их развитии. Так, финансовые ресурсы все-таки в целом очень невелики, что не всегда позволяет провести все необходимые исследования, и прежде всего довольно затратные естественнонаучные изыскания. По той же причине, а также из-за ослабшей одно время связи с кафедрой археологии СПбГУ в полевых исследованиях не участвовали или очень редко участвовали питерские студенты-археологи, составлявшие некогда костяк экспедиций и приобретающие там столь нужный им опыт.

Результаты всех полевых работ, а также методические вопросы постоянно и очень подробно обсуждаются на заседаниях Отдела. Помимо таких отчетов и докладов по плановым темам большое внимание уделяется отчетам сотрудников

о научных командировках и, в особенности, об участии в различных конференциях. За эти годы сотрудники Отдела (С. А. Васильев, В. П. Любин, Е. В. Беляева, Г. П. Григорьев, А. Е. Матюхин, М. В. Аникович, А. А. Силицын, Г. В. Силицын, Л. Б. Вишняцкий, П. Д. Праслов, В. Я. Шумкин) участвовали в работе ряда научных конференций, симпозиумов и конгрессов в нашей стране (Москва, Новосибирск, Петрозаводск, Сыктывкар, Вологда, Тверь, Ростов-на-Дону) и за рубежом (США, Канада, Германия, Голландия, Франция, Финляндия, Италия, Австрия, Польша, Эстония, Бельгия, Израиль и др.). Среди крупнейших событий международной научной жизни, в работе которых принимали участие сотрудники Отдела, отметим XIII Конгресс UISPP в Льеже (2001 г.), а также ежегодные сессии Европейской ассоциации археологов в Санкт-Петербурге (2003 г.) и в Лионе (2004 г.). Отдел принимал также активное участие в подготовке и проведении в Италии Международного конгресса «Первобытная техника: 40 лет спустя. Функциональные исследования и русское наследие» (С. А. Васильев, Г. В. Силицын, Л. Б. Вишняцкий).

Только за один 2005 г. на заседаниях Отдела обсуждались подробные и информативные отчеты о поездках на научные конференции в Тверь, Сыктывкар, Новосибирск, Францию и Голландию, представленные А. А. Силицыным, Г. В. Силицыной, С. А. Васильевым и С. Н. Лисицыным. Сотрудники Отдела командировались для научной работы в различные центры России (Москва, Новосибирск, Воронеж) и зарубежных стран (Грузия, США, Финляндия, Австрия). Все это свидетельствует о широких научных связях Отдела, об активной роли его сотрудников в научном сообществе и о востребованности их в других палеолитических центрах. О том же говорят приглашения ряда членов Отдела для чтения лекций в университетах нашей страны (Санкт-Петербург, Воронеж) и за рубежом (США, Молдавия). В 2005 г. А. А. Силицын выступил с лекцией в Венском университете, а В. В. Питулько – в Смитсоновском институте (США). Нельзя не отметить, однако, что из-за отсутствия бюджетного финансирования и небольших размеров грантов потребность в научных командировках, включая участие в конференциях, удовлетворяется все же недостаточно. В этом отношении мы отстаем от зарубежных коллег, что может быть чревато и отставанием в науке, тем более что палеолитоведение как наиболее интернациональная, пожалуй, по своей сути отрасль археологии особенно остро нуждается в постоянном и широком информационном обмене.

Очень важны с этой точки зрения выступления на заседаниях Отдела коллег из других подразделений ИИМК, из различных археологических и естественнонаучных учреждений России и зарубежных стран. Гостей в свою очередь привлекает традиционно высокий уровень научной дискуссии и сочетающаяся с требовательностью доброжелательность большинства сотрудников Отдела. Только в прошедшем году с докладами на заседаниях Отдела выступали представители разных подразделений ИИМК РАН – Г. М. Левковская, В. Е. Щелинский, Г. Н. Пошлево, а также археологи Санкт-Петербурга (А. В. Бехтер, С. В. Бельский, С. А. Асланян, А. К. Очередной, Е. М. Колпаков, Т. И. Щербакова, А. Д. Столяр) и других городов России – Москвы (Е. Г. Давлет), Улан-Удэ (В. И. Ташак), Воронежа (В. В. Попов). Много докладов было представлено учеными зарубежных стран – А. В. Колесником, А. А. Кротовой (Украина), К. Граф (США), О. Греном (Великобритания), К. Хельскогом (Норвегия), Д. Флаком (Бельгия), И. Х. Клементе Конте (Испания).

По мере возможностей Отдел стремится организовать и более масштабные встречи с коллегами. Так, в 2002 г. была проведена конференция «Верхний па-

леолит – верхний плейстоцен. Динамика природных событий и периодизация археологических культур», в 2004 г. – посвященная 125-летию открытия палеолита в Костёнках Международная полевая конференция «Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное», в организации которой активно участвовали Н. К. Анисюткин, М. В. Аникович, А. А. Сеницын, С. Н. Лисицын и Д. Н. Богданов. Летом 2005 г. совместно с Институтом географии РАН (А. А. Величко) в Костёнках успешно прошла Международная конференция «Поздний палеолит бассейна Десны и Дона: хронология, археология, антропология», главным организатором которой со стороны ИИМК и Отдела палеолита выступил С. Н. Астахов. Осенью 2005 г. состоялась Российско-британская рабочая встреча по промежуточным итогам работ по проекту в рамках программы EFCHEED («Природные факторы в хронологии человеческой эволюции и расселения»). Этот проект рассчитан на 2002–2006 гг. и нацелен на уточнение хронологии и реконструкцию палеоэкологии поздних неандертальцев. Наряду с британскими специалистами (Р. Хаусли, Д. Сэндерсон, Ф. Олсворт-Джонс и др.) с докладами выступили и российские участники проекта, обеспечивавшие полевую работу непосредственно на памятниках и взятие там серий образцов (В. П. Любин, Е. В. Беляева, М. В. Аникович, А. А. Сеницын и А. Е. Матюхин).

Важнейшим направлением работы Отдела является, разумеется, публикационная деятельность. За эти годы сотрудниками было опубликовано свыше 400 печатных работ. Особенно отрадны появление ряда крупных монографических трудов. Среди них отметим обобщающие работы Н. К. Анисюткина «Мустьерская эпоха на Юго-Западе Русской равнины» и С. А. Васильева «Древнейшие культуры Северной Америки», посвященную материалам уникального памятника, монографическую публикацию В. П. Любина и Е. В. Беляевой «Стоянка Homo erectus на Центральном Кавказе (пещера Кударо 1)», книгу С. Н. Лисицына и В. И. Тимофеева (совм. с Д. В. Герасимовым) «Материалы к археологической карте Карельского перешейка» и, конечно, не имеющую себе равных не только в отечественной, но и в мировой археологии монографию З. А. Абрамовой «Животное и человек в искусстве палеолита» (СПб., 2005). Целую серию очень важных для освещения общих проблем преистории книг выпустил Л. Б. Вишняцкий: «Введение в преисторию» (Кишинев, 2002), «Происхождение знакового поведения» (М., 2004; совм. с Я. А. Шером и Н. С. Бледновой), «История одной случайности или происхождение человека» (Фрязино, 2005), а также второе издание учебного пособия «Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры: Курс лекций» (Кишинев, 2005). Вышли в свет сборники трудов «Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы» (СПб., 2002), «Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы» (СПб., 2003), тезисы проведенных Отделом конференций и тезисы докладов на расширенном заседании Ученого совета ИИМК, посвященного памяти П. И. Борисковского, – «Каменный век Старого Света» (СПб., 2001).

Завершающий рассматриваемое пятилетие 2005 год отмечен созданием новых крупных работ. Среди книг, подготовленных к изданию или представленных на издательские конкурсы, назовем фундаментальный «Четырехязычный словарь-справочник по археологии палеолита» (С. А. Васильев, Л. Б. Вишняцкий, М. Н. Желтова), монографии Н. К. Анисюткина «Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на Юго-Западе Восточной Европы» и Н. Д. Праслова «Палеолит Волгоградской Поволжья», сборники статей «Финальный палеолит – ранний мезолит Валдая» в двух частях (составитель Г. В. Сеницына), «Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита

Евразии» и «Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костёнковского-Борщёвского района и сопредельных территорий» (М. В. Аникович). Особо нужно отметить публикацию серии коллективных монографий, подготовленных по итогам названных выше четырех проектов в рамках Программы Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

Следует особо отметить немаловажный шаг вперед в популяризации палеолитоведения, что ранее делалось лишь в форме лекций для узкого круга, небольших газетных заметок или, в лучшем случае, нескольких слов в теле- или радиоэфире. Ныне появились две очень хорошо написанные и изданные книги, которые должны несомненно привлечь внимание самого широкого читателя: научно-популярная работа Л. Б. Вишняцкого «Человек в лабиринте эволюции» (М., 2003) и научно-художественное произведение М. В. Аниковича «Повседневная жизнь охотников на мамонтов» (М., 2004).

Интенсивная научная деятельность Отдела палеолита традиционно сопровождается участием в подготовке молодых специалистов. Л. Б. Вишняцкий и С. А. Васильев читали курсы лекций на кафедре археологии в СПбГУ, а А. А. Сеницын стал научным руководителем соискателя кандидатской степени по палеолиту Д. Н. Богданова. Где три человека являются соискателями в области неолита: Л. С. Андрианова и Н. Г. Недомолкина (Вологда) и Э. Б. Зальцман (Калининград). В 2004 г. успешно защитили диссертации по неолиту Юга России В. В. и А. В. Цыбри. Их руководителем, как и руководителем трех нынешних соискателей по неолиту, был В. И. Тимофеев, который вел истинно огромную работу по подготовке специалистов. Теперь его ношу приняли на свои плечи В. Я. Шумкин и Г. В. Сеницына. В области палеолита, как уже отмечалось, вплоть до последнего времени ощущался некий кризис: желающие заниматься этим периодом в Отделе не появлялись. Ныне как будто происходит перелом: помимо Д. Богданова в Отделе специализируется по палеолиту стажер С. Макаров из Кемерово (руководитель Л. Б. Вишняцкий). Налаживается индивидуальная работа со студентами: курсовая работа по верхнему палеолиту готовится под руководством А. А. Сеницына, курсовая по палеолиту Кавказа – под руководством В. П. Любина.

Подытоживая все то, что характеризует деятельность Отдела палеолита за прошедшее пятилетие, можно в целом, как кажется, дать положительную и достаточно высокую оценку данному этапу его истории. Разумеется, в нем было и негативное: есть очевидные недоработки, случившиеся потери едва ли восполнимы, многие проблемы остаются нерешенными, а еще очень многие ждут в недалеком будущем, и прежде всего – новое сокращение состава. В то же время в Отделе ведется довольно интенсивная научная работа и, более того, прослеживается тенденция к усилению ее на ряде направлений. Это нашло, в частности, отражение в серии принципиально важных открытий и в развитии современных методов исследования. У многих сотрудников появилось умение не только приспосабливаться к нынешним реалиям, но и активно использовать новые возможности, что, например, проявляется в мобилизации различных организационно-финансовых ресурсов для проведения полевых работ и издания книг. Наконец, в Отделе начинает постепенно появляться молодежь, а это предполагает, что старейший в стране палеолитический центр не только жив, но и может думать о своем будущем.

Е. В. Беляева

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

В 2006 г. исполняется 50 лет с момента возникновения Экспериментально-трасологической лаборатории, первое название которой было Лаборатория первобытной техники. В 1956 г. была образована группа, возглавляемая С. А. Семеновым, куда вошла Г. Ф. Коробкова. Структурно группа входила в Лабораторию археологической технологии. В 1971 г. с появлением новых сотрудников – А. К. Филиппова, В. Е. Щелинского и А. Е. Матюхина группа Лаборатории первобытной техники становится самостоятельной и в 1979 г. получает статус отдельного структурного подразделения ЛОИА АН СССР (ныне – ИИМК РАН). С тех пор прошло более 25 лет. За это время научный авторитет Лаборатории, значимость проводимых сотрудниками научных исследований, новые разработки экспериментально-трасологического метода С. А. Семенова, чьи труды были удостоены в 1975 г. Государственной премии СССР, снискали международное признание. Ее работами заинтересовались крупные ученые дальнего и ближнего зарубежья: Х. Плиссон и П. Андерсон (Франция), Р. Трингхем (США) и П. Филлипс (Великобритания), Фр. Каррион-Менлес (Испания), Т. Йохансон (Швеция), К. Кынчев-Стоянов (Болгария) и др. Окончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации М. Гюрова (Болгария), Ф. Сиссоко (Мали), докторскую – К. Кынчев-Стоянов.

Большой успех имели Трасологические школы, задуманные сначала для подготовки трасологов для России. Однако очень быстро школы стали носить международный характер. Их базой служили летние лагеря в Молдавии, Тюмени, Ижевске, Самаре. В школах читались лекции по методике микро-макроанализа каменных орудий, проводились практические занятия с микроскопом и различные эксперименты на заданную тему. Через школы прошли обучение иностранные специалисты из США, Дании, Польши, Румынии, Испании, Италии, Мали, Пакистана, Марокко, Болгарии, Кубы. В работе Трасологических школ приняли участие видные ученые-трасологи с мировым именем: Л. Килли (США), Дж. Кук (Великобритания), Х. Йенсен (Дания), Л. Лонге (Италия), М. Виньярса-Кабачинска, С. Сульгастовска (Польша). Широко велась подготовка кадров трасологов для России и стран ближнего зарубежья (рис. 1). В разные годы в ней принимали участие молодые ученые из Воронежа, Владивостока, Екатеринбургa, Барнаула, Читы, Тюмени, Магадана, Кирова, Вологды, Ижевска, Самары, Саратова, Одессы, Киева, Самарканда, Бишкека, Нукуса, Петропавловска-Камчатского, Кипишева, Караганды и других городов. Созданная экспериментальная эталонная коллекция орудий явилась основой для развития методики микро- и макроанализа, распространения ее на материалы поздних эпох, применения к разным видам сырья, практической базой для обучения кадров и др. Фундаментальные труды сотрудников Лаборатории стали востребованными при изучении многих научных вопросов.

Ныне в составе Экспериментально-трасологической лаборатории 3 доктора исторических наук, 3 кандидата исторических наук и 2 сотрудника без степени. За период 2001–2005 гг. исследовательская работа осуществлялась по двум темам: «Технология, трасология и функциональные особенности первобытных производств» и «Взаимодействие культуры и хозяйства в эпохи палеолита–бронзы

Рис. 1. Зарубежные ученые, аспиранты и сотрудники Экспериментально-трасологической лаборатории, 2001 г.

по данным трасологии, технологии, типологии и эксперимента», которые предусматривали изучение эталонных памятников Украины, Предкавказья, Кавказа, Южного Зауралья, арктической зоны, Средней Азии. Столь обширный географический диапазон и хронологический охват обусловили междисциплинарный характер научных исследований.

Работы велись по четырем основным направлениям:

1. Развитие культуры в среднем палеолите Северного Кавказа по материалам Ильской-2 стоянки (палеоэкология, технология, хозяйственно-производственная деятельность, взаимодействие с другими культурами сопредельных территорий) (В. Е. Щелинский).
2. Культурогенез, технология и хозяйство населения верхнего палеолита по материалам европейской части России, Украины и Молдавии (А. К. Филиппов) и Средней Азии (Г. Ф. Коробкова).
3. Специфика заполярного мезолита, хозяйственно-производственная деятельность населения и пути развития (Е. Ю. Гиря).
4. Развитие культуры, дифференциация хозяйства, орудийные комплексы населения европейской части России, Предкавказья, Украины, Молдавии, Средней Азии в эпохи энеолита–бронзы (Г. Ф. Коробкова, Н. Н. Скакун, Г. Н. Поплевко, Т. А. Шаровская).

Этим научным направлениям были подчинены как полевые изыскания, так и лабораторные исследования, проведенные в фондах Института археологии НАН Украины, Луганска, Донецка, Ростова-на-Дону. Были изучены крупные коллекции каменных изделий мустьерской стоянки Ильская-2 и раннеашельской стоянки Богатыри, мезолитической стоянки на о. Жохова, трипольского поселения Бодаки, поселения константиновской культуры Константиновское, многослойного памятника нижнесихайловской и древнеямной культур Михайловское, поселения Алтыш-депе, поселения Свободное домайкопской культуры и др. Ком-

плексный характер исследований, крупные выборки археологических артефактов, разработка функциональной типологии, привязка орудий к конкретным производствам, использование данных изучения смежных дисциплин: экологии, палеоэкологии, палинологии, палеоботаники и других позволили восстановить орудийный набор, хозяйственно-производственную деятельность населения прошлого, функциональную направленность стоянок и поселений, их внутреннюю структуру, установить культурно-генетические, обменные и торговые связи, организацию производств и т. п. Параллельно сотрудники Лаборатории занимались дальнейшими разработками экспериментально-трасологического, технологического, функционально-планиграфического анализа, позволившими значительно расширить культурно-хронологический диапазон исследуемых памятников. Разработанные диагностические признаки стали надежными критериями для определения функций орудий от олдувая до средневековья и восстановления обрабатываемого ими конкретного материала, порою отсутствующего на территории стоянок и поселений. Масштабность изысканий дала в руки археологов принципиально важную информацию о функционально-технологическом характере индустрий, их специфике и роли в реконструкции хозяйственных систем. Эти разработки, как и комплексные исследования археологических материалов, их массовость, принадлежность к дифференцированным культурам, историческим периодам и разным географо-климатическим регионам получили большой научный резонанс и признание.

Крупным событием отчетного периода было проведение по линии Европейской Ассоциации археологов в сентябре 2003 г. Международной конференции «Сырье, технология, функции орудий труда», организованной силами Экспериментально-трасологической лаборатории (организатор с российской стороны Н. Н. Скакун) и CNRS Франции (организатор Х. Плиссон) на базе ИИМК РАН. В ней приняли участие более 30 зарубежных исследователей из Франции, Италии, Германии, Австрии, Бельгии, Болгарии, Испании и других стран, а также свыше 60 ученых из России и ближнего зарубежья: Украины, Молдовы, Грузии, Азербайджана, Казахстана и др. Было заслушано 32 доклада, посвященных отдельным разработкам в области изучения функций орудий труда. Широкие обобщающие доклады были сделаны российскими учеными, в том числе сотрудниками Лаборатории и учениками петербургской трасологической школы, обратившими первостепенное внимание на проблемы реконструкций хозяйственных систем, внутренней структуры стоянок и поселений, специализации производств, охватывающих периоды позднего палеолита–бронзы.

Значительным событием для Лаборатории было участие в Северном Международном конгрессе в Ханты-Мансийске в сентябре 2002 г., где специальная секция «Методы и технология междисциплинарных исследований (функции орудий и археологический контекст)» была сформирована при активном участии сотрудников Лаборатории (куратор Н. Н. Скакун) и Уральского центра РАН (куратор Н. А. Алексашенко). Семь сотрудников Лаборатории выступили с докладами, а также в прениях и при подведении итогов работы секции.

Важным мероприятием в жизни Экспериментально-трасологической лаборатории было участие с докладами отдельных сотрудников в Международном конгрессе UISPP в 2001 г. в г. Льеже (Бельгия), на котором была создана постоянная специальная комиссия по трасологии, во главе с Н. Н. Скакун – первым российским представителем в этой организации.

Крупным событием для Экспериментально-трасологической лаборатории явилась организация и проведение в апреле 2005 г. в г. Верона (Италия) Междуна-

родной конференции «Prehistoric Technology» 40 year late: Functional studies and the Russian legacy», посвященной 40-летию выхода книги С. А. Семенова «Первобытная техника» в Лондоне и Нью-Йорке в 1964 г. Это были Вторые Семеновские чтения, объединившие весь цвет мировой трасологии. Среди многочисленных сообщений прозвучали доклады сотрудников Лаборатории и ее учеников из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Барнаула, Одессы, Баку, Тбилиси, ориентированные на проблемные вопросы. Уже само проведение конференции, связанной с именем создателя экспериментально-трасологического метода С. А. Семенова, и публикация сборника статей ученого «The roots of use-wear analysis: selected papers of S. A. Semenov» на английском языке (в переводе Л. Б. Вишняцкого), не вошедших в книгу исследователя, неоднократно издававшуюся за рубежом, и впервые увидевших свет в Италии, свидетельствуют о мировом признании российской трасологии, во многом опережающей зарубежные исследования по широте поставленных проблем, их решению и значению для археологических реконструкций. Именно масштабный охват материалов разных эпох, регионов и культур, комплексный подход к их изучению, историко-культурные и хозяйственные реконструкции, разработка новых подходов к изучению каменных индустрий как в трасологии, так и технологии, включение новых методик функциональной типологии, технологического анализа, функционально-планиграфического исследования – все это превратило экспериментально-трасологический метод в один из основных методов археологии наряду с типологическим, который не раскрывает функционального содержания орудий, а, стало быть, лишен второй части информации, характеризующей вопросы хозяйственной сферы и конкретных производств.

Активная деятельность сотрудников Экспериментально-трасологической лаборатории проявилась и на других международных и отечественных конференциях. За истекший отчетный период петербургские трасологи приняли участие в 54 симпозиумах ближнего и дальнего зарубежья, где выступали с докладами и в развернутых прениях: в Париже, Кельне, Глазго, Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Донецке, Бишкеке, Оше, Ашхабаде, Алма-Ате, Збараже, Ростове-на-Дону, Казани, Твери, Анапе, Ставрополе, Вологде, Азове, Адлере. На них звучали доклады Г. Ф. Коробковой, В. Е. Щелинского, А. К. Филиппова, Н. Н. Скакун, Е. Ю. Гири, Т. А. Шаровской, Г. Н. Поплевко, Л. Г. Чайкиной. Они отражали современное состояние трасологических знаний на примере конкретных вопросов археологии, рассмотренных на материалах разных культур и регионов от эпохи раннего палеолита до средневековья.

В 2003–2005 гг. в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (раздел 2 «Экология и жизнеобеспечение народов Евразии») осуществлен проект «Экология, жизнеобеспечение и хозяйственные комплексы населения Евразии в эпохи палеолита–бронзы. Функционально-технологический подход» (руководитель Г. Ф. Коробкова, исполнители А. К. Филиппов, Н. Н. Скакун, Т. А. Шаровская). В рамках работы по проекту: проведены раскопки на трипольском поселении Бодаки; обработаны коллекции и полевая документация памятников, хранящиеся в Институте археологии РАН, Институте археологии НАН Украины, филиале этого Института в Луганске; опубликованы 2 сборника и монография.

Сборник «Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии» под редакцией В. М. Массона, изданный в 2003 г. в Санкт-Петербурге к Международной конференции «Сырье, технология, функции орудий труда», отражает большую работу по исследованию огромных коллекций древних ору-

дий всех эпох – от палеолита до развитого средневековья, с выходом на палеоэкономические, технологические и культурологические реконструкции. Эти разработки и широкая подготовка через аспирантуру, соискательство и стажировку кадров исследователей для России и СНГ в целом, так же как и для дальнего зарубежья, утвердили лидирующее положение Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН как трасологического центра в мировой науке. В книге приводятся сведения о технологии производства и новых исследованиях и открытиях, в ходе которых были получены материалы, освещающие древние культуры Евразии и их окружающую среду.

Сборник «Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита–бронзы)» (авторы А. К. Филиппов, Г. Ф. Коробкова, О. Г. Шапошников, Н. Н. Скакун, Т. А. Шаровская, В. М. Массон, Л. Б. Кирчо, Г. М. Левковская), вышедший в 2004 г. в Санкт-Петербурге под редакцией Г. Ф. Коробковой, посвящен методико-методологическим аспектам и конкретным вопросам изучения систем жизнеобеспечения населения разных экологических зон Евразии поры верхнего палеолита–эпохи бронзы, рассмотренным на основе одного из определяющих компонентов системы – орудиях труда, изученных с помощью комплексного анализа и привлечения данных смежных дисциплин. Такой методико-методологический подход позволил раскрыть функционально-технологическое содержание древних индустрий, восстановить конкретные функции орудий, обрабатываемый ими материал, связи с производствами и хозяйственной деятельностью, реконструировать палеоэкономические системы рассматриваемых обществ и внутреннюю структуру поселений. Особое внимание уделено вопросам ландшафтно-климатической и природной обстановки и ее взаимодействию с древними обществами.

Монография Г. Ф. Коробковой, О. Г. Шапошниковой «Поселение Михайловское – эталонный памятник древнейшей культуры (экология, жилища, системы жизнеобеспечения, производственная структура)» (редакторы В. М. Массон и Л. Б. Кирчо; глава 4 написана М. Б. Рысиным), опубликованная в 2005 г. в Санкт-Петербурге, отражает итоги исследования Г. Ф. Коробковой всех материалов многослойного поселения Михайловское, расположенного в Херсонской области Украины и содержащего эталонные комплексы нижнемихайловской и древнейшей культур. В работе дан конкретный анализ индустрии всех трех слоев памятника, разработана функциональная типология, охарактеризована хозяйственно-производственная система, реконструирована внутренняя структура поселения с выделением многоочаговых дифференцированных мастерских, связанных с металлообработкой, расщеплением кремня, камнеобрабатывающим и деревообрабатывающим производствами, кожевенным делом. Это первое применение микроанализа к материалам древнейшей культуры.

Активное участие в исследовательских проектах Отдела палеолита ИИМК РАН приняли В. Е. Щелинский, Е. Ю. Гиря, Г. Н. Поппелко. С Отделом Средней Азии и Кавказа сотрудничали Г. Ф. Коробкова и Т. А. Шаровская.

В рамках проекта РГНФ «Ильская среднепалеолитическая стоянка в Прикубанье: опорный памятник среднего палеолита на Юге России» (руководитель С. А. Кулаков) В. Е. Щелинским проводятся исследования Ильской-2 – многослойной палеолитической стоянки, где удалось проследить динамику культуры среднего палеолита, представленной выразительными комплексами каменных изделий, фауны и произведениями искусства, а в ходе работы Таманского палеолитического отряда сделано сенсационное открытие самой древней в Прикубанье стоянки Богатыри, относящейся к раннеашельскому времени и содержащей

культурный слой с костями таманского фаунистического комплекса и значительным количеством выразительных камешных изделий, ежегодно пополняющихся новыми артефактами.

Результаты исследований отражены в крупной обобщающей работе В. Е. Щелинского «Поздний палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа», изданной в 2005 г. в Краснодаре, а также в совместных статьях и монографии В. Е. Щелинского и С. А. Кулакова «Ильская мустьерская стоянка. Раскопки 1920-х–1930-х годов», опубликованной в 2005 г. в Санкт-Петербурге.

Е. Ю. Гиря на базе трасологического изучения орудий труда провел технико-технологический анализ индустрий эпохи среднего и верхнего палеолита юга Восточной Европы (грот Буран-Кая III и Висла Балка), раннего этапа верхнего палеолита Восточноевропейской равнины (Костёнки 12, проект NSF, руководитель М. В. Аникевич) и арктического мезолита (стоянка на о. Жохов, проект «Жохов-2000», руководитель В. В. Питулько). По первым двум памятникам Е. Ю. Гирей изданы крупные работы. В статьях «Трасологический анализ среднепалеолитических кремневых артефактов слоя В. Буран-Кая III» и «Наблюдения по среднепалеолитическим кремневым артефактам слоя В. Буран-Кая III», опубликованных в 2004 г. в Симферополе, дана характеристика комплексов книккобинского типа микокских индустрий среднего палеолита Крыма и восстановлена жизнедеятельность населения. Монография «Висла балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце» издана в 2002 г. в Донецке и посвящена публикации материалов позднепалеолитической кремнеобрабатывающей мастерской Висла балка, расположенной на берегу Северского Донца. Им же созданы базы данных для каменных индустрий Костёнок 1, Зарайской, Авдесинской, Вислобалковской стоянок.

Г. П. Поппелко проведено полное комплексное исследование материалов поселения Константиновское среднестоговской (константиновской) культуры и сделана попытка реконструкции хозяйства и внутренней структуры поселения. Итоги этой работы, а также результаты функционально-трасологического изучения мезолитических и неолитических стоянок Карелии опубликованы в книге «Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы» (СПб., 2003; проект «Неолитизация Северной Евразии», руководитель В. И. Тимофеев).

Ею проведен также трасологический анализ материалов пещеры Кударо (проект «Сырье Кавказа и Восточной Европы», руководитель В. П. Любин), стоянок Подол и Вышегора (проект «Финальный палеолит – ранний мезолит Валдая», руководитель Г. В. Синицына) и микроанализ материалов стоянки Усвяты (проект «Междисциплинарные исследования перехода к производящему хозяйству на Северо-Западе России», руководитель А. Н. Мазуркевич). По результатам этих исследований подготовлены статьи.

Кроме того, Г. Н. Поппелко начала изучение огромной коллекции из раскопок энеолитической крепости Мешоко (Северный Кавказ), содержащей богатые комплексы каменных изделий и предметов из кремня и других пород камня (проект «Возвращение мезолитического источника», руководитель А. Д. Столяр).

Г. Ф. Коробковой и Т. А. Шаровской были проанализированы все имеющиеся материалы по орудиям труда и технологии основных видов производств крупного многослойного центра эпохи энеолита–бронзы Средней Азии – поселения Алтын-дере и осуществлены палеоэкономические реконструкции. На основе разработанных функциональной типологии прослежена специфика индустрии, ее прогрессивные черты, установлена связь с производствами, восстановлена хозяй-

ственно-производственная деятельность населения, выделены ремесленные мастерские. Результаты исследований нашли отражение в двух статьях Г. Ф. Коробковой «Методика экспериментально-трасологического и технологического анализа каменных и других неметаллических изделий эпохи палеометалла» и «Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе», опубликованных в сборнике «Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла» (редактор В. М. Массон, составитель Л. Б. Кирчо) в 2001 г. в Санкт-Петербурге.

Комплексная методика была впервые применена для изучения каменных изделий из раннесредневековых слоев известного городища Афрасиаб (Г. Ф. Коробкова), что явилось новым источником для характеристики хозяйства, выделения ремесленных мастерских и внутренней структуры на разных этапах обживания, что и было показано в статье «Ремесло древнего и средневекового Согда и его связи с населением Великого Шелкового пути», изданной в Бишкеке в 2003 г.

Н. Н. Скакуи по линии международного проекта «Организация археологической экспедиции для раскопок поселения трипольской культуры Бодаки» свою работу сосредоточила на полевых исследованиях трипольского поселения-мастерской Бодаки, где ею вскрыты новые кремнеобрабатывающие комплексы, уточнена структура поселения, получена богатая коллекция керамики, орудий труда, произведений искусства и других изделий, проведены ценные научные эксперименты, способствующие интерпретации памятника и его хозяйственно-производственной структуры как важного элемента палеоэкономической системы энеолитических раннеземледельческих обществ. Эти исследования вызвали большой интерес у специалистов Западной и Центральной Европы, Украины, Молдовы, России и нашли отражение в статье «Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы)», опубликованной в 2004 г. в Санкт-Петербурге.

Были продолжены две традиционные лабораторные экспедиции: Кубанская — по изучению среднего и нижнего палеолита Прикубанья (руководитель В. Е. Щелинский) и Энеолитическая экспедиция, развернувшая работы на поселении-мастерской трипольской культуры Бодаки (руководитель Н. Н. Скакуи).

Необходимо особо отметить монографию А. К. Филиппова «Хаос и гармония в искусстве палеолита», увидевшую свет в 2004 г. в Санкт-Петербурге, в которой на основании анализа остатков технической и символической деятельности ашель-мустьерского и особенно верхнепалеолитического человека рассматриваются истоки и мотивы ранних форм изобразительной деятельности. Поднимается вопрос возникновения эстетического отношения в первобытном обществе и показываются на археологическом материале начальные формы технологического совершенствования рисунков. В результате анализа уникальных изобразительных комплексов всемирно известных фресок, гравюр, скульптурных ансамблей пещер Франции и Испании представлена целостная концепция существования в верхнем палеолите изобразительных структур, связанных с мифологией «инобытия» и культом хозяев пещер и первопредков.

Всего за отчетный период сотрудниками Лаборатории были изданы 3 монографии, 2 сборника и 102 статьи, опубликованные в России и странах дальнего и ближнего зарубежья.

Лаборатория активно участвовала в подготовке кадров через аспирантуру, соискательство, стажировку. За истекший период прошли обучение 19 человек из многих городов России, а также из Болгарии и Узбекистана.

Курс лекций на историческом факультете СПбГУ регулярно читает Е. Ю. Гири. Сотрудники Лаборатории руководят курсовыми работами студентов. С отдельными лекциями на исторических факультетах Самаркандского университета, Национального университета Украины в Киеве, Киргизско-Славянского университета, Ошского государственного и Ошского Киргизско-Узбекского университетов, Луганского педагогического университета выступала Г. Ф. Коробкова.

Доклады В. Е. Щелинского, прочитанные на расширенном заседании Отдела палеолита ИИМК РАН «Исследование раннего палеолита на Тамани» и на Международной конференции «Мир наскального искусства» в октябре 2005 г. на тему «Палеолитическое святилище Капова пещера (Шулганташ) на Южном Урале: современное состояние и перспективы исследования» (совместно с Т. Щербаковой), вызвали огромный научный интерес и высокие оценки специалистов.

Большой интерес вызвал доклад Г. Ф. Коробковой «Итоги комплексного изучения материалов многослойного поселения Михайловское», прочитанный на Ученом совете Института археологии НАН Украины в ноябре 2005 г., который получил признание специалистов по древнейшей и нижнемихайловской культуре своими новаторскими заключениями.

Подытоживая сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что в последние годы совершенствование методики позволило расширить хронологический диапазон исследования археологических артефактов и внедрить комплексный подход в изучении массового материала с использованием типологии, технологии, трасологии, эксперимента, функционально-планиграфического анализа, что стало приоритетным направлением российской трасологической школы. Методика микро-макроанализа распространилась на изучение материалов как самых ранних эпох (олдувай, ашель), так и более позднего времени (бронза-средневековье).

Г. Ф. Коробкова, Т. А. Шаровская

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА

Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН является старейшим научным центром России по исследованию древних культур Центральной Азии, Кавказа и Сибири. В Отделе работают 26 сотрудников, в том числе 4 доктора наук, 15 кандидатов и 7 сотрудников без степени.

Отдел изучает древнеземледельческие и кочевнические общества Евразии, а также разрабатывает проблемы культурного взаимодействия городских цивилизаций Востока и варварской периферии. Эти общие направления реализуются в разработках сотрудников Отдела, посвященных исследованию древних культур Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Северного Кавказа, степной зоны Северного Причерноморья и Волго-Уральского междуречья, а также Южной Сибири.

Научные изыскания Отдела направлены на решение фундаментальной задачи археологии — изучение закономерностей развития культуры населения эпохи энео-

ственно-производственная деятельность населения, выделены ремесленные мастерские. Результаты исследований нашли отражение в двух статьях Г. Ф. Коробковой «Методика экспериментально-трасологического и технологического анализа каменных и других неметаллических изделий эпохи палеометалла» и «Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе», опубликованных в сборнике «Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла» (редактор В. М. Массон, составитель Л. Б. Кирчо) в 2001 г. в Санкт-Петербурге.

Комплексная методика была впервые применена для изучения каменных изделий из раннесредневековых слоев известного городища Афрасиаб (Г. Ф. Коробкова), что явилось новым источником для характеристики хозяйства, выделения ремесленных мастерских и внутренней структуры на разных этапах обживания, что и было показано в статье «Ремесло древнего и средневекового Согда и его связи с населением Великого Шелкового пути», изданной в Бишкеке в 2003 г.

Н. Н. Скакуи по линии международного проекта «Организация археологической экспедиции для раскопок поселения трипольской культуры Бодаки» свою работу сосредоточила на полевых исследованиях трипольского поселения-мастерской Бодаки, где ею вскрыты новые кремнеобрабатывающие комплексы, уточнена структура поселения, получена богатая коллекция керамики, орудий труда, произведений искусства и других изделий, проведены ценные научные эксперименты, способствующие интерпретации памятника и его хозяйственно-производственной структуры как важного элемента палеоэкономической системы энеолитических раннеземледельческих обществ. Эти исследования вызвали большой интерес у специалистов Западной и Центральной Европы, Украины, Молдовы, России и нашли отражение в статье «Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы)», опубликованной в 2004 г. в Санкт-Петербурге.

Были продолжены две традиционные лабораторные экспедиции: Кубанская — по изучению среднего и нижнего палеолита Прикубанья (руководитель В. Е. Щелинский) и Энеолитическая экспедиция, развернувшая работы на поселении-мастерской трипольской культуры Бодаки (руководитель Н. Н. Скакуи).

Необходимо особо отметить монографию А. К. Филиппова «Хаос и гармония в искусстве палеолита», увидевшую свет в 2004 г. в Санкт-Петербурге, в которой на основании анализа остатков технической и символической деятельности ашель-мустьерского и особенно верхнепалеолитического человека рассматриваются истоки и мотивы ранних форм изобразительной деятельности. Поднимается вопрос возникновения эстетического отношения в первобытном обществе и показываются на археологическом материале начальные формы технологического совершенствования рисунков. В результате анализа уникальных изобразительных комплексов всемирно известных фресок, гравюр, скульптурных ансамблей пещер Франции и Испании представлена целостная концепция существования в верхнем палеолите изобразительных структур, связанных с мифологией «инобытия» и культом хозяев пещер и первопредков.

Всего за отчетный период сотрудниками Лаборатории были изданы 3 монографии, 2 сборника и 102 статьи, опубликованные в России и странах дальнего и ближнего зарубежья.

Лаборатория активно участвовала в подготовке кадров через аспирантуру, соискательство, стажировку. За истекший период прошли обучение 19 человек из многих городов России, а также из Болгарии и Узбекистана.

Курс лекций на историческом факультете СПбГУ регулярно читает Е. Ю. Гири. Сотрудники Лаборатории руководят курсовыми работами студентов. С отдельными лекциями на исторических факультетах Самаркандского университета, Национального университета Украины в Киеве, Киргизско-Славянского университета, Ошского государственного и Ошского Киргизско-Узбекского университетов, Луганского педагогического университета выступала Г. Ф. Коробкова.

Доклады В. Е. Щелинского, прочитанные на расширенном заседании Отдела палеолита ИИМК РАН «Исследование раннего палеолита на Тамани» и на Международной конференции «Мир наскального искусства» в октябре 2005 г. на тему «Палеолитическое святилище Капова пещера (Шулганташ) на Южном Урале: современное состояние и перспективы исследования» (совместно с Т. Щербаковой), вызвали огромный научный интерес и высокие оценки специалистов.

Большой интерес вызвал доклад Г. Ф. Коробковой «Итоги комплексного изучения материалов многослойного поселения Михайловское», прочитанный на Ученом совете Института археологии НАН Украины в ноябре 2005 г., который получил признание специалистов по древнейшей и нижнемихайловской культуре своими новаторскими заключениями.

Подытоживая сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что в последние годы совершенствование методики позволило расширить хронологический диапазон исследования археологических артефактов и внедрить комплексный подход в изучении массового материала с использованием типологии, технологии, трасологии, эксперимента, функционально-планиграфического анализа, что стало приоритетным направлением российской трасологической школы. Методика микро-макроанализа распространилась на изучение материалов как самых ранних эпох (олдувай, ашель), так и более позднего времени (бронза-средневековье).

Г. Ф. Коробкова, Т. А. Шаровская

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА

Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН является старейшим научным центром России по исследованию древних культур Центральной Азии, Кавказа и Сибири. В Отделе работают 26 сотрудников, в том числе 4 доктора наук, 15 кандидатов и 7 сотрудников без степени.

Отдел изучает древнеземледельческие и кочевнические общества Евразии, а также разрабатывает проблемы культурного взаимодействия городских цивилизаций Востока и варварской периферии. Эти общие направления реализуются в разработках сотрудников Отдела, посвященных исследованию древних культур Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Северного Кавказа, степной зоны Северного Причерноморья и Волго-Уральского междуречья, а также Южной Сибири.

Научные изыскания Отдела направлены на решение фундаментальной задачи археологии — изучение закономерностей развития культуры населения эпохи энео-

лита, бронзового и железного века на территории России и стран СНГ. Следует отметить, что Отдел является единственным научным коллективом в России, в котором работают специалисты по первобытной, античной и раннесредневековой археологии Центральной Азии. Изучение древних культур Центральной Азии и Кавказа и прилегающих к ним регионов чрезвычайно важно не только с точки зрения узкопрофессиональных интересов, но и с точки зрения развития и укрепления международных связей России со странами СНГ. Расширение и углубление сотрудничества российских археологов с их коллегами из Центральной Азии несомненно обогатят российскую и центральноазиатскую археологические школы и будут способствовать получению высоких научных результатов. Поэтому полевые работы сотрудников Отдела в Центральной Азии нуждаются в особой поддержке со стороны Отделения и Президиума РАН, тем более, что ИИМК заключил договоры о сотрудничестве с Институтом археологии АН Республики Узбекистан и Институтом археологии им. А. Х. Маргулана АН Республики Казахстан. С 2000 г. по инициативе В. М. Массона Институт культурного наследия народов Туркменистана издает историко-археологический журнал «Мирас», в котором публикуются статьи по археологии и древней истории народов Центральной Азии, а в 2002 г. Национальная Академия наук Кыргызстана и Кыргызский национальный университет начали издание журнала «Диалог цивилизаций», посвященного изучению контактов древних народов и государств, находившихся в зоне Великого Шелкового пути. Главным редактором этого журнала является В. М. Массон, им же опубликована в 2003 г. в г. Бишкеке монография «Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие (историко-культурологические очерки)».

С середины 1990-х гг. в связи с сокращением финансирования Отдел столкнулся с серьезными трудностями. Экспедиционная деятельность оказалась крайне затруднена, причем петербургская среднеазиатская и закавказская школы археологии пострадали особенно сильно. Временным выходом из создавшейся ситуации стали перенос основных усилий на публикацию уже накопленного археологического материала и издание обобщающих монографий в русле традиционной тематики Отдела.

С 2004 г. сотрудники Отдела проводят исследования в рамках пяти научных проектов: «Древнеземледельческие культуры эпохи энеолита и бронзы на юге Средней Азии (происхождение, развитие, контакты)» (руководитель В. А. Алёшкин, исполнители В. М. Массон, Л. Б. Кирчо, А. Я. Щетинко, Н. Ф. Соловьёва, Ю. Г. Кутимов); «Военная археология Средней Азии (от эпохи раннего железа до монгольского нашествия)» (руководитель В. П. Никоноров, исполнители В. И. Распопова, Д. Абдуллоев, В. А. Завьялов); «Новые материалы и исследования эпохи палеометалла Кавказа и Юго-Восточной Европы» (руководитель В. С. Бочкарев, исполнители К. Х. Кушнарева, М. Б. Рысин, Э. С. Шарафутдинова, В. А. Трифонов, А. Д. Резенкин, В. Я. Стеганцева); «Проблемы формирования и развития культур эпохи бронзы и скифского времени Южной Сибири и Тувы (происхождение, трансформация, взаимодействие)» (руководитель Вл. А. Семенов, исполнители Н. А. Боковенко, М. Н. Пшеницына, И. П. Лазарев, А. В. Поляков, Л. А. Соколова, Н. Ю. Смирнов); «Культурные процессы в Центральной Азии в гуннскую и постгуннскую эпоху» (руководитель С. С. Миняев, исполнитель Э. Б. Вадецкая).

По каждому из этих проектов изданы обобщающие исследования. В целом же в 2001–2005 гг. сотрудниками Отдела опубликовано более 300 научных работ, в том числе 14 монографий (две из них – посмертные публикации матери-

лов ведущих ученых), 6 сборников статей и материалов конференций, 5 развернутых полевых отчетов.

В рамках первого из названных проектов полностью завершена публикация материалов могильников эпохи энеолита и бронзы Юго-Западной Туркмении. Завершающая монография, посвященная этим уникальным материалам, которые автор не успел опубликовать при жизни, была издана в Санкт-Петербурге в 2002 г.: И. Н. Хлопик. «Эпоха бронзы Юго-Западной Туркмении» (отв. ред. В. А. Завьялов). В 2005 г. в научный оборот введены также погребальные комплексы Алтын-депе – эталонного поселения эпохи энеолита и бронзового века Юго-Восточной Туркмении «Хронология эпохи позднего энеолита-средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе)» (редакторы В. М. Массон и Ю. Е. Березкин, авторы разделов Л. Б. Кирчо и В. А. Алёшкин). В этом фундаментальном исследовании дан детальный анализ динамики древнеземледельческой культуры конкретного общества на основе изучения погребального ритуала и инвентаря захоронений. Обе книги посвящены исследованию высокоразвитых цивилизаций древних земледельцев юга Центральной Азии, имевших постоянные контакты со своими соседями в Иране и Афганистане. Археологические коллекции, на которых основываются данные исследования, намного превосходят количество находок, полученных при раскопках синхронных памятников Ирана, Афганистана и Пакистана. Эти материалы эпохи энеолита и бронзы, полученные экспедициями ИИМК на юге Туркмении, в настоящее время являются едва ли не единственным источником, позволяющим реконструировать модели социального и культурного развития комплексных обществ, не перешагнувших порога государственности, и даже экстраполировать полученные выводы на соседние территории. Оба исследования являются фундаментальными сводками тщательно выверенных данных по важнейшим памятникам древневосточной археологии, которыми многие годы будут пользоваться как российские, так и зарубежные археологи. В 2001 г. в Санкт-Петербурге издан также сборник «Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла» (отв. ред. В. М. Массон, авторы Ю. Е. Березкин, А. Н. Егорьков, Л. Б. Кирчо, Г. М. Ковнурко, Г. Ф. Коробкова, Н. Н. Терехова), посвященный введению в научный оборот и междисциплинарному изучению материалов Алтын-депе на основе типологического, химического, металлографического, трасологического и петрографического анализов, что позволило проследить конкретные особенности техники и технологии различных производств поселения на протяжении III тыс. до н. э.

Большой научный резонанс имеет издание предметов древнего искусства, найденных при раскопках древнеземледельческого поселения эпохи энеолита Илгыны-депе на Юго-Востоке Туркмении (N. F. Solovyova. Chalcolithic Anthropomorphic Figurines from Ilgynly-depe, Southern Turkmenistan. Classification, analysis and catalogue. Oxford, 2005). Эта монография, изданная в серии British Archaeological Reports (International Series, No. 1336), свидетельствует о глубоком интересе, который проявляют зарубежные исследователи к научным открытиям сотрудников Отдела.

По линии второго проекта в 2004 г. в Санкт-Петербурге опубликована книга В. П. Никонорова (совм. с Ю. С. Худиковым) «“Священные стрелы” Мао-дуня и “Марсов меч” Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов». Характеристика ратного искусства одного из наиболее воинственных народов эпохи железного века дана авторами не только по археологическим, но и по нарративным источникам. В монографии В. А. Мешкерис «Индийские традиции в художественной культуре Средней Азии» (СПб., 2004) обобщены разнообраз-

ные артефакты (архитектура, скульптура, живопись, корoplastика и монеты), свидетельствующие о том, что индуистские и буддийские культурные импульсы весьма существенно влияли на развитие духовной культуры народов юга Центральной Азии в поздантичное и раннесредневековое время.

Кроме того, по инициативе В. М. Массона и при активном участии В. П. Никопорова в 2002 г. возобновлено прерванное в 1920-х гг. издание «Записок Восточного отделения Русского (Российского) археологического общества» (ЗВОРАО. Новая серия. СПб. Т. 1/XXVI). Издание ориентировано на публикацию статей по археологии, истории, эпиграфике и пумизматике Востока. Второй том «Записок» подготовлен к печати и выйдет в свет в 2006 г.

В 2001 г. Ю. Е. Березкиным опубликовано фундаментальное исследование «Мост через океан. Заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки» (Российские исследования в гуманитарных науках. Т. 23. Lewiston). Автор реконструирует пути заселения палеоиндейцами Американского континента, исходя из системы распространения мифологических мотивов среди аборигенов населения Нового Света.

По тематике третьего проекта в 2002 г. В. С. Бочкаревым в соавторстве с В. А. Дергачевым (Кишинев) опубликована обобщающая монография «Металлические серпы эпохи поздней бронзы Восточной Европы». В. С. Бочкарев известен в России и за рубежом как ведущий специалист по эпохе бронзы, в работах которого методическая тщательность сочетается с широким охватом материала. В книге анализируются бронзовые серпы (1500 экземпляров), найденные в Уральском, Волго-Уральском, Северо-Кавказском, Прикарпатско-Трансильванском и Дунайском регионах. Обобщение этого обширного материала позволило существенно уточнить хронологию различных археологических комплексов финальной стадии эпохи бронзы и реконструировать культурные связи древних племен, населявших в позднем бронзовом веке степные и лесостепные районы Восточной Европы.

По линии четвертого проекта в Санкт-Петербурге в 2003 г. посмертно опубликованы материалы раскопок Г. А. Максименковым тагарских курганных могильников: Г. А. Максименков, «Материалы по ранней истории тагарской культуры» (отв. ред. Э. Б. Вадецкая). Книга посвящена погребальному обряду и социальной организации общества, населявшего бассейн Среднего Енисея на раннем этапе сложения тагарской культуры. Это исследование основано на изучении трех полностью раскопанных могильников, расположенных на левом берегу Енисея (Пришкин лог I, Черновая I и Новая Чёрная I). Также в 2003 г. Вл. А. Семенов издал результаты раскопок скифских могильников Тувы — «Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифских времен Центрально-Тувинской котловины». Эти материалы являются важнейшим источником по исследованию культурного взаимодействия народов Южной Сибири в эпоху ранних кочевников.

В тематике пятого проекта существенное место занимает гуннская проблематика. В настоящее время С. С. Миняев завершил публикацию корпусов важнейших источников по археологии хунну, издав в 2003 г. (в соавторстве с А. В. Давыдовой) монографию «Комплекс археологических памятников у с. Дурёны». Кроме того, он же (в соавторстве с Ф. Смолярски) выпустил в Брюсселе книгу (S. Miniaev, Ph. Smolarsky. Art of the steppes. Brussels: Foundation Richard Liu, 2002), в которой дана культурно-хронологическая атрибуция коллекции художественных бронз из собрания Европейского института исследования Китая (Брюссель). Эти бронзы относятся к скифской и хуннской эпохам.

Большое значение для научной деятельности Отдела играет финансовая поддержка его исследовательских, полевых и издательских проектов Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ), Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Санкт-Петербургским научным центром (СПбНЦ). За минувшие пять лет сотрудниками Отдела получено 15 грантов РГНФ, 2 гранта РФФИ и 3 гранта СПбНЦ. Кроме того, Л. Б. Кирчо и М. Б. Рысин являются авторами разделов в публикациях по проектам, которые осуществлялись в рамках трехлетней программы Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

По указанной выше причине в истекшем пятилетии в Центральной Азии были проведены лишь скромные по масштабам полевые исследования крупнейшего поселения эпохи энеолита и бронзы на юге Туркмении — Алтын-депе (2001 г., Л. Б. Кирчо). Сотрудники Отдела В. И. Распопова и Д. Абдуллоев в составе Пенджикентской экспедиции Государственного Эрмитажа ежегодно принимают участие в раскопках раннесредневекового согдийского города Пенджикента (Таджикистан). Кроме того, В. А. Завьялов как сотрудник туркмено-английской экспедиции исследовал фортификацию поздантичного и раннесредневекового города Мерв (Юго-Восточный Туркменистан).

На территории России полевые исследования активно продолжались. С. С. Миняев (Забайкальская экспедиция) в сезоне 2005 г. завершил многолетние раскопки уникального царского кургана хуннского времени в пади Царям (Бурятия). Получены новые яркие материалы, позволяющие реконструировать погребальный обряд кочевнической знати этого времени. Вл. А. Семенов (Тувинская экспедиция) в 2005 г. начал раскопки пещеры Куйлуг-Хем. В настоящее время в ней выявлены культурные слои от верхнего палеолита до раннего неолита (верхнеенисейская культура). Пещерная стоянка с хорошо стратифицированными отложениями впервые исследуется в Туве. В верхнепалеолитическом слое этого памятника найдена костяная подвеска мальтинского типа. Тувинская экспедиция проводит также спасательные работы в зоне разрушения берегов Саяно-Шушенского водохранилища и исследует памятники наскального искусства. Средне-Енисейская экспедиция в составе трех отрядов (руководители отрядов Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков) исследует в Южной Сибири могильники карасукской и тагарской культур. В 2004 г. возобновились работы Бейской экспедиции (М. И. Пигицына и Л. А. Соколова), которая начала исследования тагарских курганов в Хакасии.

На Северном Кавказе ежегодно работает Запднокавказская экспедиция (В. А. Трифонов), исследующая в рамках программы Министерства культуры РФ «Культура России (2001–2005 гг.)» дольменные могильники в долине р. Жане (Краснодарский край). Ее усилия направлены на музеефикацию дольменов как важной части культурного наследия народов Северного Кавказа. Результаты работ В. А. Трифонова получили высокую международную оценку. В 2003 г. этот проект был награжден призом Европейской Археологической Ассоциации «Европейское Археологическое наследие». Впервые международная научная организация столь высокого ранга отметила заслуги русского археолога. Раскопки поселений эпохи энеолита–ранней бронзы в Краснодарском крае осуществляет А. Д. Реззкин (Майкопская экспедиция), а наспортизацию археологических памятников в Карачаево-Черкесии — в рамках программы Министерства культуры РФ «Культура России (2001–2005 гг.)» — М. Б. Рысин и Ю. Г. Кутимов. В 2000–2002 гг. дано 150 паспортов на археологические памятники Карачаево-Черкесии, в 2003 г. проведен мониторинг 113 памятников, в том числе 38 памятников федерального значения.

Сотрудники Отдела организовали две международные конференции. Одна из них «Степи Евразии в древности и средневековье», посвященная 100-летию со дня рождения крупнейшего исследователя сибирских древностей проф. М. П. Грязнова, состоялась в марте 2002 г. В ее работе приняли участие 232 исследователя из многих городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Воронежа, Ростова-на-Дону, Майкопа, Казани, Челябинска, Екатеринбург, Омска, Тюмени, Новосибирска, Кемерово, Барнаула и Абакана), научных центров стран СНГ (Украины, Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Молдовы) и дальнего зарубежья (Германии, Монголии, США, Франции, Эстонии и Японии). Материалы конференции «Степи Евразии в древности и средневековье» (отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский; СПб., 2002) изданы в двух томах.

Вторая конференция «Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура», посвященная 100-летию со дня рождения известного российского археолога и востоковеда А. М. Беленицкого, была проведена в ноябре 2004 г. В ее работе участвовали 52 специалиста из Санкт-Петербурга, Москвы, Великого и Нижнего Новгорода, а также из зарубежных научных центров Великобритании, Венгрии, Израиля, Испании, Италии, США, Таджикистана, Узбекистана, Франции и Японии. Материалы конференции – сборник «Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура» (отв. ред. В. П. Никоноров) – опубликованы в 2005 г. в Санкт-Петербурге.

Сотрудники Отдела принимали активное участие в организации и проведении трех международных конференций в Туркменистане: «Конь и всадник. Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства», Ашгабат, 2001 г. (В. М. Массон, В. А. Козлов, В. П. Никоноров, Вл. А. Семенов, В. Я. Стеганцева, А. Я. Щегенко); «Туркменистан – родина Анауской культуры и Ак бугдая», Ашгабат, 2004 г. (В. М. Массон, Л. Б. Кирчо); «Взаимное влияние культур и цивилизаций в III тысячелетии», Ашгабат, 2005 г. (В. М. Массон, Л. Б. Кирчо).

Кроме того, сотрудники Отдела участвовали в следующих международных конференциях: 2001 г. – «Spaces and Frontiers», Salt Lake City (США), доклад: «Влияние среднеазиатских кочевников на культуру Парфянской империи» (В. П. Никоноров); 2002 г. – «Архитектура и война», Лодзь (Польша), доклад: «Об искусстве осады городов в среде кочевых племен Юго-Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов» (В. П. Никоноров); 2003 г. – «Arms and Armour as Indicators of Cultural Transfer: The Steppes and the Ancient World from Hellenistic Times to the Early Middle Ages», Wittenberg (Германия), доклады: «О происхождении катафрактариев» (В. П. Никоноров) и «Согдийское войско и вооружение в период Великого переселения народов» (В. И. Распопова); «Ancient Sogdiana», Oxford (Великобритания), доклад: «Бедные и богатые горожане Пенджикента» (В. И. Распопова); 2004 г. – «Spätantike in Mittelasien: Archäologie, Geschichte, Kunst», Tübingen (Германия), доклад: «Парфянский вклад в военное дело раннесасанидской империи: III–IV вв.» (В. П. Никоноров); «After Alexander: Central Asia before Islam», London (Великобритания), доклад: «Оборонительные сооружения Мерва (Гаур-кала) после Александра Великого» (В. А. Завьялов); 2005 г. – «New perspectives on the pre-Islamic paintings at Afrasiab (Samarkand)», Venezia (Италия), доклад: «Этнос и вооружение в настенной живописи Афрасиаба» (В. И. Распопова); «Eurasia Archaeology Conference», Chicago (США), доклад: «Погребальные памятники тагарской культуры» (Н. А. Боковенко); «11th Annual Conference of the European Association of Archaeology», Cork (Ирландия), секция

«Skull Collection, Modification and Decoration», доклад: «Тагарские погребальные маски» (Э. Б. Вадецкая); конференция, посвященная 30-летию раскопок Иккиз-депе, Стамбул (Турция), доклады: «Северо-Западный Кавказ и Восточная Анатолия в III тыс. до Р. Х.», «Дольмены Циркумпонтийской зоны» (В. А. Трифонов); «Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия», Минусинск (Россия), конференция, посвященная 100-летию со дня рождения известного российского археолога С. В. Киселева, доклады: «Хронологические исследования памятников скифского времени Южной Сибири и Центральной Азии» (Н. А. Боковенко совм. с Г. И. Зайцевой и др.), «Вклад С. В. Киселева в изучение таштыкских погребальных масок» (Э. Б. Вадецкая), «О месте памятников байновского этапа в периодизации Южной Сибири» (И. П. Лазаретов), «Местоположение лопчатых привесок в погребениях карасукской культуры» (А. В. Подяков); «Мир наскального искусства», Москва (Россия), доклад: «Знаки и символы на курганных плитах и в наскальных изображениях Центральной Азии» (Вл. А. Семенов).

Сотрудники Отдела также принимали участие в археологических конференциях, проведенных в Адлере, Барнауле, Волгограде, Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Самаре, Улан-Удэ и ряде других городов России.

Говоря о международном сотрудничестве сотрудников Отдела, следует прежде всего назвать работы Н. А. Боковенко в проекте INTAS «Место Аржана в системе культур скифского мира (хронология, окружающая среда, хозяйство)» и в российско-нидерландском проекте «Влияние климатических изменений на экосистемы Южной Сибири и Центральной Азии в голоцене». В. А. Завьялов с марта по август 2004 г. находился в Великобритании по приглашению Лондонского университетского колледжа и работал при Британском музее по теме «Античная и раннесредневековая фортификация Мерва». Это исследование будет опубликовано в коллективной монографии, которая запланирована в рамках туркмено-английского полевого проекта «Древний Мерв». В. А. Трифонов в 2004 г. прочел лекцию «Западный Кавказ и Восточная Анатолия в VI–III тыс. до Р. Х.» во время работы семинара «Анатолия и ее соседи», организованного университетом г. Тюбинген (Германия). В феврале 2005 г. В. А. Трифонов прочел в Британском институте археологии (Анкара, Турция) лекцию «Западный Кавказ и Восточная Анатолия в VI–IV тыс. до Р. Х.». В. П. Никоноров с сентября по декабрь 2005 г. на стипендию, полученную от Institute for Advanced Study, работал в Принстоне (Нью-Джерси, США) по теме «Военное дело на маршруте Великого Шелкового пути».

За истекшее пятилетие при Отделе защищены 2 докторские и 6 кандидатских диссертаций, в том числе в 2005 г. кандидатские диссертации В. А. Завьялова «Культура Бактрии-Тохаристана кушано-сасанидского времени (по материалам Зартепа)» и И. Ф. Соловьевой «Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгыныл-депе)».

При Отделе проходили подготовку аспиранты и соискатели из Санкт-Петербурга и различных городов России. Сотрудники Отдела активно участвуют в образовательном процессе. При Започнокавказской экспедиции проходит летнюю полевую практику студенты Краснодарского государственного университета, при Средне-Внсейской экспедиции – студенты Хакасского государственного университета. Кроме того, сотрудники Отдела ведут регулярную педагогическую деятельность в Санкт-Петербургском государственном университете (В. А. Алёшкин, В. С. Бочкарев, В. М. Массон, В. П. Никоноров), Академии

художеств им. И. Е. Репина (Вл. А. Семсенов), Институте управления и экономики и Санкт-Петербургском Институте этнологии (В. А. Алёшкин), Российской Академии культуры (Н. А. Боковенко).

В. С. Бочкарев регулярно читал лекции по археологии бронзового века в университетах Екатеринбург, Саратова, Самары, Волгограда и Кишинева (Молдова), а В. М. Массон – в Славянском университете Бишкека (Киргизия). В 2002–2004 гг. Н. Ф. Соловьёва читала лекции по археологии раннеземледельческих обществ Центральной Азии в университетах Варшавы (Польша), Лондона (Великобритания), Лиона и Парижа (Франция), Анкары (Турция).

Завершая обзор работы Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа в 2001–2005 гг., необходимо подчеркнуть, что за это время его сотрудниками были проведены научные изыскания по всем традиционным для Отдела направлениям и при этом получены результаты, требующие новых полевых исследований.

В. А. Алёшкин, Ю. Г. Кутимов

ОТДЕЛ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Отдел истории античной культуры является одним из старейших в структуре Института, продолжающим традиции изучения памятников классической древности, которые были заложены еще в Императорской Археологической комиссии. В настоящее время в составе Отдела работают 3 доктора исторических наук, 6 кандидатов исторических наук, 1 научный сотрудник без степени. В сферу научных интересов Отдела входят памятники античной культуры всего Северного Причерноморья от Дуная до Кубани, а также памятники местных племен, находившихся в орбите экономического и культурного влияния греческих государств. Работу Отдела с 1998 г. возглавляет К. К. Марченко.

Ушла на пенсию авторитетная исследовательница боспорских и ольвийских древностей В. И. Денисова. Тяжелым ударом для античной археологии Санкт-Петербурга стала смерть в 2001 г. Е. Я. Рогова. Можно сказать, что этому талантливому жизнерадостному и жизнелюбивому человеку принадлежало особое место в коллективе, от его отношения зависело многое в создании творческой атмосферы, определении основных направлений научных поисков. Однако имеются и приобретения: на работу в Отдел были приняты два новых сотрудника – О. В. Шаров и Р. В. Стоянов.

Исследования в Отделе осуществляются по двум основным темам. Первая из них – «История и культура античных государств Северного Причерноморья и взаимосвязь античной культуры и культуры местного населения». Эта тема является традиционной для Отдела, в ее рамках достигнуты наиболее существенные научные результаты и имеются большие перспективы для будущего развития. Необходимо подчеркнуть также, что она связана с одной из фундаментальных проблем современного антиковедения – изучением взаимоотношений греков-колонистов и местного населения. Проблема греко-варварских взаимоотношений стоит в ряду самых важных для понимания особенностей военно-политического,

социально-экономического, культурного развития в Северном Причерноморье. В группу по изучению этой темы входят В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев, К. К. Марченко (руководитель), В. Ф. Столба, Р. В. Стоянов, И. Ю. Шауб, А. Н. Щеглов.

Вторая тема – «Боспор Киммерийский. Греческие города и сельские поселения» в последние годы стала основной для многих сотрудников Отдела, занимающихся также изучением греко-варварских взаимодействий на Боспоре. Тема связана с Боспором Киммерийским (современный Керченский пролив), то есть районом, где эти процессы отличались особой интенсивностью. Она предусматривает исследовательскую и экспедиционную деятельность, а также проведение Международных конференций «Боспорский феномен». Во вторую творческую группу входят М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов (руководитель), В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев, О. В. Шаров.

Следует подчеркнуть, что исследовательские проекты, археологические экспедиции, поездки в зарубежные страны не раз поддерживались различными научными фондами. М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский сейчас участвуют в проекте РГНФ, посвященном введению в научный оборот рукописного наследия П. Дюбрюкса (руководитель И. В. Тупкина). Французский эмигрант П. Дюбрюкс, работавший в Керчи в начале XIX в., по праву считается «отцом» боспорской археологии, и интерес к его изысканиям в этой области вполне закономерен. Исследовательский проект С. В. Кашаева по греческой керамике с поселения Панское I (Западный Крым) в 2001 г. получил поддержку на Санкт-Петербургском конкурсе для студентов, аспирантов, молодых ученых и специалистов. В 2003 г. С. В. Кашаев получил также грант INTAS по проекту «Комплекс хозяйственной керамики из раскопок участка У7 на поселении Панское-1». В 2002 г. Ю. А. Виноградов и В. А. Горончаровский трудились по проекту, связанному с интеграцией деятельности Кафедры истории Древней Греции и Рима СПбГУ и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН. Одной из тем этого проекта было изучение военно-политической истории Боспорского царства, что в дальнейшем привело к подготовке ряда крупных публикаций.

Археологические раскопки на Таманском полуострове, проводившиеся В. А. Горончаровским и С. В. Кашаевым в 2004–2005 гг., получили финансовую поддержку от СПбНЦ РАН, а проект полевых исследований С. В. Кашаева в 2005 г. был поддержан также РГНФ. Кроме того, в 2005 г. В. А. Горончаровский получил поддержку этого фонда для участия в III Понтийском конгрессе (Прага) и по научному проекту «Илурат – Боспорский город-крепость», а в 2002 г. М. Ю. Вахтиной был выделен грант РГНФ для проведения 4-й конференции «Боспорский феномен».

Безусловно, важным показателем роста научного потенциала Отдела является подготовка и защита диссертационных работ. Ю. А. Виноградов защитил докторскую диссертацию по теме: «Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху» в 2002 г., а В. А. Горончаровский – на тему «Военное дело и военно-политическая история Боспора в I в. до н. э. – середине III в. н. э.» – в 2005 г.

Соискатель Отдела А. Е. Терещенко подготовил и в 2004 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского в VI–V вв. до н. э.». В том же году Р. В. Стоянов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Некрополь Херсонеса Таврического в V–I вв. до н. э.».

Сотрудники Отдела ведут собственные полевые исследования, а также участвуют в работах экспедиций других научных центров. Необходимо признать,

художеств им. И. Е. Репина (Вл. А. Семенов), Институте управления и экономики и Санкт-Петербургском Институте иудаики (В. А. Алёкшин), Российской Академии культуры (Н. А. Боковенко).

В. С. Бочкарев регулярно читал лекции по археологии бронзового века в университетах Екатеринбурга, Саратова, Самары, Волгограда и Кишинева (Молдова), а В. М. Массон – в Славянском университете Бишкека (Киргизия). В 2002–2004 гг. Н. Ф. Соловьева читала лекции по археологии раннеземледельческих обществ Центральной Азии в университетах Варшавы (Польша), Лондона (Великобритания), Лиона и Парижа (Франция), Анкары (Турция).

Завершая обзор работы Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа в 2001–2005 гг., необходимо подчеркнуть, что за это время его сотрудниками были проведены научные изыскания по всем традиционным для Отдела направлениям и при этом получены результаты, требующие новых полевых исследований.

В. А. Алёкшин, Ю. Г. Кутимов

ОТДЕЛ ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Отдел истории античной культуры является одним из старейших в структуре Института, продолжающим традиции изучения памятников классической древности, которые были заложены еще в Императорской Археологической комиссии. В настоящее время в составе Отдела работают 3 доктора исторических наук, 6 кандидатов исторических наук, 1 научный сотрудник без степени. В сферу научных интересов Отдела входят памятники античной культуры всего Северного Причерноморья от Дуная до Кубани, а также памятники местных племен, находившихся в орбите экономического и культурного влияния греческих государств. Работу Отдела с 1998 г. возглавляет К. К. Марченко.

Ушла на пенсию авторитетная исследовательница боспорских и ольвийских древностей В. И. Денисова. Тяжелым ударом для античной археологии Санкт-Петербурга стала смерть в 2001 г. Е. Я. Рогова. Можно сказать, что этому талантливому жизнерадостному и жизнелюбивому человеку принадлежало особое место в коллективе, от его отношения зависело многое в создании творческой атмосферы, определении основных направлений научных поисков. Однако имеются и приобретения: на работу в Отдел были приняты два новых сотрудника – О. В. Шаров и Р. В. Стоянов.

Исследования в Отделе осуществляются по двум основным темам. Первая из них – «История и культура античных государств Северного Причерноморья и взаимосвязь античной культуры и культуры местного населения». Эта тема является традиционной для Отдела, в ее рамках достигнуты наиболее существенные научные результаты и имеются большие перспективы для будущего развития. Необходимо подчеркнуть также, что она связана с одной из фундаментальных проблем современного антиковедения – изучением взаимоотношений греков-колонистов и местного населения. Проблема греко-варварских взаимоотношений стоит в ряду самых важных для понимания особенностей военно-политического,

социально-экономического, культурного развития в Северном Причерноморье. В группу по изучению этой темы входят В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев, К. К. Марченко (руководитель), В. Ф. Столба, Р. В. Стоянов, И. Ю. Шауб, А. Н. Щеглов.

Вторая тема – «Боспор Киммерийский. Греческие города и сельские поселения» в последние годы стала основной для многих сотрудников Отдела, занимающихся также изучением греко-варварских взаимодействий на Боспоре. Тема связана с Боспором Киммерийским (современный Керченский пролив), то есть районом, где эти процессы отличались особой интенсивностью. Она предусматривает исследовательскую и экспедиционную деятельность, а также проведение Международных конференций «Боспорский феномен». Во вторую творческую группу входят М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов (руководитель), В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев, О. В. Шаров.

Следует подчеркнуть, что исследовательские проекты, археологические экспедиции, поездки в зарубежные страны не раз поддерживались различными научными фондами. М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский сейчас участвуют в проекте РГНФ, посвященном введению в научный оборот рукописного наследия П. Дюбрюкса (руководитель И. В. Тункина). Французский эмигрант П. Дюбрюкс, работавший в Керчи в начале XIX в., по праву считается «отцом» боспорской археологии, и интерес к его изысканиям в этой области вполне закономерен. Исследовательский проект С. В. Кашаева по греческой керамике с поселения Панское I (Западный Крым) в 2001 г. получил поддержку на Санкт-Петербургском конкурсе для студентов, аспирантов, молодых ученых и специалистов. В 2003 г. С. В. Кашаев получил также грант INTAS по проекту «Комплекс хозяйственной керамики из раскопок участка У7 на поселении Панское-1». В 2002 г. Ю. А. Виноградов и В. А. Горончаровский трудились по проекту, связанному с интеграцией деятельности Кафедры истории Древней Греции и Рима СПбГУ и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН. Одной из тем этого проекта было изучение военно-политической истории Боспорского царства, что в дальнейшем привело к подготовке ряда крупных публикаций.

Археологические раскопки на Таманском полуострове, проводившиеся В. А. Горончаровским и С. В. Кашаевым в 2004–2005 гг., получили финансовую поддержку от СПбНЦ РАН, а проект полевых исследований С. В. Кашаева в 2005 г. был поддержан также РГНФ. Кроме того, в 2005 г. В. А. Горончаровский получил поддержку этого фонда для участия в III Понтийском конгрессе (Прага) и по научному проекту «Илурад – Боспорский город-крепость», а в 2002 г. М. Ю. Вахтиной был выделен грант РГНФ для проведения 4-й конференции «Боспорский феномен».

Безусловно, важным показателем роста научного потенциала Отдела является подготовка и защита диссертационных работ. Ю. А. Виноградов защитил докторскую диссертацию по теме: «И реки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху» в 2002 г., а В. А. Горончаровский – на тему «Военное дело и военно-политическая история Боспора в I в. до н. э. – середине III в. н. э.» в 2005 г.

Соискатель Отдела А. Е. Терещенко подготовил и в 2004 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского в VI–V вв. до н. э.». В том же году Р. В. Стоянов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Некрополь Херсонсса Таврического в V–I вв. до н. э.».

Сотрудники Отдела ведут собственные полевые исследования, а также участвуют в работах экспедиций других научных центров. Необходимо признать,

однако, что политические изменения 90-х гг. прошлого века довольно болезненно отразились на экспедиционной деятельности. В силу происшедших перемещений проведение самостоятельных археологических исследований в Нижнем Побужье, Западном Крыму и на Керченском полуострове, где позиции ленинградских (петербургских) экспедиций были традиционно очень прочными, стало затруднительно. Тем не менее К. К. Марченко на протяжении многих лет принимал самое активное участие в работах Нижнебугской экспедиции Гос. Эрмитажа на с. Березап. На этом важнейшем для античной археологии Северного Причерноморья поселении исследовался участок, где обнаружены полуземлянки и хозяйственные ямы позднесарматского времени, а также уникальный комплекс по обработке бронзы.

К. К. Марченко в рамках экспедиции Гос. Эрмитажа также проводил исследования на одном из сельских поселений ольвийской округи, расположенном на окраине современного села Козырка, где были открыты остатки усадьбы IV в. до н. э. Следует особо подчеркнуть, что раскопки на подобных памятниках, активно проводившиеся в 70–80-х гг. прошлого века, в наши дни практически остановлены, хотя их значение для современного антиковедения ни у кого не вызывает сомнений. В этом отношении работы петербургских археологов являются отрядным исключением из правила.

Боспорская экспедиция Отдела состоит из пяти отрядов; четыре из них (Семибратний, Бугазский, Таманский и Анапский) работают в районе Таманского полуострова, и лишь один (Порфмийский) – в Восточном Крыму. Отряды, проводившие археологические изыскания на Таманском полуострове, как правило, имели скромную, но весьма ценную финансовую поддержку администрации Краснодарского края.

Семибратний отряд под руководством В. А. Горончаровского начал изучение Семибратнего городища (вероятно, г. Лабрит) в 2001 г. Это городище является одним из ключевых памятников для понимания древней истории района; считается, что именно здесь располагалась столица Синдского государства. Позднее, когда Синдика потеряла политическую независимость, город стал важным военным, экономическим, культовым пунктом в структуре Боспорского царства. Работы Семибратнего отряда производились в южной части городища, где открыты ограда и двор теменоса раннеэллинистического времени, на котором находился двухступенчатый алтарь. На протяжении 5 м выявлены остатки оборонительной стены, возведенной в начале IV в. до н. э. и просуществовавшей до конца этого столетия. Можно заключить, что после событий военного характера, затронувших город около рубежа V–IV вв. до н. э., ранние фортификационные сооружения в южной части городища были разобраны и возведены заново несколько восточнее, близ фиксируемой линии рва. Очень показательны, что среди находок имеются части архитектурного декора какого-то крупного храмового или иного общественного здания.

Бугазский отряд (руководитель Ю. А. Виноградов) продолжил охранно-спасательные раскопки на крупном античном поселении Артюшенко I (Бугазское), расположенном на обрывистом берегу Черного моря в 16 км к юго-востоку от станции Тамап. Раскопки проводились на участке II, где были выявлены культурные напластования, относящиеся к трем хронологическим этапам: последняя четверть VI–первая четверть V в. до н. э., середина IV в. до н. э., вторая половина III–первая половина II в. до н. э. Большой научный интерес представляют остатки производственного комплекса второй половины III–первой половины II в. до н. э., связанного с обработкой железной руды и получением железа.

На других античных памятниках Северного Причерноморья за всю историю их раскопок ничего подобного открыто не было. С этим производственным комплексом связана серия культовых сооружений, при исследовании которых было найдено немало любопытных терракотовых статуэток.

Помимо работ на Таманском полуострове Ю. А. Виноградов принимал участие в раскопках в Йемене. В 2001–2002 гг. он работал в составе экспедиции Немецкого археологического института (Берлин) на городище Джебель аль-Ауд. Этот памятник стал знаменитым благодаря открытию на нем прекрасных произведений античного искусства. Особую научную ценность имеют бронзовые скульптуры, уже ставшие неизменной частью выставки, посвященной древней культуре Йемена, которая экспонировалась во многих городах Европы. В 2003–2005 гг. в составе Российско-Йеменской комплексной экспедиции Ю. А. Виноградов участвовал в археологических работах в древнем земледельческом оазисе Райбун (Западный Хадрамаут), где был практически полностью изучен интереснейший храмовый комплекс (Райбун VI).

Таманский отряд (руководитель С. В. Кашасв) продолжил спасательные работы на юге Таманского полуострова на двух сельских памятниках античного времени Артюшенко-2 и Вышестеблиевская-11. На Артюшенко-2 работы были сосредоточены на грунтовом некрополе, где вскрытая площадь составила около 450 м², обнаружены 25 погребений разного времени. Самые ранние содержат инвентарь начала V в. до н. э., самые поздние относятся примерно к I–II вв. н. э. Чрезвычайно интересна самая ранняя группа, в составе которой имеются погребения с оружием (копья, мечи, кинжалы, стрелы).

На поселении Вышестеблиевская-11 работы проводились на раскопах 1 и 3, где исследовались строительные комплексы и хозяйственные ямы, относящиеся к различным периодам жизни поселения от V в. до н. э. до IX в. н. э. В результате раскопок были получены совершенно новые данные о структуре поселения. На участке 1 на протяжении 25 м был исследован участок улицы, трасса которой прослеживается по слою плотной глины с большим количеством фрагментов керамики второй половиной V в. до н. э. Установлено, что улица шла от центральной части поселения в сторону берегового обрыва, с каждой ее стороны располагалось по семь заглубленных в землю построек. На раскопе 3 обнаружены строительные и хозяйственные комплексы IV–II вв. до н. э.

Порфмийский отряд (руководитель М. Ю. Вахтина) в 2002 г. возобновил исследования городища Порфмий, расположенного под Керчью в районе современной переправы через Керченский пролив. Это городище являлось объектом раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН (ЛОИА АН СССР) с 70-х гг. прошлого века, и, в принципе, лишь оно одно досталось нам в наследство от былых времен. В работе Порфмийского отряда, однако, возник ряд новых, несвойственных для него ранее аспектов. Прежде всего главной задачей исследований стали охранно-спасательные работы, которые усложняются систематическими грабительскими раскопками. В восточной части городища (раскоп Г) были продолжены исследования культурного слоя по трассе архаических оборонительных сооружений, где на площади более 200 м² разобран слой разрушения зданий эллинистического времени и выявлены остатки застройки периода архаики.

Значительным результатом работы отряда стало открытие грунтового некрополя Порфмий и начало его изучения. Некрополь располагается на равнине, простирающейся к западу от городища. Здесь обнаружены остатки двух каменных склепов, стены которых были сложены из крупных блоков известняка, а полы вымощены известняковыми плитами. Погребения в склепах, очевидно, относят-

ся к II–I вв. до н. э. Среди находок можно отметить антропоморфное изваяние из известняка.

Анапский отряд (руководитель О. В. Шаров) создан в 2004 г., его задача была определена в плане более широкого изучения Семибратнего городища и прилегающих к нему территорий. Отряд проводил разведочные работы по маршруту Анапа–Чекон–Семибратнее городище. Разведки были направлены на поиск здесь материалов римского времени. В ходе разведок открыты остатки семи усадеб эпохи раннего эллинизма, но памятников римского времени на прилегающих к городищу территориях не найдено.

Помимо работ в Краснодарском крае О. В. Шаров проводил исследования в Крыму, являясь начальником Таракташского отряда Славяно-сарматской экспедиции государственного Эрмитажа. Этот отряд проводил раскопки укрепленного поселения Таракташ (Судакский район, Крым). В результате раскопок получены новые данные об укреплениях эпохи Митридата, защищавших западные рубежи Боспора.

ИИМК РАН вместе с Гос. Эрмитажем и Музеем истории религии является одним из организаторов конференций «Боспорский феномен». Самое активное участие в их подготовке и проведении принимали сотрудники Отдела М. Ю. Вахтина и С. В. Кашаев. Первая такая конференция состоялась в С.-Петербурге в 1998 г., ее опыт оказался столь удачным, что все участники единодушно признали необходимость придания встречам на берегах Невы регулярного характера. Сейчас эти конференции уже стали традиционными, каждая из них посвящалась обсуждению особой научной проблемы. В марте 2001 г. прошла конференция по теме «Колонизация региона, формирование полисов, образование государства»; в ноябре 2002 г. – «Погребальные памятники и святилища»; в марте 2004 г. – «Проблемы хронологии и датировки памятников»; в ноябре 2005 г. – «Проблема соотношения письменных и археологических источников». Все перечисленные мероприятия сопровождались выпуском сборников материалов, отражающих широкий спектр научных интересов их участников. В работе конференций принимали участие ведущие ученые не только из России, но и из других стран – Австрии, Великобритании, Германии, Греции, Грузии, Дании, Италии, Молдавии, Украины, Франции, Швейцарии и др. Можно признать, что «Боспорский феномен» стал составляющей частью некоего «петербургского феномена», способствующего укреплению связей ученых различных стран на уровне изучения классических древностей Северного Причерноморья.

Сотрудники Отдела, разумеется, принимали активное участие в конференциях «Боспорский феномен», выступали с докладами, сообщениями или постерами. Также они участвовали в работе других российских и международных конференций: 2001–2005 гг. – Боспорские чтения, Керчь, Украина (М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев, О. В. Шаров); 2001 г. – Коллоквиум «Греки и негрыки в Северном Причерноморье», Мюнстер, Германия (Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев, Е. Я. Рогов); 2-й Международный Понтийский конгресс, Анкара, Турция (М. Ю. Вахтина, В. Ф. Столба); 3-й Международная Кубанская конференция, Анапа (К. К. Марченко); VI Сабейские встречи, Берлин, Германия (Ю. А. Виноградов); Коллоквиум археологов стран Северной Европы, Гамбург, Германия (В. Ф. Столба); 2003 г. – Конференция по хронологии Черного моря, Фульсе, Дания (В. Ф. Столба); Конференция по морским ресурсам, Эсбьерг, Дания (В. Ф. Столба); 13-й Международный нумизматический конгресс, Мадрид, Испания (В. Ф. Столба); Конференция по греко-варварским связям, Бордо, Франция (В. Ф. Столба); Конференция по истории нумизматических коллекций,

Петербургу (М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев); «Причерноморье в системе эллинистического мира», Вани, Грузия (В. Ф. Столба); 4-я Международная Кубанская конференция, Адлер (М. Ю. Вахтина, С. В. Кашаев, О. В. Шаров); 3-й Понтийский конгресс, Прага, Чехия (В. А. Горончаровский); Конференция «Захватчики и их оружие», Лодзь, Польша (В. А. Горончаровский).

Вполне успешно развивается издательская деятельность Отдела. За пять последних лет вышли из печати более 40 крупных работ, среди них 9 монографий. В высшей степени отрадливо, что продолжают публиковаться труды профессора Ю. В. Андреева, стоявшего во главе Отдела (Группы античной археологии) в 1986–1998 гг. В начале XXI в. были переизданы или опубликованы впервые его монографии: «От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа» (СПб., 2002); «Раннегреческий полис (гомеровский период)» (СПб., 2004); «Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического развития Греции XI–VIII вв. до н.э.» (СПб., 2004); «Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит)» (СПб., 2004). Нет сомнения, что все эти труды будут еще долго привлекать внимание не только специалистов по античности, но самого широкого круга читателей, интересующихся историей Древней Греции.

Важно подчеркнуть, что некоторые из монографий, подготовленные сотрудниками Отдела, являются масштабными обобщающими исследованиями, подводящими итог многолетнего археологического изучения отдельных памятников Северного Причерноморья. Именно таким исследованием является книга К. К. Марченко «Елизаветовское городище на Дону» (М., 2001), подготовленная в соавторстве с археологами из Ростова-на-Дону В. Г. Житниковым и В. П. Копыловым и изданная на русском и немецком языках. Полученные в результате археологических раскопок материалы позволили исследователям проследить историю развития Елизаветовского городища от сезонного стойбища кочевников до крупного поселения городского типа, ставшего во второй половине IV в. до н. э. своего рода «столицей» Нижнего Подонья.

Крупным вкладом в науку о северопричерноморской античности является публикация тома о раскопках монументального здания У6 (Усадьба 6) в Западном Крыму. Этот том «The Archaeological investigations in Western Crimea. Panskoje I: The Monumental building U6» вышел в 2002 г. в издательстве университета г. Орхус (Дания). В подготовке издания принимали участие А. Н. Щеглов, С. В. Кашаев, Е. Я. Рогов, В. Ф. Столба и др. Без преувеличения можно сказать, что этот памятник был классически раскопан Тарханкутской экспедицией ЛОИА АН СССР во главе с А. Н. Щегловым, а полученные в результате раскопок материалы стали эталонными для изучения политической, экономической и этнокультурной истории Херсонеса Таврического в IV–первой трети III в. до н. э. В рамках Российско-датского проекта сейчас продолжается работа по изданию всех материалов Тарханкутской экспедиции. Выпуск второго тома, посвященного раскопкам некрополя Панское-1, намечен на весну 2006 г. Идет работа над материалами третьего тома, посвященного раскопкам комплекса усадеб У7.

Этапным исследованием для Отдела явилась коллективная монография «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» (СПб., 2005), ставшая итогом работы коллектива единомышленников (Ю. В. Андреев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко, Е. Я. Рогов) по важнейшим проблемам греко-варварских взаимоотношений в регионе. Монография была подготовлена еще в 90-х гг. прошлого века, но в силу ряда причин объективного и субъективного характера долго не могла быть напечатана. Двое из авторов (Ю. В. Андреев и Е. Я. Рогов), к огромному сожалению, не дожили до момента, когда она появилась в свет.

В 2003 г. была опубликована научно-популярная монография В. А. Горончаровского «Между Империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени», изданная в рамках недавно созданной серии «Militaria antiqua». В той же серии в 2004 г. была опубликована работа Ю. А. Виноградова «“Там закололся Митридат...”: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.)». Необходимо отметить, что названные авторы на основе своих научно-популярных книг завершили крупное исследование «Военное дело и военная история Боспора Киммерийского в VI в. до н. э. III в. н. э.», которое сейчас готовится к изданию. В ряду подготовленных к печати монографических исследований следует выделить также крупную работу И. Ю. Шауба «Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э.».

В 2003 г. отмечалось 70-летие одного из виднейших российских археологов-антиковедов А. Н. Щеглова. К этой дате в издательстве университета г. Орхус (Дания) был выпущен юбилейный сборник трудов «The cauldron of Ariantas». Black Sea Studies, I. Danish National Research Foundation's Center for Black Sea Studies. В сборнике опубликованы статьи многих сотрудников Отдела (М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко и др.), редактором выпуска стал В. Ф. Столба.

Из сказанного об исследовательской, экспедиционной и издательской деятельности вполне ясно, что международное сотрудничество Отдела развивается достаточно успешно, в особенности с коллегами из Великобритании, Германии, Дании, Румынии, Польши, Турции, Франции, Чехии и др. К этому можно добавить, что ряд сотрудников прошел стажировку в различных зарубежных институтах: Ю. А. Виноградов в 2003 г. стажировался в Немецком археологическом институте, Берлин, Германия; О. В. Шаров в 2004 г. – в «Византийском центре» CNRS, Париж, Франция, а в 2005 г. – в Немецком археологическом институте, Берлин, Германия; М. Ю. Вахтина в 2005 г. – в Британском археологическом институте в Анкаре, Турция. Но, безусловно, главным нашим достижением в этой области являются прочные, деловые контакты с археологами из Украины, без которых развитие российской античной археологии представляется просто невозможным. Наглядными проявлениями таких контактов служат научные статьи, опубликованные украинскими коллегами-антиковедами в «Археологических вестях», а также защиты докторских диссертаций, осуществленные ими на Ученом совете ИИМК РАН: Н. А. Гаврилюк «Степная Скифия VI–IV вв. до н. э. (Эколого-экономический аспект)», И. В. Бруйко – «Процессы культурогенеза в Причерноморско-Карпатском регионе в раннем железном веке (первая половина I тыс. до Р. Х.)».

Заканчивая краткий очерк деятельности Отдела в первые годы XXI в., следует признать, что, несмотря на немалые трудности (нехватка научных и вспомогательных кадров, мизерное финансирование и пр.), он сохранил свои позиции как один из ведущих центров России по изучению античной культуры. Сохра-

нена и дружеская, доброжелательная атмосфера, безусловно способствующая нормальному ходу научно-исследовательской работы в коллективе. Важность археологических раскопок на памятниках классической древности, которые продолжают гибнуть от действия природных факторов и все возрастающей активности «черных археологов», очевидна для любого разумного человека. Научные изыскания по проблемам тысячелетнего развития греческих государств на северном берегу Черного моря, их адаптации к непростым местным условиям (военно-политическим, демографическим, климатическим и пр.), проблемы распространения античного влияния на племенной мир региона, значения классической культуры для современного общества и т. д. никогда не потеряют своей актуальности. Широкий интерес к культурному наследию Древней Греции на юге нашей страны как будто не ослабевает, а со временем, возможно, даже будет возрастать. Все эти обстоятельства позволяют нам смотреть в будущее со сдержанным оптимизмом.

Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев

ОТДЕЛ СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Отдел был создан в 1974 г. на основе Группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР для изучения славянской, древнерусской и финно-угорской культур и их историко-культурного взаимодействия. В настоящее время в Отделе работают 19 человек: 4 доктора исторических наук, 13 кандидатов исторических наук и 2 научных сотрудника без степени. При Отделе занимаются 6 соискателей, работающих над кандидатскими диссертациями, а также 2 стажера-докторанта (из Петербурга, Москвы, Казани, Перми).

Общая научная задача Отдела состоит в изучении археологии, истории, культуры, архитектуры и искусства, христианских древностей Руси, а также археологии и ранней истории славян, финнов и скандинавов. Важным аспектом исследований является изучение интеграции культур на территории Северо-Запада России и смежных регионов. В своих работах сотрудники Отдела практически охватывают территорию всей Восточной и Северной Европы в хронологическом диапазоне I и II тыс. н. э.

Отдел структурно подразделен на три творческие группы, объединенные общей тематикой и единством научных интересов:

Группа I. Средневековые города Северной Руси и ее соседей.

Состав группы: А. Н. Кирпичников (координатор), С. В. Белецкий, Т. С. Дорофеева, А. В. Курбатов, В. И. Кильдюшевский, В. А. Лапшин, К. А. Михайлов, Е. Н. Носов, И. И. Платонова, А. В. Плохов, П. Е. Сорокин, Н. В. Хвошинская.

В рамках этой широкой темы центральное место традиционно принадлежит фундаментальным археологическим исследованиям таких выдающихся памятников ранней истории Руси, как Старая Ладога (руководитель А. Н. Кирпичников) и Рюриково городище под Новгородом (руководитель Е. Н. Носов). Комплексный подход к их изучению, основанный на использовании данных смежных дисциплин, позволил выдвинуть новые оценки структуры городского населе-

Этапным исследованием для Отдела явилась коллективная монография «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» (СПб., 2005), ставшая итогом работы коллектива единомышленников (Ю. В. Андреев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко, Е. Я. Рогов) по важнейшим проблемам греко-варварских взаимоотношений в регионе. Монография была подготовлена еще в 90-х гг. прошлого века, но в силу ряда причин объективного и субъективного характера долго не могла быть напечатана. Двое из авторов (Ю. В. Андреев и Е. Я. Рогов), к огромному сожалению, не дожили до момента, когда она появилась в свет.

В 2003 г. была опубликована научно-популярная монография В. А. Горинчаровского «Между Империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени», изданная в рамках недавно созданной серии «Militaria antiqua». В той же серии в 2004 г. была опубликована работа Ю. А. Виноградова «“Там закололся Митридат...”»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.). Необходимо отметить, что названные авторы на основе своих научно-популярных книг завершили крупное исследование «Военное дело и военная история Боспора Киммерийского в VI в. до н. э. III в. н. э.», которое сейчас готовится к изданию. В ряду подготовленных к печати монографических исследований следует выделить также крупную работу И. Ю. Шауба «Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э.».

В 2003 г. отмечалось 70-летие одного из виднейших российских археологов-антиковедов А. Н. Щеглова. К этой дате в издательстве университета г. Орхус (Дания) был выпущен юбилейный сборник трудов «The cauldron of Ariantas». Black Sea Studies, I. Danish National Research Foundation's Center for Black Sea Studies. В сборнике опубликованы статьи многих сотрудников Отдела (М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко и др.), редактором выпуска стал В. Ф. Столба.

Из сказанного об исследовательской, экспедиционной и издательской деятельности вполне ясно, что международное сотрудничество Отдела развивается достаточно успешно, в особенности с коллегами из Великобритании, Германии, Дании, Румынии, Польши, Турции, Франции, Чехии и др. К этому можно добавить, что ряд сотрудников прошел стажировку в различных зарубежных институтах: Ю. А. Виноградов в 2003 г. стажировался в Немецком археологическом институте, Берлин, Германия; О. В. Шаров в 2004 г. – в «Византийском центре» CNRS, Париж, Франция, а в 2005 г. – в Немецком археологическом институте, Берлин, Германия; М. Ю. Вахтина в 2005 г. – в Британском археологическом институте в Анкаре, Турция. Но, безусловно, главным нашим достижением в этой области являются прочные, деловые контакты с археологами из Украины, без которых развитие российской античной археологии представляется просто невозможным. Наглядными проявлениями таких контактов служат научные статьи, опубликованные украинскими коллегами-антиковедами в «Археологических вестях», а также защиты докторских диссертаций, осуществленные ими на Ученом совете ИИМК РАН: Н. А. Гаврилюк «Степная Скифия VI–IV вв. до н. э. (Эколого-экономический аспект)», И. В. Бруйко – «Процессы культурогенеза в Причерноморско-Карпатском регионе в раннем железном веке (первая половина I тыс. до Р. Х.)».

Заканчивая краткий очерк деятельности Отдела в первые годы XXI в., следует признать, что, несмотря на немалые трудности (нехватка научных и вспомогательных кадров, мизерное финансирование и пр.), он сохранил свои позиции как один из ведущих центров России по изучению античной культуры. Сохра-

нена и дружеская, доброжелательная атмосфера, безусловно способствующая нормальному ходу научно-исследовательской работы в коллективе. Важность археологических раскопок на памятниках классической древности, которые продолжают гибнуть от действия природных факторов и все возрастающей активности «черных археологов», очевидна для любого разумного человека. Научные изыскания по проблемам тысячелетнего развития греческих государств на северном берегу Черного моря, их адаптации к непростым местным условиям (военно-политическим, демографическим, климатическим и пр.), проблемы распространения античного влияния на племенной мир региона, значения классической культуры для современного общества и т. д. никогда не потеряют своей актуальности. Широкий интерес к культурному наследию Древней Греции на юге нашей страны как будто не ослабевает, а со временем, возможно, даже будет возрастать. Все эти обстоятельства позволяют нам смотреть в будущее со сдержанным оптимизмом.

Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев

ОТДЕЛ СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Отдел был создан в 1974 г. на основе Группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР для изучения славянской, древнерусской и финно-угорской культур и их историко-культурного взаимодействия. В настоящее время в Отделе работают 19 человек: 4 доктора исторических наук, 13 кандидатов исторических наук и 2 научных сотрудника без степени. При Отделе занимаются 6 соискателей, работающих над кандидатскими диссертациями, а также 2 стажера-докторанта (из Петербурга, Москвы, Казани, Перми).

Общая научная задача Отдела состоит в изучении археологии, истории, культуры, архитектуры и искусства, христианских древностей Руси, а также археологии и ранней истории славян, финнов и скандинавов. Важным аспектом исследований является изучение интеграции культур на территории Северо-Запада России и смежных регионов. В своих работах сотрудники Отдела практически охватывают территорию всей Восточной и Северной Европы в хронологическом диапазоне I и II тыс. н. э.

Отдел структурно подразделен на три творческие группы, объединенные общей тематикой и единством научных интересов:

Группа 1. Средневековые города Северной Руси и ее соседей.

Состав группы: А. Н. Кирпичников (координатор), С. В. Белешкий, Т. С. Дорофеева, А. В. Курбатов, В. И. Кильдюшевский, В. А. Лапшин, К. А. Михайлов, Е. Н. Носов, И. И. Платонова, А. В. Плохов, П. Е. Сорокин, Н. В. Хвошинская.

В рамках этой широкой темы центральное место традиционно принадлежит фундаментальным археологическим исследованиям таких выдающихся памятников ранней истории Руси, как Старая Ладога (руководитель А. Н. Кирпичников) и Рюриково городище под Новгородом (руководитель Е. Н. Носов). Комплексный подход к их изучению, основанный на использовании данных смежных дисциплин, позволил выдвинуть новые оценки структуры городского населе-

ния, а также новые характеристики развития ремесла, домостроительства, фортификации и международных связей этих центров.

В 2003 г. как национальный праздник отмечалось 1250-летие Старой Ладogi. На базе Отдела был осуществлен комплекс научно-организационных мероприятий, связанных с этим празднованием. Под эгидой ЮНЕСКО проведена Международная научно-практическая конференция по теме «Ладoga и истоки российской государственности и культуры (к 1250-летию Старой Ладogi)» с участием 60 ученых, музейных работников, учителей. По материалам конференции был издан сборник докладов. Староладожскому юбилею были посвящены также сборник статей «Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья», авторами которых выступили главным образом сотрудники Отдела, а также художественный альбом Е. А. Рябинина «У истоков Северной Руси», в котором ярко представлены новые археологические открытия, сделанные в Ладoge и на Любшанском городище. Сотрудники Отдела приняли активное участие в подготовке выставки, проводившейся в Гос. Эрмитаже (совм. со Староладожским музеем-заповедником и ГИМом), ее организации и написании каталога «Старая Ладoga – древняя столица Руси». Одновременно вышел сборник «Старая Ладoga и проблемы археологии Северной Руси», посвященный памяти одного из ведущих специалистов по истории древней Ладogi Ольги Ивановны Давидан, подготовленный совместно сотрудниками Эрмитажа и Отдела славяно-финской археологии ИИМК. Вышло также второе издание богато иллюстрированной книги А. Н. Кирпичникова и В. Д. Сарабьянова на русском и английском языках «Старая Ладoga – древняя столица Руси». Во всех этих изданиях разносторонне освещается историческая роль древней Ладogi, а также Новгородa, Пскова, Изборска, поселений Новгородской земли, исследуются проблемы славянской колонизации Северо-Западной Руси, развитие ремесла и торговли.

В 2004 г. Президент РФ, побывавший в Старой Ладoge годом раньше, приехал туда еще раз и был гостем Староладожской экспедиции. Руководитель страны проявил интерес к работе археологов, внимательно ознакомился с находками (рис. 1). В разговоре с президентом РФ было подчеркнуто, что именно Ладoga явилась первой резиденцией заморского пришельца, его стольным городом, где было положено начало строительства державы. В итоге встречи В. В. Путин так отозвался о труде археологов: «Должен сказать, что это очень нужное и полезное дело, потому что это живая история, не выдуманная из головы, не предположенная, а факты». Президент РФ поддержал просьбу о финансировании работ экспедиции Российской Академией наук. Правительство Ленинградской области и другие учреждения, фирмы и частные лица также оказывают разнообразную помощь археологам.

Новые материалы, полученные в результате раскопок в Старой Ладoge в 2004–2005 гг., позволили выделить универсальную категорию ремесленников-торговцев, которые производили ювелирные изделия из лагуни, кости, янтаря, стекла и сами их продавали или меняли. Археологически такой коллектив фиксируется при изучении древнерусских городов впервые (на материалах IX–X вв.). Обнаружены также многочисленные детали металлических украшений скандинавского и славянского костюма и формы для их отливки. Это конкретизирует данные об этническом составе населения Ладogi периода создания древнерусской государственности. Получены новые данные о типах ладожских домов: постройках-пятистенках и больших купеческих гостиницах. Ряд находок свидетельствовал о дальней торговле, простирающейся до низовьев Волги и областей Арабского халифата.

Рис. 1. Президент РФ В. В. Путин и президент РАН Ю. С. Осипов осматривают археологические находки во время их визита в Старую Ладogu 17 июля 2004 г. Фото прессы-службы администрации Президента РФ

Результативности работ в Старой Ладoge способствовали командиры экспедиции – археологи-профессионалы: О. И. Богуславский, В. И. Кильдюшевский, А. И. Волковничий, А. А. Селин, Н. В. Григорьева, Т. Б. Сениченкова, Я. В. Френкель, Н. А. Ефимова.

В 2005 г. исполнилось 30 лет с начала раскопок на Рюриковом городище. Эта дата была отмечена проведением в Великом Новгородe большой Международной конференции «У истоков древнерусской государственности» (глава оргкомитета А. Е. Мусин) и выходом коллективной монографии Е. Н. Носова, В. М. Горюновой и А. В. Плохова «Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя (Новые материалы и исследования)» (СПб., 2005). В книге обобщены результаты полевых исследований Рюрикова городища за 1984–1989 гг., а также поселений Ильменского Поозерья и верховьев Волхова, что позволяет представить процесс становления Новгородa в единстве с развитием поселений его окружи. Этим тоном продолжена полная публикация материалов раскопок древнейшего военно-административного и торгово-ремесленного центра Приильменя. С дальнейшим изучением и систематизацией материалов из раскопок Рюрикова городища непосредственно связаны плановые темы А. В. Плохова и Н. В. Хвоцинской. А. В. Плоховым проводятся работы по подготовке к публикации материалов раскопок Рюрикова городища за 1993–1996 гг. Н. В. Хвоцинской выполнено исследование «Фибулы Рюрикова городища».

В большом коллективном проекте Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Северная Русь и народы Балтики» (руководитель Е. Н. Носов) участвуют А. Н. Кирпичников, О. И. Богуславский, В. М. Горюнова, Н. И. Платонова, А. В. Плохов, Н. В. Хвоцинская. По данной программе подготовлен сборник, в котором на материалах различных

центров Северной Руси (Старая Ладога, Рюриково городище, Новгород, Передольский погост, Городище на Сяси) рассматриваются культурные связи славянского и древнерусского населения с народами Балтийского региона (финнами, балтами, скандинавами).

Историческое значение Великого Волжского пути и вопросы организации торговли в Древней Руси получили новое освещение в работах А. Н. Кирпичникова. Он выступил инициатором и деятельным участником федерального проекта «Великий Волжский путь», поддержанного учеными и властями Татарстана. Участниками проекта были также Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин, О. А. Щеглова. Продолжая работать по оружейно-технической тематике, А. Н. Кирпичников совместно с А. Стальсберг (Тронхейм) осуществлял российско-норвежский проект «Мечи эпохи викингов» (книга выходит на русском и английском языках). В этом издании впервые публикуются 110 мечей из музеев Осло, Бергена и Тронхейма с выгравированными на них клеймами. А. Н. Кирпичников инициировал проведение в Санкт-Петербурге в 2005 г. Международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», собравшей свыше 500 участников.

Н. И. Платонова, разрабатывая в 2004–2005 гг. тему «Стратиграфия и хронология Передольского погоста», продолжила полевые исследования Передольского археологического комплекса, включающего поселение и разновременные погребальные памятники. Работы носили комплексный междисциплинарный характер: проведены археологические, геофизические и этнографические исследования Передольского погоста – крупного административного и ремесленно-торгового центра на Северо-Западе Новгородской земли (осуществлялись раскопки нижних слоев, датируемых X–XI вв.). Проведено сейсмо-томографическое просвечивание двух сопок с целью разработки и применения принципиально нового метода, не разрушающего курганную насыпь.

К. А. Михайлов в 2005 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Древнерусские элитарные погребения X–XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах)».

Существенным вкладом в изучение материальной культуры средневековых городов Руси стал ряд крупных работ, завершенных или готовящихся к печати сотрудниками Отдела. Среди них подготовленный В. А. Лапшиным и изданный в 2001 г. сборник «Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.)», посвященный междисциплинарному изучению материалов раскопок. Анализ добытых материалов специалистами из разных областей гуманитарных наук способствовал всестороннему раскрытию культуры Твери XIII–XV вв. как самостоятельного исторического явления в контексте истории средневековой Руси. Подведению итогов цикла полевых исследований в Тверском кремле (XIII–XV вв.) посвящена и текущая плановая тема В. А. Лапшина.

Исключительное по объему собрание кожаных предметов (более 82 тыс. ед.), также происходящее из раскопок в Тверском кремле, было детально изучено и получило отражение в монографии А. В. Курбатова «Коженинное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.)» (СПб., 2004). Ныне А. В. Курбатов готовит к печати рукопись «Коженинное ремесло средневековой Руси».

Вышла в свет монография М. В. Малевской, написанная в 1970-х гг., а ныне исправленная и дополненная автором, – «Керамика западнорусских городов X–XIII вв.» (СПб., 2005). Книга посвящена всестороннему изучению и макси-

мально полному введению в научный оборот значительной коллекции керамических материалов из раскопок древнерусских городов района Верхнего Нюмана (Новогрудок, Гродно, Волковыск, Турыйск, Слоним), позже получившего название «Черная Русь». В. И. Кильдюшевским разработана типология и хронология керамики средневековых городов Псковской земли XII–XVII вв.

В рамках сотрудничества ИИМК РАН и ИА Норвежского университета естественных наук и технологии (Тронхейм) была выполнена и издана монография О. В. Овсянникова и М. Э. Ясински, посвященная старинному северному городу Пустозерску «Пустозерск. Русский город в Арктике» (СПб., 2003). В основе исследования лежат археологические коллекции, полученные авторами во время раскопок в 1987–1995 гг. древнего Пустозерска и памятников в его окрестностях (О. В. Овсянников) и русских промысловых становищ на архипелаге Шпицберген в 1981–1995 гг. (М. Э. Ясински), а также материалы раскопок Мангазеи – русского города XVII в. в западносибирском Заполярье; использованы письменные документы XVI–XVIII вв., часть которых обнаружена авторами и публикуется впервые. Показывается тесная экономическая связь и схожесть исторических судеб двух русских заполярных центров.

Памятники эпохи позднего средневековья и нового времени исследуются С. В. Белецким и П. Е. Сорокиным. Работами С. В. Белецкого представлено новое направление – археология дворянских усадеб. Псковская областная экспедиция под его руководством с 1998 г. проводит раскопки на территории Государственного Пушкинского заповедника, где и отрабатывается специфика методики исследования и музеефикации памятников XVII–XIX вв. В 2004 г. на городище Воронич завершены исследования церкви св. Георгия (1764–после 1924 г.) и сельского кладбища конца XVII–середины XVIII в. Готовится монографическое издание памятника. Работы на территории заповедника проводились в сотрудничестве с Кафедрой музееведения СПбГУ культуры и искусств, по целевой федеральной программе «Интеграция», в рамках которой и при участии РФФИ С. В. Белецкий подготовил и выпустил серию книг (начата в 1992 г.), тесно связанных тематически с его полевыми и кабинетными исследованиями. За последние пять лет в серии «Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада» вышли: Вып. 3. «Знаки Рюриковичей. Часть вторая: знаки XII–XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду)» (СПб., 2001); Вып. 4. «Введение в русскую допетровскую сфрагистику» (СПб., 2001). В 2003 г. в Санкт-Петербурге было издано учебное пособие «Специальные исторические дисциплины», одним из основных авторов которого стал С. В. Белецкий (его авторский текст – с. 248–367).

Историко-археологическое изучение Санкт-Петербурга и его окрестностей – одно из активно развивающихся в Отделе направлений, представлено работами П. Е. Сорокина. В 2003 г. под его редакцией вышел 1-й выпуск сборника научных статей «Археологическое наследие Санкт-Петербурга», посвященный 300-летию юбилею города и представляющий собой первое обобщающее издание, рассказывающее об изучении и сохранении археологических памятников Санкт-Петербурга и вводящее в научный оборот качественно новую историко-культурную информацию по предистории и ранней истории Петербурга. По результатам археологических исследований на территории в устье р. Охты и на основе широкого привлечения исторических документов написан научно-популярный очерк П. Е. Сорокина «Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц» (СПб., 2003), разработан проект и организован музей «700 лет – Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц» в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга. В 2004–2005 гг. под руководством П. Е. Соро-

кина проводились раскопки на территории Летнего сада, исследованы Екатерингофский дворец, дворцовый комплекс на территории усадьбы Дальние Дубки в Сестрорецке, позднесредневековый могильник XIV–XVIII вв. на территории Шереметевского дворца, Троицкая Гаванская церковь, Гутуевская церковь, Михайловский и Юсуповский дворцы. Результаты изучения Екатерингофского дворца – загородной императорской резиденции XVIII–XIX вв. – получили отражение в книге «Екатерингоф» (СПб., 2004; в соавторстве с О. М. Кормильцевой и А. А. Кишук). Параллельно П. Ф. Сорокин изучает подводное археологическое наследие Северо-Западного региона. Под его руководством проводятся подводные разведочные археологические исследования в Финском заливе и на Ладожском озере, издаются тематические сборники. В 2004 г. вышел очередной 5-й выпуск сборника «Изучение памятников морской археологии».

Сотрудники Отдела участвуют и в охранных раскопках в Ленинградской области на трассе нефтепроводов (В. А. Лапшин), в Пискаревском кремле (В. А. Лапшин), в средневековой части Выборга (А. И. Сакса), во Владимире на Клязьме на месте строительства современных торговых рядов (В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов), в Калининградской области (О. И. Богуславский, О. А. Щеглова).

При Отделе с 2002 г. работает общероссийский семинар «Восная археология» (руководитель А. Н. Кирпичников).

Группа 2. Славяне и финно-угры. Археология, история, этнокультурное взаимодействие.

Состав группы: А. И. Сакса (координатор), В. М. Горюнова, И. И. Еремеев, Е. А. Рябинин, О. А. Щеглова.

Заметным явлением в области изучения раннеславянской дописьменной истории стал выход сборника статей, подготовленного В. М. Горюновой и О. А. Щегловой, «Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье» (СПб., 2004). В книге представлены доклады Международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова, отражающие последние достижения археологов России, Украины и Франции в изучении этнокультурных и миграционных процессов в Восточной Европе в эпоху Великого переселения народов. Крупная Международная конференция была организована и проведена в ИИМК в ноябре 2000 г. В. М. Горюновой и О. А. Щегловой.

На нынешнем этапе изучения раннеславянских памятников сотрудники Отдела значительное внимание уделяют процессам становления и развития раннеславянского металлического убора. В. М. Горюнова прослеживает историю развития мелких напильных украшений в славянских культурах третьей четверти I тыс. на широком культурно-хронологическом фоне (Восточная и Центральная Европа во II в. до н. э.–VII в. н. э.). О. А. Щеглова исследует цветной металл в славянском и финно-угорском мире в I тыс. н. э., акцентируя внимание на путях и способах распространения идей и изделий. Значительное место в этих разработках отводится техническим и технологическим аспектам, поэтому работа проводится в тесном сотрудничестве с Лабораторией археологической технологии. Готовится к выходу коллективная монография О. А. Щегловой, Е. А. Шаблавиной (Гос. Эрмитаж) и А. Н. Егорькова «Новые исследования Ганонского клада. Технические аспекты».

И. И. Еремеевым в 2002 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Верхнее Подвинье и сопредельные территории в конце I–начале II тыс. н. э.».

В настоящее время его исследования посвящены комплексному изучению раннесредневековых славянских поселений на восточном берегу оз. Ильмень (в рамках проекта «Экологические аспекты славянской колонизации Северо-Запада России в VII–X вв.»). В том же ключе ведется совместная работа И. И. Еремеева с сотрудниками Белорусского государственного университета по изучению антропогенного воздействия на речные ландшафты Смоленско-Витебского Подвинья в I–начале II тыс. н. э. Проводимые работы тесно связаны с основной исследовательской темой И. И. Еремеева «Сельское расселение между Ильменем и Западной Двиной в первой трети II тыс. н. э.».

Под руководством Е. А. Рябинина и О. А. Щегловой продолжаются комплексные междисциплинарные исследования Любчанского городища в Нижнем Поволжье с участием геологического факультета СПбГУ.

Изучению финно-угорских племен в составе Древней Руси посвящены монографии Е. А. Рябинина и Н. В. Хвоцинской. В книге Е. А. Рябинина «Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971–1991 гг.)» (СПб., 2001) обобщены результаты многолетних исследований автора по проблеме формирования средневекового населения на Северо-Западе Древней Руси. Впервые вводятся в научный оборот материалы многочисленных погребальных памятников и поселенческих центров XI–XV вв. из раскопок 1971–1991 гг. Полученные данные рассматриваются в контексте археологических источников, накопленных за 150 лет изучения древностей летописной Водской земли Великого Новгорода. В настоящее время Е. А. Рябинин работает над исследованием по теме «У истоков водской народности». В монографии Н. В. Хвоцинской «Финны на западе Новгородской земли» (СПб., 2004) обобщены многолетние (с 1972 г.) исследования уникального могильника XI–XII вв. у дер. Залахтовы на берегу Теплого залива Чудского озера, яркие погребальные комплексы которого характеризуют самобытную материальную культуру древнего финского населения XI–XII вв.

Оценке комплекса памятников у дер. Городище на р. Сясь в системе синхронных древностей посвящена плашова тема О. И. Богуславского, завершающего цикл полевых исследований одного из важнейших археологических комплексов Юго-Восточного Приладожья.

Итогом многолетнего изучения ранней истории и культуры Карелии стала подготовленная к защите докторская диссертация А. И. Саксы «Древняя Карелия во второй половине I тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли».

Группа 3. Комплексное изучение памятников христианской культуры Северной Руси по данным археологии.

Состав группы: А. Е. Мусин (координатор), А. А. Лилатов, А. А. Пескова, Т. А. Чукова.

Общим направлением в работе группы является сбор, систематизация и всесторонний анализ памятников древнерусской христианской культуры, изучение их в широком культурно-историческом контексте как источника по истории духовной жизни Древней Руси.

Участниками группы за последние пять лет опубликовано пять монографий. Три из них принадлежат перу А. Е. Мусина, защитившего в 2002 г. докторскую диссертацию по теме «Христианская община средневекового города Северной Руси IX–XIV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова». Тогда же вышли в свет две его монографии: «Становление Церкви на Руси

в IX–XIV вв. Средневековая русская христианская культура: Историко-археологическое исследование» (Российские исследования в гуманитарных науках. Т. 17. Нью-Йорк, 2001) и «Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв.: Погребальный обряд и христианские древности» (СПб., 2002). В книге впервые представлена археологическая версия ранних этапов развития древнерусской духовной культуры, позволявшая по-новому взглянуть на ключевые события этого периода русской истории. В 2005 г. издана книга А. Е. Мусина «*Milites Christi* Древней Руси: Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета».

В настоящее время А. Е. Мусин, продолжая изучение христианских древностей Новгородской земли XI–XVI вв., сосредоточил внимание на выявлении и исследовании новых материалов, обнаруженных на провинциальных поселениях. В рамках проекта Новгородского Межрегионального института общественных наук А. Е. Мусин осуществлял полевые исследования, связанные со сплошным археологическим изучением исторической волости Молвотицы в Маренском районе Новгородской области, где было выявлено 15 новых поселений, соотношенных с данными писцовых книг. Проведены раскопки на месте Молвотицко-Рождественского монастыря XV–XVII вв.

А. А. Песковой был подготовлен и опубликован свод материалов и исследований, касающихся древнерусских нагрудных крестов-реликвариев XI–XIII вв., в первую очередь исследование Г. Ф. Корзухиной 1949 г., заложившей основы изучения этой категории древностей: Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. «Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв.» (СПб., 2003). Книга открывает возможности для качественно нового этапа всестороннего изучения меднолитой культовой пластики как части духовного и культурного наследия Древней Руси. Продолжением и углублением начатой темы является обращение А. А. Песковой к изучению исторических истоков и эволюции медной культовой пластики Древней Руси XI–XIII вв. В рамках этой темы идет работа над собранием христианских древностей «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко, хранящейся в Национальном музее истории Украины.

Результатом многолетних занятий архитектурой алтарной части древнерусских храмов домонгольского периода стала монография безвременно ушедшей из жизни Т. А. Чуковой «Алтарь древнерусского храма конца X–первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным» (СПб., 2004). Книга имеет большую научную значимость не только для исследователей древнерусского зодчества, но и для всех, близко соприкасающихся с историей культуры Древней Руси, так как наполняет в нашем представлении храмовое пространство жизненно важными для него элементами. В последние годы Татьяна Александровна увлеченно работала над созданием иконографического свода изображений на древнерусских печатях XI–XV вв. Этот большой и важный труд остался незавершенным.

А. А. Липатов работает над темой «Технология изготовления и использования растворов в зодчестве Древней Руси и средневизантийской архитектуре», продолжая развивать научное направление, начатое в Отделе П. А. Раппопортом. Анализ растворов традиционно осуществляется в Лаборатории археологической технологии ИИМК в творческом союзе с Е. Ю. Медниковой. Полевые исследования ведутся А. А. Липатовым в сотрудничестве с Институтом «Спецпроектреставрация» и связаны с археологическим надзором за ремонтно-реставрационными работами в Старой Ладоге (церковь Успения, территория Никольского монастыря), Череметевском монастыре, спасательными работами в Ивангород-

ской крепости, с археологическим мониторингом памятников архитектуры Ломоносова.

Применение новейшей оптико-электронной системы (ОЭС), созданной в Лаборатории археологической технологии ИИМК и защищенной соответствующим патентом, позволило коллективу (А. А. Липатов, Е. Ю. Медникова, А. Е. Мусин, А. А. Пескова) обратиться к исследованию реликвий, вложенных некогда в древнерусские кресты-энколпионы, не подвергая их механическому воздействию. В результате впервые научными методами был установлен состав как самих реликвий, так и вещества, в котором они хранились, что существенно расширяет наши знания по истории христианской культуры.

Группой подготовлен к изданию сборник статей, в основе которого лежат исследования по христианской иконографии в разных областях древнерусской культуры: «Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси». Сборник посвящается памяти Т. А. Чуковой.

Отдел осуществляет постоянное научное сотрудничество с институтами РАН, отечественными и зарубежными университетами и научными центрами. Сотрудники Отдела ежегодно принимают участие в работе постоянно действующих научных семинаров в Великом Новгороде и Пскове.

В 2003 г. совместно с историческим факультетом СПбГУ и Эрмитажем была проведена Международная научная конференция «Архитектура и археология Древней Руси», посвященная 100-летию со дня рождения М. К. Каргера.

Совместно с Новгородским государственным университетом им. Ярослава Мудрого сотрудники Отдела работали над проектом Новгородского Межрегионального института общественных наук «Археология ценностей и ценность археологии в контексте трансевропейских связей. Археологическое наследие Новгородской земли в изучении системы ценностей человека Древней Руси и формировании ценностных ориентаций современного российского общества», руководителем которого является А. Е. Мусин. В рамках проекта были организованы научно-практический семинар и две межрегиональные конференции с международным участием: «Старая Русса и Приильмень в контексте древнерусской культуры – от тысячелетия к тысячелетию» (Старая Русса, 2004); «У истоков русской государственности (к 30-летию раскопок на Городище под Новгородом)» (Великий Новгород, 2005). Конференции сопровождались временными выставками, представляющими работы Старорусской и Новгородской областной археологических экспедиций.

Под руководством П. Е. Сорокина были организованы и проведены конференция «Петербург до Петербурга. Освоение Нижнего Приневья в допетровское время» и 1-й научно-практический семинар по археологии Санкт-Петербурга, сопровождавшиеся выставками новых открытий.

В Санкт-Петербурге и Старой Ладоге организованы выставки «Древности Старой Ладogi» и «Старая Ладога – Скандинавия. Связь времен и культур» (А. Н. Киричников, В. И. Кильдюшевский).

В истекшие два года сотрудники также принимали участие в общероссийских и региональных конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Брянске, Волгограде, Казани, Калининграде, Кириллове, Пскове, Туле, в Пушкинских Горах и др.

Отдел совместно с истфаком СПбГУ и Российским этнографическим музеем подготовил и опубликовал сборник «Археология, история, нумизматика, этно-

графия Восточной Европы» (СПб., 2004), посвященный скончавшемуся в начале 2002 г. проф. Игорю Васильевичу Дубову.

По инициативе Отдела и с участием его сотрудников совместно с правительством Ленинградской области издается серия «Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, дипломаты, писатели, журналисты, деятели церкви об историческом достоянии». В 1998–2003 гг. вышло 4 выпуска, ныне готовится к выходу пятый.

Международное сотрудничество. В соответствии с приоритетными научными направлениями Отдел осуществляет многолетнее (с 1976 г.) российско-финляндское научное сотрудничество. В 2002 г. сотрудники Отдела принимали участие в финляндско-российском симпозиуме по археологии, проходившем в г. Хельсинки. В 2004 г. в Пушкинских Горах проведен очередной симпозиум по теме «Славяне и финно-угры. История, археология, культура».

Староладожская археологическая экспедиция впервые выдвинула и осуществила проект (авторы А. Н. Кирпичников, М. П. Толстой) участия в раскопках древней Ладоги зарубежных соотечественников. На раскопки в 2004 и 2005 гг. приезжали соотечественники из Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии, Германии, Австрии, Норвегии, США. Они работали совместно со студентами Ленинградского государственного областного университета и других вузов. Опыт международного сотрудничества оказался очень удачным, по его материалам в 2004 г. был издан сборник «Старая Ладога. Международная археологическая экспедиция-школа».

Российско-норвежское сотрудничество отмечено совместной подготовкой выставки «Россия – Норвегия. Сквозь века и границы» (Российский этнографический музей, 2004/05 г., координатор раздела археологии от ИИМК В. А. Лапшин). К открытию выставки было приурочено заседание Отдела славяно-финской археологии, на котором состоялось представление международного российско-норвежского проекта «Мечи эпохи викингов (по материалам норвежских музеев)». Исполнители этого проекта – А. Н. Кирпичников и А. Стальберг.

Установлены стабильные контакты с коллегами из Беларуси, Молдовы и Украины, а также Австрии, Германии, Норвегии, Польши, США, Финляндии, Франции, Швеции. Восстанавливается научное сотрудничество с Литвой и Эстонией. Сотрудники Отдела принимали участие в работе международных конференций в Вильнюсе, Йотерборге, Йеису, Стокгольме, Тампере, Турку, Хельсинки, Цюрихе. В 2002 г. А. А. Липатов провел обследование 123 церквей на о. Голланд, работая по проекту, поддержанному Шведским институтом. А. Е. Мусин в 2005 г. проходил стажировку в Центре изучения византийской истории и цивилизации Коллеж де Франс (Париж) по теме «Византия и Европа в формировании материальной культуры христианства в Древней Руси». И. И. Еремеев стажировался в 2003–2005 гг. в Стокгольмском университете по гранту Шведского института. П. Е. Сорокин участвовал в работе мониторинговой группы стран Балтийского региона по подводному археологическому наследию.

Сотрудники Отдела выступают авторитетными экспертами в отношении охраны и использования памятников истории и культуры. Ставится вопрос о разграблении общероссийских ценностей «черными археологами» с целью выработки законодательных мер. В связи с этим выдвинуто предложение о принятии специального закона РФ об охране археологического наследия. После обращения

руководителя Отдела к Президенту РФ и впервые по его распоряжению в 2004 г. произведено расследование нарушений в отношении охраны памятников археологии и архитектуры Пскова. С помощью псковских археологов сформулированы разъяснения и рекомендованы организационные меры по недопущению укладки бетонных настилов на еще не исследованный культурный слой при строительстве домов во Пскове. По инициативе Отдела и Дирекции ИИМК РАН при губернаторе Псковской области 24 мая 2005 г. создан Научный общественный совет по охране и использованию памятников истории и культуры.

По предложению Института в апреле–мае 2005 г. впервые на уровне Полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном Федеральном округе и губернатора Ленинградской области состоялись обсуждения развития Староладожского музея-заповедника и сбережения его достопримечательностей.

Подводя итоги деятельности Отдела славяно-финской археологии, необходимо подчеркнуть качественно новый уровень проводимых исследований, включающих осмысление исторических событий и археологических объектов от отдельных поселений и городов до больших регионов, от единичных находок до целых коллекций тех или иных предметов материальной культуры и явлений политической и духовной жизни. При осуществлении сотрудниками Отдела научных и полевых исследований применяется комплексный подход, основанный на использовании данных истории, археологии, этнографии, сфрагистики, топонимики, палеографии, палеоботаники, геологии. При этом также рассматриваются не только вещественные, но и письменные, графические, историко-географические и другие источники. Применяется метод исторической ретроспекции, учитываются сведения по климату, почвам и сельскохозяйственным культурам. Привлекаются анализы металла, стекла, латуни, данные о датировках по ^{14}C и дендрохронологические. Важнейшей задачей Отдела являются спасательные и охраняемые работы и защита памятников археологии от гибели, разрушений и грабительских раскопок. Высказываются рекомендации по бережному использованию исторических объектов для нужд отечественного и зарубежного туризма.

В Отделе регулярно проводятся заседания, которые являются одним из основных факторов его деятельности. В коллективе Отдела даже в самых сложных современных условиях остается неизменной обстановка доброжелательности, взаимопомощи, товарищеской критики.

Авторитетная комиссия РАН, проверявшая работу Отдела в 2004 г., положительно оценила его работу.

А. Н. Кирпичников, А. А. Пескова

ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

В Лаборатории в настоящее время работают 8 человек, из них 7 кандидатов наук по различным специальностям.

Лаборатория археологической технологии – единственное в стране мультидисциплинарное научное подразделение, занимающееся анализом археологического материала по разным направлениям: радиоуглеродное датирование,

графия Восточной Европы» (СПб., 2004), посвященный скончавшемуся в начале 2002 г. проф. Игорю Васильевичу Лубову.

По инициативе Отдела и с участием его сотрудников совместно с правительством Ленинградской области издается серия «Культурное наследие Российской Федерации. Ученые, политики, дипломаты, писатели, журналисты, деятели церкви об историческом достоянии». В 1998–2003 гг. вышло 4 выпуска, ныне готовится к выходу пятый.

Международное сотрудничество. В соответствии с приоритетными научными направлениями Отдел осуществляет многолетнее (с 1976 г.) российско-финляндское научное сотрудничество. В 2002 г. сотрудники Отдела принимали участие в финляндско-русском симпозиуме по археологии, проходившем в г. Хельсинки. В 2004 г. в Пушкинских Горах проведен очередной симпозиум по теме «Славяне и финно-угры. История, археология, культура».

Староладожская археологическая экспедиция впервые выдвинула и осуществила проект (авторы А. Н. Кирпичников, М. Н. Толстой) участия в раскопках древней Ладogi зарубежных соотечественников. На раскопки в 2004 и 2005 гг. приезжали соотечественники из Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии, Германии, Австрии, Норвегии, США. Они работали совместно со студентами Ленинградского государственного областного университета и других вузов. Опыт международного сотрудничества оказался очень удачным, по его материалам в 2004 г. был издан сборник «Старая Ладога. Международная археологическая экспедиция-школа».

Российско-норвежское сотрудничество отмечено совместной подготовкой выставки «Россия – Норвегия. Сквозь века и границы» (Российский этнографический музей, 2004/05 г., координатор раздела археологии от ИИМК В. А. Лапшин). К открытию выставки было приурочено заседание Отдела славяно-финской археологии, на котором состоялось представление международного российско-норвежского проекта «Мечи эпохи викингов (по материалам норвежских музеев)». Исполнители этого проекта – А. Н. Кирпичников и А. Стальберг.

Установлены стабильные контакты с коллегами из Беларуси, Молдовы и Украины, а также Австрии, Германии, Норвегии, Польши, США, Финляндии, Франции, Швеции. Восстанавливается научное сотрудничество с Литвой и Эстонией. Сотрудники Отдела принимали участие в работе международных конференций в Вильнюсе, Йютерборге, Йюенсу, Стокгольме, Тампере, Турку, Хельсинки, Цюрихе. В 2002 г. А. А. Липатов провел обследование 123 церквей на о. Готланд, работая по проекту, поддержанному Шведским институтом. А. Е. Мусин в 2005 г. проходил стажировку в Центре изучения византийской истории и цивилизации Коллеж де Франс (Париж) по теме «Византизм и Европа в формировании материальной культуры христианства в Древней Руси». И. И. Премеев стажировался в 2003–2005 гг. в Стокгольмском университете по гранту Шведского института. П. Е. Сорокин участвовал в работе мониторинговой группы стран Балтийского региона по подводному археологическому наследию.

Сотрудники Отдела выступают авторитетными экспертами в отношении охраны и использования памятников истории и культуры. Ставится вопрос о разграблении общероссийских ценностей «черными археологами» с целью выработки законодательных мер. В связи с этим выдвинуто предложение о принятии специального закона РФ об охране археологического наследия. После обращения

руководителя Отдела к Президенту РФ и впервые по его распоряжению в 2004 г. произведено расследование нарушений в отношении охраны памятников археологии и архитектуры Пскова. С помощью псковских археологов сформулированы разъяснения и рекомендованы организационные меры по недопущению укладки бетонных настилов на еще не исследованный культурный слой при строительстве домов во Пскове. По инициативе Отдела и Дирекции ИИМК РАН при губернаторе Псковской области 24 мая 2005 г. создан Научный общественный совет по охране и использованию памятников истории и культуры.

По предложению Института в апреле–мае 2005 г. впервые на уровне Полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном Федеральном округе и губернатора Ленинградской области состоялись обсуждения развития Староладожского музея-заповедника и сбережения его достопримечательностей.

Подводя итоги деятельности Отдела славяно-финской археологии, необходимо подчеркнуть качественно новый уровень проводимых исследований, включающих осмысление исторических событий и археологических объектов от отдельных поселений и городов до больших регионов, от единичных находок до целых коллекций тех или иных предметов материальной культуры и явлений политической и духовной жизни. При осуществлении сотрудниками Отдела научных и полевых исследований применяется комплексный подход, основанный на использовании данных истории, археологии, этнографии, сфрагистики, топонимики, палеографии, палеоботаники, геологии. При этом также рассматриваются не только вещественные, но и письменные, графические, историко-географические и другие источники. Применяется метод исторической ретроспекции, учитываются сведения по климату, почвам и сельскохозяйственным культурам. Привлекаются анализы металла, стекла, латуни, данные о датировках по ¹⁴C и дендрохронологические. Важнейшей задачей Отдела являются спасательные и охраняемые работы и защита памятников археологии от гибели, разрушений и грабительских раскопок. Выказываются рекомендации по бережному использованию исторических объектов для нужд отечественного и зарубежного туризма.

В Отделе регулярно проводятся заседания, которые являются одним из основных факторов его деятельности. В коллективе Отдела даже в самых сложных современных условиях остается неизменной обстановка доброжелательности, взаимопомощи, товарищеской критики.

Авторитетная комиссия РАН, проверявшая работу Отдела в 2004 г., положительно оценила его работу.

А. Н. Кирпичников, А. А. Пскова

ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

В Лаборатории в настоящее время работают 8 человек, из них 7 кандидатов наук по различным специальностям.

Лаборатория археологической технологии – единственное в стране мультидисциплинарное научное подразделение, занимающееся анализом археологического материала по разным направлениям: радиоуглеродное датирование,

остеологический и палинологический анализ, химический и спектральный анализ. В Лаборатории разрабатываются плановые темы, утвержденные Отделением историко-филологических наук РАН, однако многие проблемы исследуются также и на инициативной основе. Сотрудники постоянно участвуют в археологических экспедициях, в работе по исследовательским проектам как отечественным, так и зарубежным. В Лаборатории осуществляется обширное сотрудничество с рядом европейских и американских лабораторий. За последнее пятилетие сотрудниками опубликовано свыше 100 работ.

Радиоуглеродный метод датирования (Г. И. Зайцева, А. А. Семенцов, М. А. Кулькова, Л. М. Лебедева, Н. Д. Бурова) был освоен в Лаборатории в середине 1950-х гг. по инициативе Президиума АН СССР, и она является единственным центром в России, целиком ориентированным на радиоуглеродное датирование и исследование археологических памятников. В Лаборатории созданы новые установки для измерения низкой активности бензола (электронные схемы и конструкция разработаны А. А. Семеновым) с выводом данных в компьютер для расчета возраста образца. В настоящее время имеется 8 установок, позволяющих измерять концентрацию радиоуглерода в образцах от 1,5 мл до 10 мл бензола. Кроме того, Академией наук для Лаборатории приобретен прибор Quantulus для измерения низких активностей. Усовершенствовано приборное оснащение химической подготовки образцов и синтеза бензола, позволяющее получать бензол из образцов весом до 1–2 г угля.

Ежегодно осуществляется более 300 радиоуглеродных определений органических образцов, включая образцы дерева, угля, почвы, кости и др. Создан компьютерный банк данных радиоуглеродных дат, насчитывающий в настоящее время более 7000 определений, выполненных как в ИИМК РАН, так и в других организациях. В последние 5 лет Лаборатория в соответствии с проектами выполняет исследования по реконструкции окружающей среды в голоцене для регионов Северо-Запада России, Южной Сибири и Центральной Азии. С этой целью проводятся экспедиции по отбору озерно-болотных отложений и их датированию. Пыльцевой и диатомовый анализ осуществляется в лабораториях СПбГУ, Институте озероведения РАН, Институте геохимии и вулканологии Дальневосточного центра РАН, а также в Университете Амстердама. В Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН отложения датируются для получения хронологической шкалы.

Обширные работы проводятся по исследованию памятника Аржан-2 в системе культур скифского мира Евразии в I тыс. до н. э. (хронология, окружающая среда, хозяйство). Впервые надежно датированы остатки дерева из кургана Аржан-1. Ранее для Аржана-1 было получено в разных лабораториях около 30 дат, которые приводили к неоднозначному выводу о календарном времени сооружения этого ключевого для всех скифских культур Евразии памятника. До сих пор дискуссии о его датировке продолжаются. Полученные нами результаты свидетельствуют, что курган был сооружен в самом конце IX в. до н. э. (801 ± 14 г. до н. э.).

Датированы также новые образцы из памятников тагарской культуры Хакасии и памятников Монголии.

Начаты работы по реконструкции окружающей среды для регионов Хакасии и Тувы в период голоцена по данным палинологии и геохимического анализа. Разработаны новые подходы для определения позиции памятников на календарной временной шкале с использованием радиоуглеродного датирования, дендрохронологии и методов математической статистики. Освоены методы приме-

нения стабильных изотопов для определения диеты, места проживания древнего кочевого населения. Проведено сравнительное остеологическое исследование костного материала лошадей из памятников Аржан-1 и Аржан-2. Начаты работы по определению стабильных изотопов ^{13}C , ^{15}N , стронция и свинца в различных объектах (кость, нагар, золотые изделия, бронзовые изделия) из памятника Аржан-2 и тагарских памятников Хакасии. По данной теме вышло из печати более 10 публикаций.

Спектральный анализ (А. Н. Егорьков) проводится в Лаборатории с 1955 г., постоянно совершенствуясь как по технике съемки, так и приобретению качественных спектральных эталонов. В Лаборатории собрана коллекция промышленных и специально изготовленных или подобранных эталонов, как отечественных, так и зарубежных. За год осуществляется несколько сотен анализов, в основном древнего металла и стекла, однако иногда проводится работа и с другими материалами, такими как пигменты красок и т. п. В частности, была выполнена работа по определению красочных пигментов одновременной окраски реконструированного Константиновского дворца в Стрельне (Ленинградская область).

Анализ металла и стекла осуществляется для научных и музейных организаций многих регионов страны, в том числе и для Москвы. Только за последний год для Института археологии РАН выполнено, помимо прочего, несколько сотен анализов обширных коллекций стекла из раскопок в Вязьме, а также в Сербии и Черногории (римские города Singidunum и Viminacium). По анализу стекла Лаборатория является ведущей в стране.

В 2001 г. бывшим сотрудником Лаборатории В. А. Галибиным была выпущена давно ожидаемая монография «Состав стекла как археологический источник», в которой обобщены анализы тысяч образцов стекла и которая стала настольной книгой для многих исследователей состава древнего стекла. Интерпретация состава стекла в ней дана с позиций петербургской школы.

По составу металла также выполнено большое количество анализов. В частности, в 2001 г. в сборнике «Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла» вышла статья А. Н. Егорькова «Особенности состава металла Алтын-депе», в которой обобщено около 400 анализов, подавляющая часть которых выполнена в Лаборатории. Такой объем информации по одному из ключевых южнотуркменских памятников бронзового века делает наши знания вполне сложившимися. Наряду с многими другими определениями свыше двух сотен анализов выполнено по составу металла раннеславянских кладов Поднепровья, где установлена латунь как основной медный сплав, выдвинуты предположения о путях ее поступления в регион (Егорьков А. Н., Щелова О. А. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 280–307).

Помимо непосредственного осуществления анализа археологических материалов в Лаборатории разрабатываются вопросы древних технологий. Так, в частности, высказаны новые взгляды на причины высокого содержания никеля в древней бронзе Кавказа, по которым встала оживленная научная дискуссия (Егорьков А. Н. Взгляд на природу никеля в древней бронзе Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар, 2002. С. 117–120). Дано свое обоснованное понимание технологии цементационного получения бронзы и латуни в древности (Егорьков А. Н. О цементационном получении бронзы и латуни // За тех, кому горше и хуже: Эрмитажный сборник, посвященный памяти Н. К. Качаловой. В печати), близкая тематика отражена также в готовящейся к выходу

монографии О. А. Щегловой, А. П. Егорькова и Е. А. Шаблавиной «Новые исследования Гапоновского клада. Технологические аспекты».

Обширные исследования выполнены по составу фиановых бус Калмыкии бронзового века, о происхождении которых, местном или импортном, идет оживленная дискуссия. Статья А. Н. Егорькова в соавторстве с Н. И. Шишиной из ГИМ и А. Шортландом (Кембридж, Англия) запланирована к выходу в этом году во французском журнале «Paleoigeb».

Химический анализ в Лаборатории (Е. Ю. Медникова) осуществляется прежде всего в целях изучения строительных и штукатурных растворов древних памятников архитектуры, а также определения пигментов их настенной росписи для воссоздания древних строительных и стенописных технологий. К настоящему времени выполнены обширные исследования по составу растворов древнерусских храмов практически всех центров Древней Руси – Киева, Чернигова, Переяславля-Южного, Переяславля-Залесского, Владимира, Суздаля, Новгорода, Юрьева-Польского и др. (например: Медникова Е. Ю., Липатов А. А., Куликов В. Б. О строительных растворах трех новгородских памятников конца X века: Новые методы и результаты // Реликвия. СПб., 2004. № 2. С. 6–23). Изучены также строительные и штукатурные растворы крепостей Северо-Западной Руси – Гдова, Ивангорода, Изборска, Копорья, Острова, Порхова и др. (Медникова Е. Ю., Липатов А. А., Пресвирина Е. Ю. О составе строительных растворов крепостных сооружений Северо-Западной Руси // Реликвия. СПб. В печати).

С 2003 г. химический анализ дополнен созданной в Лаборатории установкой компьютерной визуализации изображения, позволяющей достигать 4000-кратного увеличения и осуществлять люминесцентный анализ.

Анализ остеологического материала имеет в ИИМК РАН давние традиции. В последнее время основные интересы палеозоолога А. К. Каспарова сосредоточены на памятниках Севера России, Южного Туркменистана, Северного Причерноморья и др. По последним двум регионам выполнены обширные исследования, результаты которых нашли отражение в многочисленных публикациях (например: Каспаров А. К. Хозяйственная деятельность населения Нимфея в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. // 9th Annual Meeting European Association of Archaeologists. St. Petersburg, 2003).

По результатам палинологических исследований Г. М. Левковской разработана палинотератная методика выявления геоботанических кризисов или катастроф прошлого и настоящего. Дифференциация нормальных, стрессовых и катастрофических состояний генеративной среды растений построена на основе обобщенной в последние 5 лет статистики по аномальным пылевым зернам, собираемым в течение 30 лет. Методика отражена в ряде публикаций, доложена на конференциях (например: Levkovskaya G. M. The most important causes of the Upper Paleolithic "Revolution" // 7th Annual Meeting European Association of Archaeologists: Final Programme and Abstracts. Esslingen am Neckar, 2001. P. 145–146). Итоги разработки методики оформляются в настоящее время в виде атласа.

Завершается издание не имеющего аналогов атласа «Культурно-исторические и палеоэкологические процессы времени перехода от среднего к верхнему палеолиту», разработанного совместно с британскими специалистами.

Созданы палинологические банки данных по раннему и среднему палеолиту, верхнему палеолиту территории бывшего СССР, а также по неолиту западных регионов этой территории. Создание банка по неолиту сделало возможным открытие очень раннего земледелия – около 5300 лет назад на западе лесной зоны Восточной Европы (Левковская Г. М., Тимофеев В. И. К хронологии и экологии начала земледелия в Восточной Прибалтике (о признаках неолитического земле-

делия в районах Цедмарских неолитических торфяных стоянок в Калининградской области) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Европы. СПб., 2004. С. 88–105). Обобщение в банке палеоэкологических данных по палеолитическим стоянкам позволило в 2001 и 2003 гг. организовать секции Европейской ассоциации археологов.

А. Н. Егорьков

ГРУППА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Группа археологического мониторинга (ГАМ) была образована в марте 2001 г. и первоначально включала в себя 5 сотрудников. В настоящее время в группе работают 3 кандидата исторических наук, 3 научных сотрудника без степени и инженер.

Создание Группы было обусловлено в первую очередь интенсификацией строительства и реконструкции наземных коммуникаций (шоссейных и железнодорожных магистралей), обустройства новых и старых портов, терминалов, прокладки и расширения нефте- и газопроводов, линий электропередач, волоконно-оптических линий связи, строительства жилых и производственных комплексов, несанкционированного освоения сельских территорий и пр. В связи с этим жесткий контроль за сохранностью и спасением уходящих археологических и культурно-исторических памятников, а также своевременное выполнение всего комплекса археологических охранно-спасательных мероприятий в соответствии с основными требованиями Закона РФ № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» становится все более актуальным.

Организованные Группой археологического мониторинга охранные археологические исследования проводились в Ленинградской области (Выборгский, Волосовский, Всеволожский, Кингисеппский, Киришский, Курортный, Гатчинский, Бокситогорский, Кировский, Лужский и другие районы), а также в Мурманской, Архангельской, Ярославской, Ивановской, Новгородской, Псковской областях, Республике Коми, Красноярском крае, Республике Хакасия, Республике Тува, Республике Карачаево-Черкесия и Республике Адыгея.

В полевых работах принимали участие (являлись ответственными исполнителями с «Открытыми листами» по отдельным договорам) все научные сотрудники ГАМ, а также сотрудники Отдела славяно-финской археологии (В. А. Лапшин, В. И. Кильдюшевский, Т. А. Чукова и А. В. Курбагов), Отдела палеолита (В. Я. Шумкин, С. Н. Лисицын, П. Е. Нехорошев), Отдела Центральной Азии и Кавказа (М. Н. Пшеницица, Н. А. Божовенко, М. Б. Рысин, Вл. А. Семенов, А. Д. Резепкин, А. С. Поляков, И. П. Лазаретов) и кафедры археологии СПбГУ (В. Н. Седых и А. И. Мурашкин). Помимо этого по трудовым соглашениям полевые работы вели археологи С. А. Семенов, С. А. Александров, Д. Г. Григорьев и А. Ю. Гордилов.

Полевые работы включали раскопки, разведки, мониторинг памятников, паспортизацию, археологический надзор, написание исторических справок. Раскопки велись примерно на 30 памятниках (курганы, жальники, поселения, стоян-

монографии О. А. Щегловой, А. П. Егорькова и Е. А. Шаблавиной «Новые исследования Гапоновского клада. Технологические аспекты».

Обширные исследования выполнены по составу фиановых бус Калмыкии бронзового века, о происхождении которых, местном или импортном, идет оживленная дискуссия. Статья А. Н. Егорькова в соавторстве с Н. И. Шишиной из ГИМ и А. Шортландом (Кембридж, Англия) запланирована к выходу в этом году во французском журнале «Paleoigie».

Химический анализ в Лаборатории (Е. Ю. Медникова) осуществляется прежде всего в целях изучения строительных и штукатурных растворов древних памятников архитектуры, а также определения пигментов их настенной росписи для воссоздания древних строительных и стенописных технологий. К настоящему времени выполнены обширные исследования по составу растворов древнерусских храмов практически всех центров Древней Руси – Киева, Чернигова, Переяславля-Южного, Переяславля-Залесского, Владимира, Суздаля, Новгорода, Юрьева-Польского и др. (например: Медникова Е. Ю., Липатов А. А., Куликов В. В. О строительных растворах трех новгородских памятников конца X века: Новые методы и результаты // Реликвия. СПб., 2004. № 2. С. 6–23). Изучены также строительные и штукатурные растворы крепостей Северо-Западной Руси – Гдова, Ивангорода, Изборска, Копорья, Острова, Порхова и др. (Медникова Е. Ю., Липатов А. А., Просвирина Е. Ю. О составе строительных растворов крепостных сооружений Северо-Западной Руси // Реликвия. СПб. В печати).

С 2003 г. химический анализ дополнен созданной в Лаборатории установкой компьютерной визуализации изображения, позволяющей достигать 4000-кратного увеличения и осуществлять люминесцентный анализ.

Анализ остеологического материала имеет в ИИМК РАН давние традиции. В последнее время основные интересы палеозоолога А. К. Каспарова сосредоточены на памятниках Севера России, Южного Туркменистана, Северного Причерноморья и др. По последним двум регионам выполнены обширные исследования, результаты которых нашли отражение в многочисленных публикациях (например: Каспаров А. К. Хозяйственная деятельность населения Нимфея в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. // 9th Annual Meeting European Association of Archaeologists. St. Petersburg, 2003).

По результатам палинологических исследований Г. М. Левковской разработана палинотератная методика выявления геоботанических кризисов или катастроф прошлого и настоящего. Дифференциация нормальных, стрессовых и катастрофических состояний генеративной среды растений построена на основе обобщенной в последние 5 лет статистики по аномальным пыльцевым зернам, собираемым в течение 30 лет. Методика отражена в ряде публикаций, доложена на конференциях (например: Levkovskaya G. M. The most important causes of the Upper Paleolithic "Revolution" // 7th Annual Meeting European Association of Archaeologists: Final Programme and Abstracts. Esslingen am Neckar, 2001. P. 145–146). Итоги разработки методики оформляются в настоящее время в виде атласа.

Завершается издание не имеющего аналогов атласа «Культурно-исторические и палеоэкологические процессы времени перехода от среднего к верхнему палеолиту», разработанного совместно с британскими специалистами.

Созданы палинологические банки данных по раннему и среднему палеолиту, верхнему палеолиту территории бывшего СССР, а также по неолиту западных регионов этой территории. Создание банка по неолиту сделало возможным открытие очень раннего земледелия – около 5300 лет назад на западе лесной зоны Восточной Европы (Левковская Г. М., Тимофеев В. И. К хронологии и экологии начала земледелия в Восточной Прибалтике (о признаках неолитического земле-

делия в районах Цедмарских неолитических торфяных стоянок в Калининградской области) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Европы. СПб., 2004. С. 88–105). Обобщение в банке палеоэкологических данных по палеолитическим стоянкам позволило в 2001 и 2003 гг. организовать секции Европейской ассоциации археологов.

А. Н. Егорьков

ГРУППА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Группа археологического мониторинга (ГАМ) была образована в марте 2001 г. и первоначально включала в себя 5 сотрудников. В настоящее время в группе работают 3 кандидата исторических наук, 3 научных сотрудника без степени и инженер.

Создание Группы было обусловлено в первую очередь интенсификацией строительства и реконструкции наземных коммуникаций (шоссейных и железнодорожных магистралей), обустройства новых и старых портов, терминалов, прокладки и расширения нефте- и газопроводов, линий электропередач, волоконно-оптических линий связи, строительства жилых и производственных комплексов, несанкционированного освоения сельских территорий и пр. В связи с этим жесткий контроль за сохранностью и спасением уходящих археологических и культурно-исторических памятников, а также своевременное выполнение всего комплекса археологических охранно-спасательных мероприятий в соответствии с основными требованиями Закона РФ № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» становится все более актуальным.

Организованные Группой археологического мониторинга охранные археологические исследования проводились в Ленинградской области (Выборгский, Волосовский, Всеволожский, Кингисеппский, Киришский, Курортный, Гатчинский, Бокситогорский, Кировский, Лужский и другие районы), а также в Мурманской, Архангельской, Ярославской, Ивановской, Новгородской, Псковской областях, Республике Коми, Красноярском крае, Республике Хакасия, Республике Тува, Республике Карачаево-Черкесия и Республике Адыгея.

В полевых работах принимали участие (являлись ответственными исполнителями с «Открытыми листами» по отдельным договорам) все научные сотрудники ГАМ, а также сотрудники Отдела славяно-финской археологии (В. А. Лапшин, В. И. Кильдюшевский, Т. А. Чукова и А. В. Курбагов), Отдела палеолита (В. Я. Шумкин, С. Н. Лисицын, П. Е. Нехорошев), Отдела Центральной Азии и Кавказа (М. Н. Пшеницица, Н. А. Боковенко, М. Б. Рысин, Вл. А. Семенов, А. Д. Резенкин, А. С. Поляков, И. П. Лазаретов) и кафедры археологии СПбГУ (В. Н. Седых и А. И. Мурашкин). Помимо этого по трудовым соглашениям полевые работы вели археологи С. А. Семенов, С. А. Александров, Д. Г. Григорьев и А. Ю. Гордилов.

Полевые работы включали раскопки, разведки, мониторинг памятников, паспортизацию, археологический надзор, написание исторических справок. Раскопки велись примерно на 30 памятниках (курганы, жалыники, поселения, стоян-

ки, местонахождения). Разведано и выявлено более 200 новых памятников, пройдены более 2500 км трасс, заложено несколько сотен шурфов, обследованы многие гектары и квадратные километры площадок будущих строителей. Мониторинг памятников проведен по 370 объектам, паспортизировано 50 памятников. Археологический надзор и рекогносцировочные шурфы осуществлены на 28 площадках строительства. Исторические справки (отдельно) были написаны по 5 объектам. Все археологические объекты, на которых велись работы, получили точные географические привязки с помощью приборов глобального позиционирования (GPS). Часть памятников нанесена на электронные карты ряда районов Ленинградской области, Карачаево-Черкесии и Красноярского края. На ряде поселений взяты пробы культурного слоя для анализа с помощью фوسفатного экспресс-метода.

Всего в экспедициях, организованных ГАМ, штатные сотрудники ИИМК РАН принимали участие более 100 раз, а внештатных сотрудников только за последние два года в экспедициях и отрядах работало почти 300 человек.

За истекшие годы в Группе подготовлены и подписаны договоры о творческом сотрудничестве ИИМК РАН с Республиками Карелия, Коми, Хакасия и Тува. Такие же договоры подписаны с Архангельской, Мурманской, Новгородской и Вологодской областями, Республиками Адыгея и Карачаево-Черкесия. Ведутся консультации и готовятся договоры о сотрудничестве с Кировской и Калининградской областями и Ненецким автономным округом. В сферу деятельности Группы входит также содействие сотрудникам научных подразделений ИИМК РАН и коллегам из вышеперечисленных регионов России в проведении хозяйственных работ.

Группа активно участвовала в программе «Культура России» Министерства культуры РФ (2001–2005 гг.), в рамках которой вела спасательные раскопки разрушаемых археологических памятников, мониторинг и паспортизацию объектов культурно-исторического наследия в Южной Сибири и на Северном Кавказе.

В качестве ближайшей перспективы деятельности следует выделить включение в сферу интересов Группы археологического мониторинга ИИМК РАН работ по археологическому надзору и спасательным охраняемым мероприятиям на объектах нового строительства в черте Санкт-Петербурга. Первые договоры по обследованию территорий строительных площадок в городе уже выполнены.

Одной из наиболее важных задач ГАМ является составление археологической карты ряда регионов России (Северо-Запада и Севера, Красноярского края, Хакасии, Тувы, Северного Кавказа) на основе новых информационно-компьютерных технологий при постоянном отслеживании меняющейся ситуации, угрожающей сохранности памятников культурно-исторического наследия. Внедрение в археологическую практику мобильных спутниковых систем определения географического положения (приборов GPS) и компьютерная обработка координат дают возможность четко соотнести тот или иной памятник с конкретной топографической.

Появление и широкое распространение геоинформационных систем (ГИС) в 1990-е гг. позволяет в сотни раз ускорить процесс обработки археологической информации. В связи с этим в очередной раз возникла проблема разработки структуры описания археологической информации, плохо поддающейся формализации. Общепринятого и достаточно полного алгоритма описания памятников, комплексов и находок до сих пор не выработано, хотя отдельные попытки предпринимаются постоянно. Разрабатываемая сотрудниками Группы археологического мониторинга «Научно-исследовательская и информационная система по

регистрации, учету и анализу памятников археологии регионов России» представляет собой пример абсолютно нового подхода к систематизации информации об отечественных древностях. К концу 2004 г. Ст. А. Васильевым был разработан прототип автоматической информационной системы «Археограф» для описания и мониторинга археологических памятников с возможностью вывода информации в ГИС MapInfo (<http://ar.db.spb/tu>).

Программа включает необходимые базовые функции по археологическому картографированию:

- 1) формализация и стандартизация описания археологического памятника;
- 2) создание системы файлового обмена археологической информацией;
- 3) поддержка мультимедийных иллюстраций археологического материала;
- 4) создание единого классификатора археологических памятников;
- 5) учет сведений археологических разведок;
- 6) автоматическая передача селективной информации в ГИС и вывод ее на цифровые карты местности;
- 7) независимая программная оболочка с функцией динамического взаимодействия с ГИС;
- 8) поддержка наиболее распространенных форматов экспорта/импорта данных;
- 9) автоматическое создание отчетов по археологическому памятнику;
- 10) многоязыковая поддержка.

При этом программа адресована в первую очередь технически слабо подготовленному пользователю. Вся схема описания археологического памятника подразделяется на восемь информационных блоков, которые включают около 150 атрибутивных полей. Часть из них по одному памятнику может содержать бесконечное количество значений (различные датировки, культурная принадлежность, библиография, архивные материалы и т. д.):

- 1) название памятника с геокоординатами (официальное название, другие названия, список категорий памятников, координаты, примечания);
- 2) административная и географическая привязки (страна, область, район, сельсовет, населенный пункт, расстояние до населенного пункта, микрофотографическая привязка, списки физико-географических и культурно-исторических регионов, природная зона, водный бассейн);
- 3) относительная и абсолютная хронология памятника, список археологических культур;
- 4) история изучения (год, автор, экспедиция, описание работ, архивная документация);
- 5) кадастровые сведения (землевладелец, землепользователь, охранная документация, современное использование, значение, состояние и площадь памятника, примечания);
- 6) библиографические ссылки (год, автор, название, примечание);
- 7) архивные сведения (автор, год исследований, страна, город, архив, год поступления, фонд, опись/коллекция, дело/инвентарь, листы, примечания);
- 8) изобразительные материалы по памятнику (название, автор, дата, примечание, возможность предварительного просмотра).

Особое внимание уделяется возможности полной настройки переменных характеристик под индивидуальные требования исследователя. Списки организованы в виде иерархических (древовидных) структур с функцией добавления позиций.

Одним из основных достоинств программы является автоматический вывод объектов в ГИС MapInfo для построения карт распределения материала, благо-

даря координатной привязке каждого археологического памятника. Выведенные в *MapInfo* графические элементы и семантическая информация служат для построения тематических карт, пространственного анализа материала, подсчета статистики и т. д. инструментами самой ГИС.

Внесение новых объектов с автоматическим получением координат и изменение координат уже зарегистрированных в «Археографе» памятников возможно непосредственно из *MapInfo* с помощью специально разработанных инструментов. Кроме того, имеется функция сохранения отобранных памятников в файле формата *OziExplorer* для передачи точек в GPS-приспособление. Возможна также и обратная процедура.

«Археограф» позволяет создавать разнообразные отчеты по памятнику в формате *MS Word* на основе имеющихся в программе шаблонов и разрабатывать любые образцы учетных документов, включая Паспорт и Учетную карточку археологического памятника.

Система поиска информации включает четыре раздела и позволяет найти любой памятник по одному или комбинации признаков, а также по набору символов. Полученная выборка служит основой для формирования информационного массива для передачи в ГИС или экспорта.

Кроме разработки структуры информационной системы «Археограф» создан предварительный массив данных и начато занесение его в базу.

Ст. А. Васильев работает над созданием электронной археологической карты памятников Ленинградской области. В проекте принимали участие студенты 5-го курса кафедры археологии СПбГУ и сотрудники ИИМК РАН. В основу электронной археологической карты лег двухтомный свод археологических памятников Ленинградской области В. А. Лапшина, насчитывающий около 1700 памятников. Для определения местоположения памятников на местности и их географических координат использовались находящиеся в распоряжении ГАМ ИИМК РАН цифровые карты местности (векторные и растровые) масштаба 1 : 50 000–1 : 200 000 в формате *GIS MapInfo* с последующим занесением информации в археологическую информационную систему. К сожалению, из-за неточного описания расположения памятников средняя погрешность при определении их координат достигает 2–3 км. Реальное местоположение памятника можно определить только при полевом обследовании или по аэрофотографии. В результате использования указанных программных средств была создана база данных по археологическим памятникам Ленинградской области в формате АИС «Археограф» с возможностью автоматического вывода необходимых памятников на цифровую карту местности в ГИС. В настоящее время необходимо выполнение комплекса работ по ревизии информации об археологических памятниках, открытых или обследованных после 1990 г., и обновлению сведений в созданной базе данных.

М. Е. Кидуновская собрала библиографию по памятникам наскального искусства Тувы, провела описание четырех местонахождений петроглифов согласно требованиям ЮНЕСКО (Хербис, Шанчиг, Толде-Тей и Йиме), составила список всех известных местонахождений наскальных рисунков в Туве с историей исследования, точными координатами, кратким описанием памятников. Проведен также сбор данных по другим памятникам археологии Тувы – курганным могильникам, стоянкам, монументальным стелам, сделан свод тюркских изваяний и оленных камней. В настоящий момент в базу занесено 150 памятников.

А. В. Субботинным и С. В. Красниенко начат сбор информации по археологическим памятникам севера Минусинской котловины и Среднего Енисея (лесо-

степная зона), составлен список с подробным комментарием по памятникам Назаровской котловины (юго-запад Красноярского края) от энеолита до раннего средневековья, продолжена работа по выявлению новых объектов и паспортизации археологических памятников на этой территории. В настоящий момент в базу занесено 200 памятников.

С. Г. Поповым проведена систематизация всех данных по археологическим памятникам трех районов Псковской области, в частности, уточнена карта археологических памятников, базирующаяся на разведках автора и архивных данных. При дальнейшей конкретизации информации по памятникам подготавливаемую базу данных возможно будет использовать для воссоздания культурно-исторических процессов, протекавших на значительной части Псковщины в эпохи раннего железного века–позднего средневековья. На данном этапе проводится работа по занесению памятников в базу и синхронизации их привязки.

М. А. Юшкова собрала историографические данные, провела мониторинг современного состояния и отметила точные координаты памятников эпохи раннего металла, раннего железа и средневековья в северо-восточных районах Ленинградской области.

Кроме того, М. В. Рысиным начата работа по занесению в базу данных 300 памятников археологии Усть-Джегутинского района Республики Карачаево-Черкесия.

Накопление новых данных стремительно увеличивает количественный объем археологической информации, что приводит к невозможности его полной обработки традиционными способами. В связи с этим возникает потребность в применении новых методов хранения и обработки информации, неразрывно связанная с использованием компьютеров и электронных информационных систем. Интерпретация и анализ археологического материала невозможны без пространственной привязки. Актуальность подобного проекта для ИИМК РАН обусловлена в первую очередь необходимостью унификации описания археологических памятников и возможностью автоматического вывода объектов на цифровую карту в ГИС. Такая единая система необходима для создания тематических археологических карт, планирования и организации спасательных работ, использования данных информационной системы для проведения фундаментальных исследований, связанных с расселением древнего населения, ареалами распространения и хронологией археологических культур.

Специально разработанной археологической ГИС подобной функциональности на сегодняшний день в РФ не существует.

Сотрудниками Группы археологического мониторинга создан сайт ИИМК РАН, его русская и английская версии, ведется его постоянное пополнение. Внутринститутская компьютерная сеть создана и обслуживается одним из сотрудников Группы. Научные публикации сотрудников Группы археологического мониторинга в максимальной степени отражают разнообразную направленность производимых в этом отделе полевых и компьютерно-камеральных работ, в 2002–2005 гг. опубликовано 47 работ, в том числе – 3 монографии, сделано 27 докладов на конференциях и семинарах. В 2001 г. А. В. Субботин успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Динамика развитой тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников)», Ст. А. Васильев в 2002 г. – кандидатскую диссертацию на тему «Искусство древнего населения Прикамья в апаньинскую эпоху (источники и формирование)».

Проекты М. Е. Килуновской, С. В. Красниенко и А. В. Субботина дважды были включены в программу «О мерах по усилению государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации» (100 ежегодно выделяемых через Министерство культуры грантов Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства). Кроме того, сотрудники Группы активно участвовали в 14 исследовательских проектах, поддержанных РФФИ, РГНФ и другими международными организациями и фондами.

А. В. Субботин, Ст. А. Васильев

НАУЧНЫЙ АРХИВ

В структуре ранее существовавших учреждений РАИМК–ГАИМК–ИИМК АН СССР–ЛОИА АН СССР Рукописный архив и Фотоархив являлись отдельными научно-вспомогательными подразделениями, обеспечивая виды работ, определенные для них Положением о научно-отраслевых архивах.

Рукописный архив, фонды которого начали формироваться с организацией Императорской Археологической комиссии в 1859 г., является крупнейшим в стране хранилищем, собранным по единому принципу: археология и охрана древностей во всех их проявлениях. В настоящее время он насчитывает 103 фонда, объединяющих более 70 тысяч единиц хранения (дел). В Фотоархиве ИИМК РАН – более 900 тысяч единиц хранения, объединенных в 77 фондах, и он является одним из крупнейших хранилищ в Европе и единственным специализированным фотоархивом в РАН. «Документально» Фотоархив существует с конца 1918 г., хотя фотографии собирались в библиотеке ИАК с самого начала ее существования.

В начале 2004 г. Рукописный архив и Фотоархив были объединены в единый Научный архив ИИМК РАН, составив его отделы: Рукописный и Фотоотдел. В 2000 г. Фотоархив, получив новые помещения на 3-м этаже здания Ново-Михайловского дворца, а Рукописный архив ИИМК РАН – дополнительные, занимались проблемами, связанными с перемещением материалов. Этот трудоемкий процесс полностью еще не завершен в силу разных обстоятельств.

Учет, хранение и научно-техническая обработка документов. Фотоотделом Научного архива была сделана полная проверка негативного фонда, не осуществлявшаяся с 1950-х гг. Выявлено отсутствие 40 негативов, что по опыту работы других архивов является ничтожно малой цифрой (примерно 0,01% от всего числа негативов).

Проведена работа по усовершенствованию основных каталогов и рабочих картотек. Влило около 3000 карточек, в основном – по фондам М. Н. Потоцкого и И. А. Поталовой и М. М. Казаса.

Из поступивших в последние годы особо следует отметить следующие фонды:

Фонд 61. Личный фонд биолога М. Н. Потоцкого (1920–1998) и преподавателя английского языка в СПбГУ И. А. Поталовой (1914–2002). Фонд включает фотографии художника И. Я. Библина, сделанные им во время путешествия в Сирию, Палестину и Египет (около 5000), в том числе съемка коллекций Каирского и Александрийского музеев и др.; коллекцию открыток первой четверти

XX столетия, приобретенных им во время путешествия и проживания во Франции (более 6000), открытки, выпущенные Обществом Святой Еягений, и открытки, изданные на Соловках (Бюро печати УСЛОИ), с письмами епископа Мануила Лемешевского (из собрания И. А. Поталовой); фотографии 1920-х гг., сделанные на строительстве Волховской ГЭС, и многое другое.

Фонд 64. Личный фонд экономиста, заведующего кафедрой Московского института коммунального хозяйства и строительства М. М. Казаса (род. в 1934 г.). Коллекция включает фотографии 1870-х гг. памятников архитектуры Западной Европы; фотооткрытки и фотографии 1925 г. – архитектура г. Адрианополя и этнографические сюжеты по Турции и Западному Китаю; фотографии 1896 г. – этнографические сюжеты, портреты жителей Тверской губернии.

Фонд 66. Личный фонд археолога, основателя и начальника Саяно-Тувинской экспедиции (1965–1972) А. Д. Грача. Фонд включает материалы археологических исследований в Западной и Южной Туве (каменные изваяния, наскальные изображения, процесс раскопок разновременных курганов). Материалы археологических раскопок в Ленинграде, в том числе могилы С. П. Краценинникова, и подготовительные материалы к изданию книги «Археологические раскопки в Ленинграде».

Фонд 68. Личный фонд историка В. А. Калинина (род. в 1945 г.) и инженера В. В. Калининой (род. в 1948 г.). Фонд включает материалы по современному состоянию архитектурных памятников в различных городах России (общие виды и интерьеры), современным церковным обрядам (крещение, свадьба и т. д.). Все фотографии цветные и выполнены разными фотографами в конце XX–начале XXI в.

Фонд 69. Личный фонд военного историка Т. И. Воробьева. Фонд включает коллекцию открыток 1920–1960-х гг. с видами городов СССР, Кавказа, Крыма и т. д. Открытки с картин Третьяковской галереи, Русского музея, временных выставок (более 5000). Наибольшую ценность представляют 24 папки с паспортами памятников гражданской войны и Отечественной войны на территории СССР.

Фонд 71. Личный фонд художника, фотографа М. А. Мицкевича (1898–1956) включает негативы 1930–1950-х гг., исполненные в Ленинграде и Ленинградской области: виды города; общие виды и интерьеры музеев, в том числе упраздненных к настоящему времени, институтов, училищ и т. п.; виды городов, сел, колхозов различных районов Ленинградской области. Снимки этнологического и очеркового характера.

Фонд 76. Архив известного советского археолога В. Ф. Генинга включает более 300 папок рукописных материалов и отчеты по раскопкам на Урале, проводившимся под его руководством в 1960–1970-е гг., чертежи и фотографии.

Фонд 77. «Художники Санкт-Петербурга конца XX–начала XXI столетия» – фонд образован и постоянно пополняется историком искусства Т. В. Субботиной. Материалы в виде записанных на CD-Rom изображений: портреты, интерьеры мастерских и работы художников, а также каталоги, буклеты к выставкам, книги художников и т. п. Эти материалы можно назвать «фондом нового поколения», поскольку это первый и пока единственный фонд, сохраняемый исключительно на электронных носителях.

Названные фонды находятся в процессе научно-технической обработки. Большую помощь в обработке фондов В. Ф. Генинга и Т. И. Воробьева оказали студенты Уральского государственного университета (УрГУ), которые проходят архивную практику на базе Научного архива по договору между ИИМК РАН и УрГУ уже восемь лет.

Проекты М. Е. Килюновской, С. В. Красниенко и А. В. Субботина дважды были включены в программу «О мерах по усилению государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации» (100 ежегодно выделяемых через Министерство культуры грантов Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства). Кроме того, сотрудники Группы активно участвовали в 14 исследовательских проектах, поддержанных РФФИ, РГНФ и другими международными организациями и фондами.

А. В. Субботин, Ст. А. Васильев

НАУЧНЫЙ АРХИВ

В структуре ранее существовавших учреждений РАИМК–ГАИМК–ИИМК АН СССР–ЛОИА АН СССР Рукописный архив и Фотоархив являлись отдельными научно-вспомогательными подразделениями, обеспечивая виды работ, определенные для них Положением о научно-отраслевых архивах.

Рукописный архив, фонды которого начали формироваться с организацией Императорской Археологической комиссии в 1859 г., является крупнейшим в стране хранилищем, собранным по единому принципу: археология и охрана древностей во всех их проявлениях. В настоящее время он насчитывает 103 фонда, объединяющих более 70 тысяч единиц хранения (дел). В Фотоархиве ИИМК РАН – более 900 тысяч единиц хранения, объединенных в 77 фондах, и он является одним из крупнейших хранилищ в Европе и единственным специализированным фотоархивом в РАН. «Документально» Фотоархив существует с конца 1918 г., хотя фотографии собирались в библиотеке ИАК с самого начала ее существования.

В начале 2004 г. Рукописный архив и Фотоархив были объединены в единый Научный архив ИИМК РАН, составив его отделы: Рукописный и Фотоотдел. В 2000 г. Фотоархив, получив новые помещения на 3-м этаже здания Ново-Михайловского дворца, а Рукописный архив ИИМК РАН – дополнительные, занимались проблемами, связанными с перемещением материалов. Этот трудоемкий процесс полностью еще не завершён в силу разных обстоятельств.

Учет, хранение и научно-техническая обработка документов. Фотоотделом Научного архива была сделана полная проверка негативного фонда, не осуществлявшаяся с 1950-х гг. Выявлено отсутствие 40 негативов, что по опыту работы других архивов является ничтожно малой цифрой (примерно 0,01% от всего числа негативов).

Проведена работа по усовершенствованию основных каталогов и рабочих картотек. Влиито около 3000 карточек, в основном – по фондам М. Н. Потоцкого и И. А. Потаповой и М. М. Казаса.

Из поступивших в последние годы особо следует отметить следующие фонды:

Фонд 61. Личный фонд биолога М. Н. Потоцкого (1920–1998) и преподавателя английского языка в СПбГУ И. А. Потаповой (1914–2002). Фонд включает фотографии художника И. Я. Билибина, сделанные им во время путешествия в Сирию, Палестину и Египет (около 5000), в том числе съемка коллекций Каирского и Александрийского музеев и др.; коллекцию открыток первой четверти

XX столетия, приобретенных им во время путешествия и проживания во Франции (более 6000), открытки, выпущенные Обществом Святой Елены, и открытки, изданные на Соловках (Бюро печати УСЛОИ), с письмами епископа Мануила Лемешевского (из собрания И. А. Потаповой); фотографии 1920-х гг., сделанные на строительстве Волховской ГЭС, и многое другое.

Фонд 64. Личный фонд экономиста, заведующего кафедрой Московского института коммунального хозяйства и строительства М. М. Казаса (род. в 1934 г.). Коллекция включает фотографии 1870-х гг. памятников архитектуры Западной Европы; фотооткрытки и фотографии 1925 г. – архитектура г. Адрианополя и этнографические сюжеты по Турции и Западнему Китаю; фотографии 1896 г. – этнографические сюжеты, портреты жителей Тверской губернии.

Фонд 65. Личный фонд археолога, основателя и начальника Саяно-Тувинской экспедиции (1965–1972) А. Д. Грача. Фонд включает материалы археологических исследований в Западной и Южной Туве (каменные изваяния, наскальные изображения, процессы раскопок разновременных курганов). Материалы археологических раскопок в Ленинграде, в том числе могилы С. П. Крашенинникова, и подготовительные материалы к изданию книги «Археологические раскопки в Ленинграде».

Фонд 68. Личный фонд историка В. А. Калининна (род. в 1945 г.) и инженера В. В. Калининной (род. в 1948 г.). Фонд включает материалы по современному состоянию архитектурных памятников в различных городах России (общие виды и интерьеры), современным церковным обрядам (крещение, свадьба и т. д.). Все фотографии цветные и выполнены разными фотографами в конце XX–начале XXI в.

Фонд 69. Личный фонд военного историка Т. И. Воробьева. Фонд включает коллекцию открыток 1920–1960-х гг. с видами городов СССР, Кавказа, Крыма и т. д. Открытки с картин Третьяковской галереи, Русского музея, временных выставок (более 5000). Наибольшую ценность представляют 24 папки с паспортами памятников гражданской войны на территории СССР.

Фонд 71. Личный фонд художника, фотографа М. А. Мицкевича (1898–1956) включает негативы 1930–1950-х гг., исполненные в Ленинграде и Ленинградской области: виды города; общие виды и интерьеры музеев, в том числе упраздненных к настоящему времени, институтов, училищ и т. п.; виды городов, сел, колхозов различных районов Ленинградской области. Снимки этнологического и очеркового характера.

Фонд 76. Архив известного советского археолога В. Ф. Генинга включает более 300 папок рукописных материалов и отчеты по раскопкам на Урале, проводившимся под его руководством в 1960–1970-е гг., чертежи и фотографии.

Фонд 77. «Художники Санкт-Петербурга конца XX–начала XXI столетия» – фонд образован и постоянно пополняется историком искусства Т. В. Субботиной. Материалы в виде записанных на CD-Rom изображений: портреты, интерьеры мастерских и работы художников, а также каталоги, буклеты к выставкам, книги художников и т. п. Эти материалы можно назвать «фондом нового поколения», поскольку это первый и пока единственный фонд, сохраняемый исключительно на электронных носителях.

Названные фонды находятся в процессе научно-технической обработки. Большую помощь в обработке фондов В. Ф. Генинга и Т. И. Воробьева оказали студенты Уральского государственного университета (УрГУ), которые проходят архивную практику на базе Научного архива по договору между ИИМК РАН и УрГУ уже восемь лет.

В Рукописном отделе студенты-практиканты занимались верификацией документов, мелкой реставрацией, нумерацией страниц в делах и т. п. в фондах, находящихся в процессе научно-технической обработки.

В Фотоотделе к проверке наличия позитивной части фонда, пачатой в 2002 г., были привлечены студенты-практиканты из Санкт-Петербургских вузов (СПбГУ и Санкт-Петербургского университета культуры и искусства) и Уральского ГУ. Полистанный просмотр альбомов с оформлением результатов в таблицах позволил выявить как недостающие материалы, так и фотографии, требующие незамедлительного сканирования в связи с их физическим состоянием и с целью создания страхового фонда, осуществить мелкие реставрационные работы и др.

Сотрудники Фотоотдела занимаются созданием страхового фонда на электронных носителях (изображения с соответствующими аннотациями записываются на CD, DVD и хранятся на сервере ИИМК РАН). За два года записано более 40 дисков, включающих около 4000 изображений.

Наиболее частыми посетителями Научного архива в целом являются не археологи, а исследователи архитектуры и реставраторы, что связано со значительными работами, проводимыми в разных городах России и ближнего зарубежья, особенно по реставрации храмовой архитектуры. Самыми востребованными являются Метрики Рукописного отдела. Снимки росписи и мозаики пола понадобились, например, при восстановлении храма Христа Спасителя в Москве, интерьеры церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Орлеане – в связи с ее реставрацией. Снимки из коллекции веп. кн. Константина Константиновича были использованы при создании «Дворца конгрессов» в Константиновском дворце в Стрельне.

За год Научный архив посещают около 1800 специалистов (археологов, историков искусства, архитекторов, реставраторов и т. д.), в том числе из Германии, Великобритании, Франции, Финляндии, Китая.

В последние годы фотодокументы Научного архива были представлены на выставках «Санкт-Петербург и его окрестности в фотографиях второй половины XIX века» (к 300-летию Санкт-Петербурга), «Светозарная Казань» (к 1000-летию Казани), «Настоятели Исаакиевского собора», «И. Бианки – первый светписец Санкт-Петербурга», «Крым в старых фотографиях», «Горизонты. Восток – Запад в старых фотографиях», «Север-Запад России в старых фотографиях» в Таврическом дворце (Инвестиции-2001). Эти выставки устраивались Московским центром фотографии в Москве, Санкт-Петербургским центром фотографии в разных выставочных залах нашего города, Центральным выставочным залом «Манеж», Музеем истории Санкт-Петербурга и другими организациями.

Кроме того, в помещении ИИМК РАН совместно с библиотекой Института было проведено 11 выставок к памятным датам сотрудников И. Н. Хлюпина, Е. А. Горюнова, А. Н. Бернштама, А. М. Мандельштама, П. Н. Гуриной, П. И. Борисковского, А. Н. Рогачева, М. П. Грязнова, К. Х. Кушаревой и др.

В 2003–2005 гг. Фотоотдел Научного архива принимал участие в Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» с проектом «Великий Шелковый путь в фотографиях русских путешественников и исследователей второй половины XIX – первой половины XX века (по материалам фотоархива Института истории материальной культуры РАН)». В рамках этой программы подготовлены к изданию две книги: «Мусульманский мир Российской империи (по материалам Фотоархива ИИМК РАН)» (будет издана в 2006 г.) и «Древности восточной части Евразии (в материалах Фотоотдела Научного архива ИИМК РАН)».

Книга «Китай последней четверти XIX века. Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 годах» подготовлена в рамках участия Архива в российско-китайской программе «Русская культура XVIII–XIX веков» и должна выйти в 2006 г.

В 2001–2005 гг. по документам Архива издано 45 работ. Среди статей – обзоры документов по Старой Ладоге, Ярославлю и его округе (М. В. Медведева), а также археологическим исследованиям Императорской Археологической комиссии в Южной Сибири (Г. В. Длужневская); обзоры материалов научного наследия археологов В. Ф. Гайдукевича, востоковедов В. А. Жуковского, И. А. Орбели (Г. В. Длужневская, Н. А. Лазаревская) и материалов фонда 45 «Библиотека Мраморного дворца – собрания фотодокументов великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича» (Г. В. Длужневская) и др.

«Археологические вести» № 12, посвященные 60-летию победы в Великой Отечественной войне, открывает статья Р. В. Васильевой «Устали скитаться. Пора домой...», написанная по материалам Рукописного отдела.

По материалам Фотоотдела в 2003 г. изданы монография Г. Длужневской «Утраченные храмы Петербурга», книга «Монастыри и Скиты Святой Горы Афон в фотографиях из альбома великого князя Константина Константиновича Романова» (автор-составитель Г. И. Вздорнов). В 2004 г. опубликованы работа Д. Д. Васильева, Г. В. Длужневской и М. Е. Малевичинской «Православные святые Балкан» и альбом «Панорама Константинополя. 1878» (комментарии Г. В. Длужневской, прорисовки А. К. Филиппова). В 2005 г. вышла в свет книга «Древности восточной части Евразии» (автор-составитель Г. В. Длужневская).

Сотрудники Архива участвовали в археологических конференциях в Новгороде, Старой Руссе, СПбГУ, съездах, проводившихся Обществом востоковедов, делали доклады на заседаниях в Санкт-Петербургском научном центре. Кроме того, сотрудники Фотоотдела являются непременными участниками в работе семинаров и международных школ архивистов, посвященных сохранности и идентификации исторических фотографий.

Именно в последние годы Фотоотдел ИИМК РАН приобрел известность и занял заслуженное место среди учреждений, деятельность которых связана с фотографией. В ближайшее время предполагается сделать достоянием гласности и ценнейшие материалы Рукописного отдела ИИМК РАН.

Научный архив ИИМК РАН и редколлегия «Археологических вестей» обсудили проблему, связанную с системой ссылок в научных изданиях на материалы архива, и предлагают исследователям следующий вариант: НА, РА, ф. №, год, д. №, л. ... (для Рукописного отдела); НА, ФА, пег. ..., отп. ... (для Фотоотдела). Сохранение аббревиатур РА и ФА необходимо для понимания отсылок, опубликованных в научной литературе до 2004 г.

Г. В. Длужневская

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	– Археологические вести. СПб.
АИС	– Автоматическая информационная система.
АН	– Академия наук.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВСНХ	– Высший Совет по народному хозяйству.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ	– Государственный исторический музей.
ГИС	– Геоинформационная система.
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств.
ГУП	– Государственное унитарное предприятие.
ЗВРАО	– Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.–Пг.
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.–Пг.
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА	– Институт археологии.
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры.
КАТЭК	– Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс.
КАЭ	– Кольская археологическая экспедиция.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИА РАН	– Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии.
МАР	– Материалы по археологии России.
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии.
МГУ	– Московский государственный университет.
МИА СССР	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ОАК	– Отчеты Археологической комиссии.
ПМК	– Передвижная механизированная колонна.
РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры.
РАН	– Российская Академия наук.
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд.
РФФИ	– Российский фонд фундаментальных исследований.
СА	– Советская археология. М.; Л.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПбНЦ	– Санкт-Петербургский научный центр РАН.
УСЛОИ	– Управление Соловецких лагерей особого назначения.
BAR	– British Archaeological Reports, Oxford.
INTAS	– The International Association for the Promotion of Cooperation with Scientists from the New Independent States of the Former Soviet Union.
GIS	– Geo Information System.
NSF	– National Science Foundation, USA.
UISPP	– Union internationale des sciences préhistorique et protohistorique.